

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Юго-Западный государственный университет»

На правах рукописи

Зарубина Кристина Александровна

**Корыстная профессиональная преступность
как угроза национальной безопасности России**

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание
ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Желудков Михаил Александрович

Курск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Криминологическая оценка эволюции корыстной профессиональной преступности в России	18
§1. История корыстной профессиональной преступности и борьбы с ней в России	18
§2. Корыстная профессиональная преступность в России: состояние, тенденции и динамика, личность преступника	52
§3. Детерминация профессиональных проявлений корыстной преступности в новых условиях национальной безопасности России	87
Глава 2. Предупреждение и прогнозирование корыстной профессиональной преступности в России.....	104
§1. Система предупреждения корыстной профессиональной преступности	104
§2. Предупреждение корыстной профессиональной киберпреступности ..	138
§3. Криминологическое прогнозирование корыстной профессиональной преступности	160
Заключение	180
Список литературы	186

Введение

Актуальность темы исследования. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия) определяет высокий уровень преступности как одну из угроз современности. В ст. 42 Стратегии подчеркивается, что в настоящее время в России совершается большое количество преступлений корыстной и корыстно-насильственной направленности, что значительно дестабилизирует общественно-политическую обстановку¹. Наиболее опасным видом этой социальной «патологии» в настоящее время считается корыстная преступная деятельность, осуществляемая не от случая к случаю, а на постоянной основе, или, другими словами, корыстная профессиональная преступность.

Опасность данного вида преступности определяется рядом крайне негативных качественных характеристик. Она отличается неконтролируемостью и непрерывностью развития, исторической изменчивостью, многообразием форм преступной деятельности, высокой степенью защиты от социально-правового контроля, быстрой адаптацией к усилению воздействия правоохранительных органов, постоянным расширением сфер влияния, высокой степенью организованности и самодетерминации, а также значительной латентностью.

Масштабы распространения корыстной профессиональной преступности таковы, что она не ограничивается конкретной сферой деятельности, отраслью, регионом. Имея транснациональный характер, она поражает государственные и социальные институты в разных странах и на разных континентах, что также возводит проблему распространения этого опасного криминального явления в ранг международных. Так, наблюдается соединение отечественной профессиональной корыстной преступности, промысляющей на Дальнем востоке, с криминальными сообществами Кореи, Китая, Японии и некоторых иных стран с целью получения существенного дохода от контрабандной торговли

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

и других сфер транснационального криминального бизнеса. Происходит постепенное сращивание организованной и корыстной профессиональной преступности, где первая более не использует преступников-профессионалов как «обычных» исполнителей преступлений, а включает их в высшие криминальные круги «управленцев».

Кроме того, реальную угрозу национальной безопасности государства сегодня представляет деятельность корыстных профессиональных киберпреступников, паразитирующих в виртуальном пространстве и осуществляющих нередко в автоматизированном виде посягательства на крупные безличные денежные средства, хранящиеся у граждан и юридических лиц на банковских счетах, на большом территориальном удалении. Одним из приоритетов работы Министерства внутренних дел России на расширенном совещании коллегии МВД РФ в марте 2023 г. Президентом РФ В.В. Путиным была названа борьба с активно прогрессирующей в настоящее время преступностью с использованием информационных технологий², которая имеет чаще всего систематический, профессиональный характер. Так, в 2024 г. 40% преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Таких общественно опасных деяний зарегистрировано на 13,1% больше, чем в 2023 г., в том числе тяжких и особо тяжких составов – на 7,8%. В значительной степени именно этот фактор повлиял на рост в 2024 г. общего числа тяжких и особо тяжких преступлений на 4,8%³.

Актуализирует тему настоящего исследования также проблема противодействия профессиональному криминалитету, который более не сковывает себя строгими «законами» уголовного мира и в «погоне» за «заработком» постоянно самодетерминируется и адаптируется к новым вызовам времени, что не позволяет использовать «привычные» модели противодействия

² Путин констатирует рост преступности в РФ с использованием информационных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/moscow/main/putin-konstatiruet-rost-prestupnosti-v-rf-s-ispolzovaniem-informacionnyh-tehnologiy> (дата обращения 14.01.2024).

³ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 г. [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/60248328/> (дата обращения 20.01.2025).

деятельности корыстных преступников-профессионалов и требует пересмотра подходов к системе предупреждения рассматриваемого вида преступности.

Существенная трансформация профессионального корыстного преступного мира во времени и пространстве дает основание утверждать, что сегодня необходим поиск новых методов борьбы с этим опасным криминальным явлением, однако имеющийся богатый опыт противодействия данному явлению должен быть учтен. Комбинация исторического и современного опыта, в свою очередь, позволит выработать наиболее эффективную стратегию действия для решения указанной проблемы, что делает актуальным представленное исследование.

Цель диссертационного исследования – формулирование теоретической модели системы мер предупреждения корыстной профессиональной преступности как угрозы национальной безопасности России в контексте социально-экономических, культурных, политических преобразований общества и государства прошлого и настоящего.

Достижению поставленной цели способствует решение следующих **исследовательских задач:**

– сформулировать определение корыстной профессиональной преступности с выделением характерных признаков криминального профессионализма;

– дать оценку процессу трансформации корыстной профессиональной преступности в России в социально-экономических, культурных и политических условиях прошлого и современности;

– определить характерные черты личности современного корыстного преступника-профессионала и выделить их типы;

– конкретизировать детерминанты корыстной профессиональной преступности в новых условиях обеспечения национальной безопасности России;

– установить основные направления предупреждения современной корыстной профессиональной преступности;

– определить криминологически значимые характеристики корыстной профессиональной киберпреступности в условиях развития новой цифровой экономики и меры её предупреждения;

– на основе методов криминологического прогнозирования выявить особенности трансформации состояния и структуры корыстной профессиональной преступности в России на ближайшую перспективу;

– сформулировать предложения, направленные на повышение эффективности современного предупреждения исследуемой разновидности преступности.

Объектом исследования является комплекс общественных отношений, возникающих в связи с существованием корыстной профессиональной преступности и в сфере противодействия данному негативному социальному явлению.

Предмет исследования – уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления корыстной направленности, совершаемые преступниками-профессионалами, факторы, детерминирующие такие преступления, современное состояние, динамика отечественной корыстной профессиональной преступности в целом и её отдельных разновидностей и система мер, направленных на предупреждение корыстных преступлений, совершаемых профессиональными преступниками.

Степень разработанности темы исследования. Впервые проблемой исследования профессиональной преступности занимались учёные в XIX – начале XX вв. Значительный вклад в разработку теоретических аспектов рассматриваемой проблемы внесли фундаментальные труды следующих исследователей: М.Н. Гернета, И.А. Гольшева, С.В. Познышева, И.Д. Путилина, Е.Н. Тарновского, И.Я. Фойницкого, М.Н. Чубинского и других. Понятие «профессиональная преступность» в рассматриваемый период, как правило, определяли через признаки криминального профессионализма, а дефиницию «профессиональный преступник» трактовали свободно.

К числу авторов, занимавшихся изучением отдельных аспектов темы исследования в советский период, относятся А.И. Долгова, Н.Н. Геденов, М.М. Гродзинский, А.Б. Сахаров, Б.С. Утевский и другие.

Особо следует выделить работу А.И. Гурова «Профессиональная преступность: прошлое и современность» (1990 г.). В ней автор выделил этапы развития данного вида преступности в России, определил понятие профессионального преступника, уточнил признаки криминального профессионализма, рассмотрел иные проблемные вопросы по указанной теме.

В современности изучением корыстной профессиональной преступности в тех или иных аспектах занимаются такие исследователи как Ю.М. Антонян, М.М. Асланян, Н.С. Артемьев, М.В. Гончарова, С.А. Гринберг, В.А. Дилоян, А.А. Забелич, А.Н. Игнатов, С.В. Иванцов, М.А. Иващенко, А.С. Ильницкий, А.С. Лимарь, С.Я. Лебедев, А.В. Максименко, И.М. Мацкевич, С.Р. Микаутадзе, И.Н. Навроцкая, Н.Г. Новоселов, А.Л. Репецкая, А.А. Тайбаков, В.И. Третьяков, Ф.Р. Хисамутдинов, А.Е. Шалагин, В.А. Яценко и другие.

Среди зарубежных криминологических исследований следует выделить работы D. Hobbs, M. Junninen, K. Aromaa, O.N. Rakhimberlin, N. Shover, G.S. Coffey.

При достаточной разработанности общей теории преступности трансформация корыстной профессиональной преступности на разных этапах развития российского общества и государства не выступала самостоятельным объектом криминологического исследования, притом что многие современные изменения и «деформации» преступного мира обусловлены различными историческими процессами, происходившими в России, а криминальная субкультура как неотъемлемый признак профессиональной преступности и вовсе является результатом длительной эволюции уголовной среды. Не отрицая теоретическую значимость работ данных авторов, следует отметить, что большая часть исследований сконцентрирована на изучении профессиональной корыстной преступной деятельности через призму рецидивной и организованной

преступности. Однако данные виды преступности хотя и взаимосвязаны, но не тождественны.

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, международно-правовые акты, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, федеральные законы, указы Президента РФ, иные нормативные правовые акты, памятники отечественного права.

Эмпирическую базу исследования составили сведения о количественных и качественных показателях корыстной профессиональной преступности в России: статистические данные за 2017–2024 гг. ГИАЦ МВД России по основным показателям рассматриваемого вида преступности; результаты исследования 150 уголовных дел 2017–2024 гг., содержащие признаки проявления корыстной профессиональной преступной деятельности; аналитические и информационные материалы МВД России, Генпрокуратуры РФ 2017–2024 гг. по теме исследования; эмпирические материалы, полученные другими исследователями по смежной тематике.

Методология и методы исследования. Методологическим фундаментом исследования является диалектический метод познания социальной действительности. В процессе работы применялись логический, сравнительно-исторический, статистический, формально-юридический и другие методы. Логический метод позволил выявить и проанализировать закономерные связи между элементами системы противодействия деятельности корыстных профессиональных преступников. Сравнительно-исторический метод применялся для исследования эволюции корыстной профессиональной преступности на разных этапах развития общества и государства. Статистический метод использовался для оценки современного состояния корыстной профессиональной преступности в России, а также динамики её развития во времени. Формально-юридический метод позволил уяснить смысл и содержание норм права, направленных на борьбу с корыстной профессиональной преступностью в России в рамках реализации действующей уголовно-правовой доктрины. Для

формирования криминологического прогноза развития профессиональной корыстной преступности в России применялся метод математического моделирования. В соответствии с методологическими требованиями в процессе работы над диссертационным исследованием также проведён дескриптивный (описательный) статистический анализ конкретных уголовных дел, в результате чего удалось выявить основные характеристики личности современного корыстного профессионального преступника. Для получения и изучения многочисленного фактологического материала использовались анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия.

Научная новизна работы определяется кругом рассмотренных проблем, многие из которых оставались за рамками ранее проводившихся исследований, а также вопросов, требующих пересмотра с учетом современных тенденций развития общества и государства.

Предлагается авторское определение понятию «корыстная профессиональная преступность», позволяющее отграничить данный вид преступности от иных смежных явлений, актуализировать признаки криминального профессионализма исходя из современного состояния этого опасного антиобщественного явления и новых вызовов времени.

Для определения мер предупреждения корыстной профессиональной преступности разработана классификация детерминант данного вида преступности по содержанию и уровням укрепления криминального потенциала в деятельности корыстных преступников-профессионалов, представлена криминологическая характеристика личности типичного современного корыстного преступника-профессионала, произведена типологизация корыстных профессиональных преступников по способам ведения общественно опасной деятельности.

Разработанная с учётом исторического опыта и современного состояния исследуемого криминального явления система мер предупреждения корыстной профессиональной преступности отражает авторский взгляд на данную категорию

преступлений, которые являются не просто общественно опасными, но и несут в себе угрозу национальной безопасности государства.

Установлено, что корыстная профессиональная киберпреступность имеет трансграничный характер, что обуславливает необходимость реализации мер предупреждения данного вида преступности на двух уровнях (международном и национальном).

Основываясь на данных математического моделирования, впервые осуществлено криминологическое прогнозирование особенностей трансформации состояния и структуры корыстной профессиональной преступности в России для осуществления контроля за ее развитием и обеспечения в соответствии с установленными изменениями защищённости национальной безопасности государства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Корыстная профессиональная преступность – это вид преступной деятельности, характеризующейся исторической изменчивостью, значительной распространённостью в пространстве, высокой степенью самодетерминации и опасности для национальной безопасности государства и имеющей признаки криминального профессионализма, в числе которых обладание преступниками-профессионалами особым мировоззрением, где основным мотивом совершения преступлений является корысть, а другие мотивы лишь поддерживают данное внутреннее побуждение, высокой степенью неуязвимости к уголовному преследованию, необходимой криминальной квалификацией, специализацией, связями с преступной средой, позволяющими данным лицам извлекать постоянную и значительную материальную выгоду от совершения преступлений.

2. Для обеспечения эффективного противодействия корыстной профессиональной преступности с учётом исторического опыта и современного состояния данного криминального явления в зависимости от способов ведения преступной деятельности выделены следующие типы корыстных преступников-профессионалов:

– «цифровые» профессиональные преступники, совершающие корыстные преступления с помощью информационно-коммуникативных технологий (чаще всего в сети Интернет);

– преступники, действующие организованно и прикрывающие свою криминальную деятельность корыстной направленности, реализуемую на профессиональной основе, другим видом противоправной деятельности (например, экстремисткой и террористической деятельностью);

– «беловоротничковые» профессиональные преступники, извлекающие материальную выгоду от совершения преступлений «на работе» (государственной службе, в деловой сфере, бизнесе и т.д.);

– «традиционные корыстные профессионалы», использующие для достижения криминальных целей типичные преступные «схемы», разработанные и поддерживаемые многими поколениями преступников (например, карманники или профессиональные грабители).

3. Типичный современный корыстный профессиональный преступник – это мужчина (91%) в возрасте от 25 до 50 лет (66%), вставший на преступный путь в несовершеннолетнем возрасте (80%), холостой (82%), не имеющий детей (70%), получивший среднее специальное образование (82%), официально безработный (78%), совершающий в одиночку, но активно использующий связи в криминальной среде (57%), тяжкие (48%) преступления против собственности (65%) со средней криминальной квалификацией (69%) и имеющий отрицательную направленность психологического развития личности со свойственной агрессивностью, враждебностью, пренебрежением к общественным нормам, личной рациональностью, завышенной самооценкой, стремлением к неформальному лидерству в преступной среде и устойчивым желанием иметь значительные материальные блага, не занимаясь общественно полезным трудом.

4. Упрочению защищённости основ национальной безопасности российского государства способствует разделение детерминант современной корыстной профессиональной преступности на группы.

По уровням укрепления криминального потенциала:

– детерминанты, порождающие развитие как корыстной профессиональной, так и иной преступной деятельности и способствующие совершению первого преступления;

– специфические детерминанты корыстной профессиональной преступности, порождающие совершение повторного преступления и установление восприятия преступной деятельности как средства извлечения постоянного и значительного дохода.

По содержанию:

– в социально-экономической сфере: низкий уровень жизни; противоречия между материальными потребностями и возможностями граждан; социальный антагонизм и поляризация населения по уровню доходов, обуславливающие необходимость искать «дополнительные», нередко незаконные источники заработка; высокая прибыльность отдельных преступных промыслов, в отличие от законных источников заработка, «покрывающая» различные издержки и риски от совершения преступлений ввиду недостаточной защищённости некоторых сфер социально-экономических отношений;

– в политической сфере: недостатки при реализации государственной политики, направленной на противодействие указанному виду преступности; неустойчивость в функционировании институтов власти; коррумпированность органов государственной власти; проникновение профессиональной корыстной преступности в официальные властные структуры и создание ею параллельных официальной власти нелегальных систем управления обществом;

– в правовой сфере: погрешности юридико-содержательного и юридико-концептуального характера в отечественном законодательстве в сфере противодействия формированию криминального профессионализма у лиц, имеющих склонность к противоправному поведению, общественно опасной деятельности корыстных преступников-профессионалов, а также в практике применения соответствующих норм права;

– в духовной сфере: отсутствие единой национальной идеи в России; существенная утрата традиционных духовно-нравственных ценностей; деструктивное воздействие на общество «носителей» криминальной субкультуры.

5. Для организации системной работы по борьбе с корыстной профессиональной преступностью предложены следующие меры предупреждения данного криминального явления в разных сферах жизни общества и государства.

В нормативно-правовой сфере:

– придание уголовно-правового значения специальному рецидиву, даже в случаях, определённых ч. 4 ст. 18 УК РФ;

– уточнение терминов «высшее положение», «преступная иерархия», используемых в ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, посредством официальных разъяснений высшей судебной инстанцией;

– запрет публичной демонстрации атрибутики сообществ преступников-профессионалов и публичной пропаганды ценностей и норм криминальной субкультуры.

В организационно-управленческой сфере:

– разработка федеральной государственной программы ресоциализации жизни профессиональных преступников, отбывших наказание в виде лишения свободы, и постпенитенциарного контроля за ними;

– создание единой базы криминологического учёта профессиональных преступников России (автоматизированной информационной системы – АИС «Профессионал»).

В общесоциальной и идеологической сферах:

– информирование населения о наиболее типичных преступных схемах, используемых корыстными «профессионалами» для совершения общественно опасных посягательств;

– воспитание в обществе негативного отношения к преступному поведению, общее укрепление духовного благосостояния населения.

6. Современное состояние корыстной профессиональной киберпреступности как динамично развивающейся и трансграничной разновидности преступной деятельности обуславливает принятие соответствующих мер предупреждения на двух уровнях (международном и национальном).

На международном уровне:

– согласование национально-правовых систем в вопросах выработки стандартов криминализации корыстных киберпреступлений, обладающих большим потенциалом применения криминального профессионализма, проведения расследований и территориальной подсудности таких преступлений;

– создание единой информационной базы с персональными данными пользователей сотовой связи, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

На национальном уровне:

в правовой сфере

– ужесточение наказаний за криминализованные корыстные деяния, совершаемые в цифровой среде, обладающие высоким потенциалом применения криминального профессионализма;

– криминализация новых корыстных деяний, совершаемых в киберпространстве и имеющих профессиональный характер;

в организационно-управленческой сфере

– создание на базе Управления «К» МВД России отдела по борьбе с профессиональными корыстными киберпреступниками;

– улучшение качества межведомственного взаимодействия субъектов противодействия корыстной профессиональной киберпреступности;

в технической сфере

– усиление технической защиты системы передачи информации и соответствующих баз данных, позволяющих корыстным профессиональным киберпреступникам получить доступ к безналичным денежным средствам;

в общесоциальной сфере

– повышение уровня цифровой грамотности населения и совершенствование виктимологической профилактики в данном направлении.

7. На основании результатов математического моделирования на ближайшую перспективу (до 2030 г.) определены следующие особенности трансформации состояния и структуры корыстной профессиональной преступной среды в России:

преобладание в структуре преступлений, совершённых «профессионалами», общественно опасных посягательств корыстной направленности (с 70,2% в 2024 г. до 84,9% в 2030 г.) и постепенное сокращение корыстно-насильственной мотивации (с 29,8% в 2024 г. до 15,1% в 2030 г.);

рост и доминирование в структуре профессиональной корыстной преступности общественно опасных посягательств, совершённых «цифровыми корыстными профессионалами» (с 46% в 2024 г. до 59% в 2030 г.), среди преступлений, совершённых иными «категориями» «профессионалов» («традиционными» профессиональными корыстными преступниками – с 25,4% в 2024 г. до 11,93% в 2030 г.; преступниками, действующими организованно и прикрывающими свою криминальную деятельность корыстной направленности, реализуемую на профессиональной основе, другим видом противоправной деятельности – с 1,3% в 2024 г. до 1,42% в 2030 г.; «беловоротничковыми» профессиональными корыстными преступниками – с 27,3% в 2024 г. до 27,65% в 2030 г.);

значительное увеличение количества преступлений, совершённых корыстными «профессионалами» в составе организованных преступных формирований (с 56,7% в 2024 г. до 80% в 2030 г.), и появление нового устойчивого криминального «гибрида» – профессионально-организованной корыстной преступности;

рост удельного веса преступлений, совершённых корыстными преступниками-профессионалами в составе организованных преступных

формирований в киберпространстве (с 65,2% в 2024 г. до 94% в 2030 г.) и в «беловоротничковой» среде (с 57,4% в 2024 г. до 71,2% в 2030 г.).

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что полученные в работе результаты вносят вклад в развитие криминологии и уголовно-правовой науки, способствуют дополнению теоретической базы и методологии предупреждения профессиональной корыстной преступности, дальнейшему научному осмыслению социально-правовой природы рассматриваемого криминального явления. Содержащиеся в работе выводы могут быть использованы для дальнейших исследований представленной темы.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что полученные выводы и предложения могут быть использованы в законотворческом процессе; в практической деятельности правоохранительных органов, связанной с выявлением и предупреждением совершения преступлений корыстными преступниками-профессионалами. Результаты исследования могут найти применение в преподавании в средних профессиональных и высших образовательных учреждениях таких курсов как «Уголовное право», «Преступления против собственности», «Криминология» и другие, а также в системе повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, прокуратуры, суда, адвокатуры и т.д.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования определяется комплексным использованием ряда отраслей знаний (уголовного права, криминологии, истории и др.), соблюдением методологических требований криминологической науки, а равно и репрезентативной эмпирической базой. Теоретические выводы диссертационной работы основаны на новых данных, которые согласуются с результатами предыдущих исследований по рассматриваемой теме.

Апробация результатов диссертационной работы. Исследование проводилось на кафедре уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный

государственный университет» в соответствии с планом научно-исследовательской работы.

Результаты исследования получили высокую оценку на региональном уровне. За результаты научных исследований системы детерминации, развития профессиональной преступности в России и мер её предупреждения в контексте обеспечения национальной безопасности государства и противодействия новым угрозам современности диссертант удостоен премии Губернатора Курской области в области науки и инноваций для молодых учёных и специалистов в 2024 году.

Работа подготовлена в рамках выполнения Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1».

Материалы диссертации были представлены на различных международных и всероссийских научно-практических конференциях (Курск, 2019; Москва, 2020; Ростов-на-Дону, 2021; Рязань, 2022 и др.).

Основные положения, результаты и выводы диссертации отражены в 32 публикациях автора (22 статьи в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, 2 – в журнале, входящем в ядро РИНЦ, индексируемом в международной базе цитирования Web of Science).

Структура диссертации определена основными задачами диссертационного исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы.

Глава 1. Криминологическая оценка эволюции корыстной профессиональной преступности в России

§1. История корыстной профессиональной преступности и борьбы с ней в России

Совершенно очевидно, что преступность, будучи причинно связана с различными явлениями и процессами, происходящими в обществе, имеет историческое происхождение. Ее характер, уровень и темпы развития в различных социально-экономических и политических системах серьезно коррелируют с конкретными обстоятельствами жизнедеятельности общества и государства.

В дореволюционный период в России развитие преступности происходило в особых политических, социально-экономических и культурных условиях, которые значительно отличались от западноевропейских. Существование и развитие российского государства в особом социокультурном, политическом, географическом, экономическом пространстве оказало самое непосредственное влияние на разные сферы общественной жизни, в том числе и на консолидацию, зарождение жёсткого преступного «ядра» отечественного криминалитета.

В контексте характеристики общеуголовной преступности можно отметить, что профессиональная корыстная преступность в это время также формировалась и эволюционировала особым образом, о чём свидетельствует как действующая в рассматриваемый период уголовно-правовая политика государства, отражённая в памятниках русского права, так и воспоминания современников, фрагментарные статистические данные, исследования учёных.

Прежде чем характеризовать трансформацию профессиональной корыстной преступности в России в этот период, необходимо отметить, что одним из первых признаков криминального профессионализма, формирующих и определяющих всю систему признаков профессиональной корыстной преступности, является наличие криминальной специализации, т.е. систематичность преступной

деятельности корыстной или корыстно-насильственной направленности. Очевидно, что только после появления у правонарушителя узкой специализации, другими словами, «профессии» может идти речь о формировании особой квалификации, неуязвимости к уголовному преследованию, установлении связей преступника с другими представителями уголовного мира, усвоении ценностей и норм криминальной субкультуры, утверждению особого мировоззрения. Вследствие этого считаем данный признак первичным и полагаем, что исследование генезиса профессиональной корыстной преступности в России необходимо начать с анализа именно этой характеристики.

Ещё в период утверждения раннефеодальной монархии во многих отечественных нормативных правовых актах (начиная с Псковской судной, Двинской Уставной грамоты⁴) присутствовало упоминание о повторности совершения тождественных (однородных) преступлений корыстной направленности (по сути, профессиональной преступной деятельности) как об обстоятельстве, ужесточающем уголовную ответственность. Так, например, ст. 11 Судебника 1497 г. устанавливала назначение самого сурового для того времени наказания в виде смертной казни для повторной кражи (за двукратное совершение преступления)⁵. В Судебнике 1550 г. также встречается указание на повторное совершение кражи как на отягчающее обстоятельство («А поймают того ж татя с тадбою вдругие...» – ст.56)⁶. Последующие законодательные акты (Судебник 1589 г., Сводный судебник 1606-1607 гг.) значительных изменений и дополнений в понятие «повторность» преступной деятельности не внесли.

С XVII в. преступность в России начинает развиваться более активно. С началом Смуты в стране наблюдается глубокий социально-экономический и политический кризис. Имидж государственной власти в это время падает, во многих регионах страны царит полная анархия. Детерминирующим фактором для

⁴ Мартысеви́ч И. Д. Псковская судная грамота: историко-юридическое исследование. Москва: Изд-во Московского университета, 1951. С. 99.

⁵ Греков Б. Д. Судебник 1497 года. Издание Судебники XV-XVI веков. М.-Л., 1952. С.2.

⁶ Мюллер Р. Б., Черепнина Л. В. Судебники XV-XVI веков / коммент. А. И. Копанева, Б.А. Романова, Л. В. Черепнина; под общ. ред. Б. Д. Грекова. Санкт-Петербург: Наука, 2015. С. 76.

развития преступности становится нестабильное социально-экономическое положение. «Великий голод» 1601-1603 гг. охватил большую часть европейской территории России. По заявлению историков, это привело к появлению постоянно мигрирующих по стране голодных толп народа, которые добывали себе пропитание разбоем. В южных регионах страны шайки возглавляли атаманы⁷. На ключевых транспортных путях сообщений преступники отбивали товары, обозы, разграбляли рынки. Особо «прибыльным» считался пригород Москвы⁸. Вездесущая бескормица заставляла разбойничать и примыкать к подобным шайкам беднейшую часть населения⁹. Вот как описывает криминогенную обстановку в рассматриваемый период русский правовед Л. С. Белогриц-Котляревский: «...Разбойники воплощали в себе образ свободной жизни русского простолюдина XVII столетия; он тянул к этому идеалу своим душевным миром, он его олицетворял в известных образах, которые и запечатлевал в народных песнях. Странное, по-видимому, явление. Разбойник, скитающийся по степям и проводивший свою жизнь в разбоях и грабежах, вообще в преступлениях, вдруг становится идеалом, разгорячающий фантазию простолюдина XVII столетия...Огромные размеры татьбы и разбоев свирепствовали тогда в самом сердце России, Москве ...»¹⁰. Проанализировав данный отрывок, обратим внимание на следующее обстоятельство: в выражении «...проводивший свою жизнь в разбоях и грабежах, вообще в преступлениях...» обнаруживаются признаки криминального профессионализма. Автор фактически указывает на то, что грабежи и разбои в это время преступники совершают не от случая к случаю, а постоянно, на протяжении всей жизни, следовательно, у разбойников XVII в.,

⁷ Лобанов А. В., Кузнецов О. В. Борьба с преступностью в Нижнем Поволжье в конце XVI-начале XVII вв. // Информационная безопасность регионов. 2008. № 2. С.90–96.

⁸ Камедина Л. В. Культурная картина Смуты 1605–1612 гг. Глазами русских писателей // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. № 4 (36). С.53–58.

⁹ Стрижова И. М. Великая Русская Смута. Причины возникновения и выход из государственного кризиса в XVI–XVII вв. Дарь. 2007. С.54.

¹⁰ Белогриц-Котляревский, Л. С. О воровстве и краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование. Выпуск 1. Киев, 1880. С. 4, 15–16; Зарубина К. А. О некоторых особенностях развития профессиональной преступности в дореволюционной России // Вестник сургутского государственного университета № 3 (37). 2022 С. 93–99.

во-первых, появляется криминальная специализация, а, во-вторых, восприятие своей общественно опасной деятельности, как источника дохода. Вследствие этого можно заключить, что уже в XVII в. в преступном мире России более отчётливо формируются отдельные признаки криминального профессионализма.

Нормами Соборного Уложения 1649 г. охватывались новые случаи повторности преступной деятельности корыстной и корыстно-насильственной направленности. В данном нормативном правовом акте, как и в Судебниках XV-XVI вв. существовало понятие повторности преступления, однако за вторую «татьбу» (кражу) Соборное Уложение 1649 г. не назначало смертную казнь, вместо этого преступника пытали, отрезали ему правое ухо, сажали в тюрьму на 4 года (ст.10, гл. XXI). Совершение кражи в третий, четвёртый «и более» раз каралось смертной казнью с передачей имущества виновного потерпевшему (ст.12, гл. XXI). Также в Соборном Уложении 1649 г. впервые в истории отечественного законодательства появляется указание на повторность разбоя (ст.17, гл. XXI): «А будет разбойника поймают на разбое в другие, и его потому же пытатъ и в и(ы)ных розбоях. Да будет он повинится толко в дву розбоях, а убийства хотя и не учинил, и его за другой розбой казнить смертью...»¹¹. Из этого можно заключить, что в ответ на вызовы времени законодатель расширил понятие повторности преступной деятельности, а значит, преступники в представленный период ещё чаще многократно совершали тождественные преступления корыстной и корыстно-насильственной направленности, а видовое разнообразие криминальных специализаций увеличилось.

Также можем заметить, что повторные кражи и разбои стали чаще совершаться группами лиц, преступными объединениями (нормы Соборного уложения 1649 г., ко всему прочему, подробно разрабатывают отдельные формы и виды соучастия), что свидетельствует об упрочении криминальных связей между преступниками, вследствие чего в отечественном уголовном мире начала

¹¹ Соборное Уложение от 29 января 1649 г. [Электронный документ] URL: <http://base.garant.ru/57791500/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe/> (дата обращения 22.10.2019).

активно зарождаться и развиваться криминальная субкультура. Голландский мемуарист И. Масса в начале XVII в., к примеру, писал, что у беглых холопов, «гуляющих» существовал свой тайный язык – отверница. В связи с тем, что многие «свободные» люди добывали себе средства для существования разбоем и грабежом, фактически преступным промыслом, этот язык отождествлялся именно с уголовным миром. По замечанию исследователей, данный социолект использовали и бунтовщики И. Болотникова¹². Он складывался посредством «отворачивания» и переворачивания слогов слов, через замену и вставки различных частиц¹³. Другие учёные связывают появление «воровского» языка с формированием, так называемого, офенского диалекта – языка коробейников, торговцев разными мелкими товарами, ходивших по населённым пунктам и предлагавших местному населению те или иные изделия. Отсюда, по мнению исследователей, появилось выражение «ботать по фене», т.е. разговаривать на «воровском» языке¹⁴. Несмотря на то, что прямо коробейники не занимались никаким преступным промыслом, эта категория лиц отождествлялась с бродягами и лицами без определённого места жительства, поэтому к их деятельности относились настороженно, а особый социолект вскоре «приравняли» к криминальному языку. Так, формирующийся в это время уголовный жаргон (или ранние формы воровского арга), по своей сути, был социальным диалектом люмпенизированных слоев российского общества, нередко имеющих прямую прикосновенность к преступной жизни, ввиду отсутствия у них постоянного заработка, и вынужденных использовать различные методы конспирации (в том числе тайного языка) для обеспечения неуязвимости от уголовного

¹² Хаджаева Н. Х. Лингвокультурологический аспект возникновения в языке социальной лексики // *Lingua mobilis*. 2011. № 6 (32). С.66–70.

¹³ Приемывшева М. А. Тайные и условные языки в России XIX в. Часть I. Litres. М., 2019. С. 72; Зарубина К.А. О развитии криминальной субкультуры в России в дореволюционный период. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 77–83

¹⁴ Алексеев А. И. Краткая история и особенности криминального жаргона // *StudNet*. 2020. № 12. С. 540–545; Коротеева Н. А. Происхождение уголовного жаргона в России и меры борьбы с его распространением в современном обществе // *Отечественная юриспруденция*. 2020. № 5. С. 31–35.

преследования. Появление такого социолекта в российском обществе свидетельствовало о зарождении криминальной субкультуры.

С XVIII в. признаки криминального профессионализма в деятельности преступников, промышляющих криминальным заработком, стали проявляться ещё более отчётливо. Об этом свидетельствует, в том числе действующее в это время уголовное законодательство. Например, в Воинском артикуле 1715 г. (185 артикул) обнаруживается интересное указание на воровскую специализацию: «...Кто ворвётся, отопрет сундуки, хоромы воровскими ключами <...> того, как прочих воров прогоняли сквозь полк...»¹⁵, позднее это «ремесло» назовут домушничеством. Появляется в данный период и такая криминальная «профессия» как вор-карманник. Причём возникновению данной «профессии» поспособствовало одно из петровских преобразований (реформа в одежде, вводящая в моду платья европейского образца с множеством карманов). С 1701 г. по 1724 г. было издано 17 разных указов, регламентирующих правила ношения костюма европейского образца¹⁶. Ранее на русской одежде карманов не было, в связи с чем люди хранили свои сбережения в специальных мешочках, помещаемых на поясе – в «мошне», ввиду чего воры до начала XVIII в. просто срезали эти мешочки с деньгами, а за специфический способ совершения кражи данных лиц именовали мошенниками¹⁷. Однако с появлением одежды европейского образца с карманами появилась и новая преступная специализация вора-карманника. Со временем данный промысел превратился в самую настоящую криминальную «профессию», хотя сам термин «карманная кража» в отечественной юридической литературе стал употребляться лишь в середине XIX в.¹⁸

¹⁵ Воинский артикул 26 апреля 1715 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения 26.10.2019).

¹⁶ Брикнер А. Г. История Петра Великого. М.: Directmedia, 2015. С. 164.

¹⁷ История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 2: Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV — 70-е годы XVII века): монография / отв. ред. Н. М. Золотухина, В. М. Сырых. С. 246.

¹⁸ Богданов А. В., Хазов Е. Н. Карманные кражи: история и реальность // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С.20–22.

Особое развитие в XVIII в. получает институт преступного сообщества, что указывает на упрочение связей в криминальном мире, рост организованной преступности, тесно соприкасающейся с профессиональной. Так, в «Уставе благочиния или полицейском» 1782 г. указывалось, что любое утверждённое товарищество, общество, иное собрание, братство незаконны, если они наносят вред, ущерб или убыток обществу, либо организация бесполезна (ст. 65)¹⁹.

«Венцом» эволюции преступного мира России XVIII в. является появление первых отечественных знаменитых преступников, что свидетельствует о дальнейшем развитии криминального профессионализма. Особо примечательно жизнеописание преступной деятельности вора Ивана Осипова по кличке Ванька Каин, в будущем доносителя сыскаго приказа. Не менее известным вором XVIII в. был карманник Михайло Денисов, который стал «мошенничать» вместе с товарищами, московский вор Гаврила Никифоров, Тихон Степанов по кличке «Белый» и некоторые другие.

Исследование материалов дела Ваньки Каина помогло определить, как именно «выглядел» профессиональный преступник в XVIII в. Российский историк Е. В. Акельев определял три основные социальные группы, которые «питали» преступную среду в Москве в этот период: фабричные (рабочие промышленных предприятий), малолетние сироты (мальчики-подростки, оставшиеся без попечения родителей), беглые солдаты²⁰. В данных группах формировалась особо острая криминогенная обстановка, в связи с тем, что у представителей этих социальных слоёв были крайне тяжёлые условия жизни, отсутствовали средства для нормального существования. Не удивительно, что именно в этой среде возникали целые сообщества воров, разбойников, грабителей и мошенников. Большинство «профессионалов» XVIII в. относились к деклассированным неблагополучным социальным группам, «выбившимся» из традиционной системы

¹⁹ Устав благочиния и полицейский 1782 г. [Электронный документ] URL: <http://museumreforms.ru/node/13635> (дата обращения 26.10.2019).

²⁰ Зарубина К.А. О развитии криминальной субкультуры в России в дореволюционный период. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 77–83.

общественного устройства. Одним из определяющих факторов десоциализации было сиротство. К антиобщественной деятельности многие обращались с раннего возраста (даже с семи лет). Среди несовершеннолетних немало было по-настоящему квалифицированных преступников. Острое желание выжить заставляло подростков осваивать сложные техники совершения карманных краж нередко с использованием специальных инструментов²¹.

Отдельно отметим, что формирование профессиональной корыстной преступности в XVIII в. в России сопровождалось установлением специфических уголовных законов, обычаев и традиций²². Важнейшим элементом в структуре криминальной субкультуры становится криминальный язык. Он носил не только конспиративную, но и идентификационную функцию, служил средством «опознания» «своего» человека²³.

Примечательно, что в данный период у таких преступников впервые появляются и клички. О том, кто и как в криминальной среде придумывал эти прозвища доподлинно неизвестно, однако многие из них указывали на те или иные особенности внешности преступника. Так, в состав шайки известного московского вора Ваньки Каина (настоящее имя – Иван Осипов) входили: Губан, Плешивый, Широкий, Рыжий, Смазной, Сердитка и другие. Иногда кличка указывала на прежнюю профессию преступника (Столяр, Кувай), происхождение (Ляхов, Мурза, Поляк, Камчатка) и т.п.²⁴

В XIX – начале XX вв. в России профессиональная корыстная преступность достигает пика своего развития. Это время, по праву, можно определить, как

²¹ Акельев Е. В. Профессиональные преступники Парижа и Москвы первой половины XVIII в.: механизмы криминализации // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.): Сборник статей. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011. С. 217–228.

²² Грачёв М. А. Интервенция криминального языка // Наука и жизнь № 4. 2009. С.128–132.

²³ Акельев Е. В. Московские мошенники в XVIII в.: клички, язык, развлечения // Живая старина. № 1 (53). Москва, 2007. С. 46; Зарубина К.А. О развитии криминальной субкультуры в России в дореволюционный период. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 77–83.

²⁴ Зарубина К.А. О развитии криминальной субкультуры в России в дореволюционный период. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 77–83.

период расцвета исследуемого вида преступности. На это указывает, в том числе совершенствование мер предупреждения профессиональной преступной деятельности (в первую очередь, правовых).

Важным шагом развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за повторность преступной деятельности было Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение 1845 г.), являющимся, по сути, первым полноценным уголовным кодексом России. По Уложению 1845 г. специальная повторность преступлений признавалась более опасной, чем общая. Наказание ужесточалось не за двукратное повторение того или иного деяния, а за совершение «оного» преступления в третий, четвёртый и более раз. За это назначалась высшая мера государственного принуждения, которая предусматривалась за совершение данного вида преступления²⁵. Примечательно, что повторность в этом нормативном правовом акте распространялась не только на разбой и кражу (что предусматривали нормы предшествующего законодательства), но и на иные виды общественно опасных посягательств. Для некоторых видов преступлений повторность определялась особым образом, например, наказание за мошенничество, совершенное в третий раз усиливалось на несколько степеней.

Это даёт основание полагать, что специализацию в соответствии с действующим уголовным законодательством (начиная с XIX в.) стали приобретать не только воры и разбойники (на что указывалось в предшествующих законах), но и другие преступники²⁶.

Параллельно ужесточалась ответственность за совершение отдельных видов наиболее «профессионализированных» преступлений, например, за занятие

²⁵ Южанин В. Е. Ответственность за многократный рецидив преступлений (исторический аспект) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2007. № 17. С.71–82.

²⁶ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издание седьмое, переработанное и дополненное. Санкт-Петербург, 1892. С. 88; Зарубина К.А., Чапчиков С.Ю. Институт множественности как легальное средство борьбы с профессиональной преступностью в дореволюционной России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 137–145.

скупом или сбытом в виде промысла заведомо краденых лошадей²⁷, или за профессиональное бродяжничество («...ограждение общества от ущерба, который могут понести от бродяжничества лиц, принадлежащих к их составу, бродяги Ивана...»)²⁸. Также устанавливалась более высокая степень ответственности за совершение преступлений организованными группами²⁹.

В общую часть Уголовного Уложения 1903 г. (новой редакции уголовного кодекса России) впервые была включена норма, усиливающая ответственность за многократный специальный рецидив (ст.64). Лицо до вынесения решения, приговора или резолюции за совершение двух и более однородных или тождественных преступлений «по привычке к преступной деятельности» или ввиду «обращения к такой деятельности в виде промысла» подлежало назначению тягчайшего наказания: для каторги без срока надлежало воспретить перевод на поселение до истечения 20 лет; при срочном лишении свободы – продлить срок заключения; при назначении денежной пени – определить арест на срок до 1 месяца³⁰. Помимо норм Общей части о специальном рецидиве упоминалось в Особенной. Особое указание в законе на однородность или тождественность совершаемых преступлений, а главное – на восприятие преступной деятельности как промысла, привычки свидетельствовало о сформированности в российском обществе в рассматриваемый период «касты» профессиональных преступников³¹. Это косвенно констатировал современник данных событий, министр Юстиции Российской империи И. Г. Щегловитов³².

Также в это время совершенствовались иные (не правовые) меры борьбы с профессиональной корыстной преступностью, что тоже свидетельствовало о

²⁷ Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издание седьмое, переработанное и дополненное. Санкт-Петербург, 1892. С. 88. С.409–410.

²⁸ Там же. С.423–424.

²⁹ Там же. С.675.

³⁰ Уголовное Уложение 1903 года. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1903. С. 13–14.

³¹ Зарубина К.А., Чапчиков С.Ю. Институт множественности как легальное средство борьбы с профессиональной преступностью в дореволюционной России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 137–145.

³² Чистяков О. И. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юрид. лит-ра, 1994. С. 89.

значительной консолидации, формировании жёсткого преступного «ядра» уголовного мира. Например, в данный период для эффективного ведения розыскных мероприятий отечественные правоохранительные органы впервые стали использовать специальные регистрационные карточки преступников, в которых помимо прочего содержались сведения о деятельности «профессионалов». Так, в записке заведующего сыскной частью Киевской полиции от 18 декабря 1901 г. указывалось на регистрацию преступников по 32 категориям, из которых 22 – разделение по способам совершения краж³³. Правоохранительными органами в это время также собиралась «коллекция» почерков преступников, причём «автографы выдающихся профессиональных преступников» было рекомендовано сохранять с особой тщательностью³⁴.

Для того чтобы противостоять активно развивающемуся преступному миру свои профессиональные знания, умения и навыки совершенствовали и сами сотрудники правоохранительных органов. Среди различных органов, занимающихся охраной общественного порядка и спокойствия, в XIX – начале XX в. формируются специальные структурные подразделения по борьбе с опасными преступниками. Инструкция розыскной деятельности сыскных отделений уголовного розыска предлагала в это время следующую систему организации работы. В зависимости от численности все чины отделений полиции должны были разделяться на 3 группы (как справедливо замечает Д. С. Рыжов, по категориям профессиональной преступности): 1) разбои, убийства, грабежи, поджоги; 2) профессиональные воровские организации, кражи разных преступных специализаций; 3) подлоги, обманы, мошенничества, фальшивомонетчество, шулерство и т.п. Кроме того, в столичных городах (Москве и Санкт-Петербурге) в рассматриваемый период начали функционировать, так называемые, летучие отряды подразделений сыскной

³³ Рыжов Д. С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью 1866-1917 гг. [Электронный документ]. URL: <https://www.dissercat.com/content/borba-politsii-rossii-s-professionalnoi-prestupnostyu-1866-1917-gg> (дата обращения 04.08.2021).

³⁴ Жаров С. Н. Оперативно-розыскная деятельность уголовного сыска Российской империи // ЮП. 2007. № 4. С. 56–61.

полицей, куда входили сотрудники, ответственные за раскрытие разных видов преступлений, совершаемых «профессионалами»³⁵.

О том, что профессиональная корыстная преступность достигла высокого уровня развития также свидетельствует тот факт, что именно в XIX – начале XX в. завершилось формирование системы криминальной субкультуры дореволюционной России. Значительное развитие в этот период получает язык преступников-профессионалов. В связи с этим в России издаются целые серии «криминальных словарей» (например, «Словарь офенского искусственного языка», составленный И. А. Гольшевым и опубликованный в 1873 г. во Владимирских губернских ведомостях, труд И. Д. Путилина «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем “Музыки” или “Байкового языка”» 1904 г., книга «Жаргон преступников» Т. В. Чукановой и т. д.)³⁶. Складывается типология русской «воровской» речи: жаргон карманных воров, воров антиквариата, домушников и т.д., формируется «универсальный» криминальный язык³⁷.

Утверждается ещё один атрибут криминальной субкультуры – обычай татуирования себя особо опасными преступниками (от обычая их клеймения). С XIX в. в России татуированием стали заниматься наиболее «маститые» криминальные элементы, для того чтобы выделить себя из «серой» массы преступников и определить своё «место» в преступной иерархии, закрепляя соответствующий статус лица в криминальном мире. Первоначально особо распространены были преступные наколки в среде каторжников, в виду того, что

³⁵ Рыжов Д. С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью 1866-1917 гг. URL: <https://www.dissercat.com/content/borba-politsii-rossii-s-professionalnoi-prestupnostyu-1866-1917-gg> (дата обращения 04.08.2021).

³⁶ Гольшев И. А. Офени торгаши Владимирской губернии и их искусственный язык // Владимирские губернские ведомости. 1873. № 45. С. 1–4; Об условном языке прежних волжских разбойников // Московский телеграф. 1828. № 23. С. 382–383; Путилин И. Д. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем “Музыки” или “Байкового языка” // Записки И. Д. Путилина, Кн. 4. СПб., 1904. С. 261–267; Собрание выражений и фраз, употребляемых в разговоре Санкт-Петербургскими мошенниками // Северная пчела. № 282. 24 (22) декабря 1859. С. 1129–1130; Чуканова Т. В. Жаргон преступников // Вестн. права. 1916. № 33. С. 781–784 и др.

³⁷ Юнаковская А. А. «Записки из Мертвого дома» и «Сибирская тетрадь» Ф. М. Достоевского как основа русской лингвокриминалистики // Вестник ОмГУ. 2012. № 1 (63). С. 279–285.

сроки заключения на каторге были, как правило, продолжительными. Татуировки выполняли, в первую очередь, идентификационную и коммуникативную функции³⁸.

Особо в XIX – начале XX в. в преступном мире развивались криминальные традиции и обычаи³⁹, формируется преступный фольклор. Уже в начале XX в. каторжане активно слагали тюремные песни – прообраз современного «блатняка». В 1908 г. В. Н. Гартевельд во время поездки в Сибирь собрал музыкальные записи заключённых и ссыльных каторжан. В 1909 г. 12 песен были записаны на пластинки⁴⁰, а двумя годами позднее В. Н. Гартевельдом даже издана брошюра с текстом некоторых дореволюционных тюремных песен⁴¹.

Окончательно сформировалась в этот период и криминальная иерархия. Высшее положение в ней занимали, так называемые, «иваны», заключённые, которые ранее занимались преимущественно кражами и грабежами, неформальные лидеры преступного мира. Как справедливо замечает И. М. Мацкевич: «Если проводить исторические параллели, Иваны – это те, кого сейчас называют “ворами в законе”». Они не подчинялись общему порядку, редко работали, являлись неформальными лидерами⁴².

На следующей ступени преступной иерархии значились «храпы», уголовники, которые отличались от «иванов» отсутствием в поведении смелости и решительности. Пребывая в состоянии «тихой» оппозиции, они на всё всегда «храпели», в связи с этим их и стали именовать «храпами». В этой «касте» также выделяли «глотов» – заключённых, которые вставали на защиту того или иного человека за деньги, способствовали возникновению ссор.

³⁸ Малинин В. Б., Трапайдзе К. З. История возникновения татуировок // Царскосельские чтения. 2015. № 19. С.55–59; Зарубина К.А. О развитии криминальной субкультуры в России в дореволюционный период. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 77–83.

³⁹ Анисимков В. И. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. Санкт-Петербург, 2003. С. 153.

⁴⁰ Шалагин А. Е., Хрусталева О. Н. Тюремный фольклор в контексте криминальной субкультуры // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4 (30). С.46–52.

⁴¹ Гартевельд В. Н. Песни каторжан. М.: Об-во «Грамофон», 1911. С. 1–5.

⁴² Мацкевич И. М. Мифы преступного мира. Москва: Проспект, 2014. С.56–58.

«Игроки» – это профессиональные мошенники, шулеры. Наиболее ловкие из них носили звание «мастаков». Обычно они не выполняли каторжные работы, нанимая вместо себя, так называемых, «сухарников». Примечательно, что именно «сухарники» помимо чужой работы нередко брали на себя ответственность и за чужие преступления. Когда преступники проигрывались, они переходили в иную «касту», так называемых, «жиганов».

«Шпанки» занимали низшее положение в криминальной иерархии, их воспринимали как покорное большинство, всячески эксплуатировали, в том числе и «жиганы», заставляя выполнять не только свою, но и чужую работу. У них было лишь два состояния на каторге: работать и спать⁴³.

В дореволюционной литературе встречались и иные классификации преступников. Например, писатель-беллетрист А. И. Свирский подразделял заключённых в местах лишения свободы на случайных преступников (так называемых, «брусов» – «легавых» и «шламовых») и на «тюремный мир», состоявший из «фартовиков» – «жиганов» (бродяг и каторжников), «шпаны» (воров и прочих преступников) и «счастливых» (мошенников и шулеров)⁴⁴. Встречались и иные классификации преступников-профессионалов⁴⁵.

Подтверждают сделанные выводы об особой распространённости профессиональной корыстной преступности в России в XIX – начале XX в. сохранившиеся статистические данные. Так, Е.Н. Тарновский отмечал, что в 1874-1894 гг. в России значительно увеличилось число преступлений против собственности (включая кражу)⁴⁶. При этом удельный вес имущественной преступности по отношению к иным видам общественно опасных посягательств всегда находился на высоком уровне. Например, в 1860-1867 гг. доля

⁴³ Зарубина К.А. О развитии криминальной субкультуры в России в дореволюционный период. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 77–83.

⁴⁴ Свирский А.И. Мир тюремный (очерки). Санкт-Петербург: Издание А.Н. Морозов. 1898. С.1–5; Зарубина К.А. О развитии криминальной субкультуры в России в дореволюционный период. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 77–83.

⁴⁵ Познышев С.В. Очерки тюремоведения. М.: Г.А. Леман и Б.Д. Плетнев, 1915. С.111–114.

⁴⁶ Там же. 137–138.

преступлений против собственности превышала 60% от числа иных видов преступлений, первое место среди преступлений против частной собственности занимала кража – 80%. Отдельно подчеркнём, что именно среди имущественных преступлений в данный период времени уровень рецидива был наиболее высоким (см. Рисунок 1).

Рисунок 1 – Удельный вес рецидивистов среди остальных преступников (в европейской части Российской империи в 1889–1893 гг.)⁴⁷

Несмотря на то, что указанные статистические сведения характеризуют лишь движение преступности европейской части России, имеющиеся данные свидетельствуют о значительной криминализации общества, в целом, в представленный период, поскольку большая часть населения страны проживала именно в этой части, и большая часть рецидивистов, по сохранившимся

⁴⁷ Елисеев С.А. Общие черты имущественных преступлений в царской России // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 11 (62). С.37–40.

сведениям, – это, как раз, осуждённые за посягательства на собственность. А поскольку институт рецидива – это единственное «свойство», позволяющее легально идентифицировать повторность преступной деятельности, то имеющиеся данные прямо свидетельствуют о значительной распространённости в России в этот период профессиональной корыстной преступности.

В начале XX в. динамика числа осуждённых тоже имела тенденцию к росту. С 1899 по 1904 г. и с 1907 по 1908 г. число осуждённых за уголовные преступления и проступки увеличилось⁴⁸. При этом удельный вес имущественных преступлений в указанный период также был высоким (например, в 1908 г. удельный вес краж составлял около 30%)⁴⁹. Небезынтересна динамика наиболее опасных уголовных преступлений в отдельные исторические периоды.

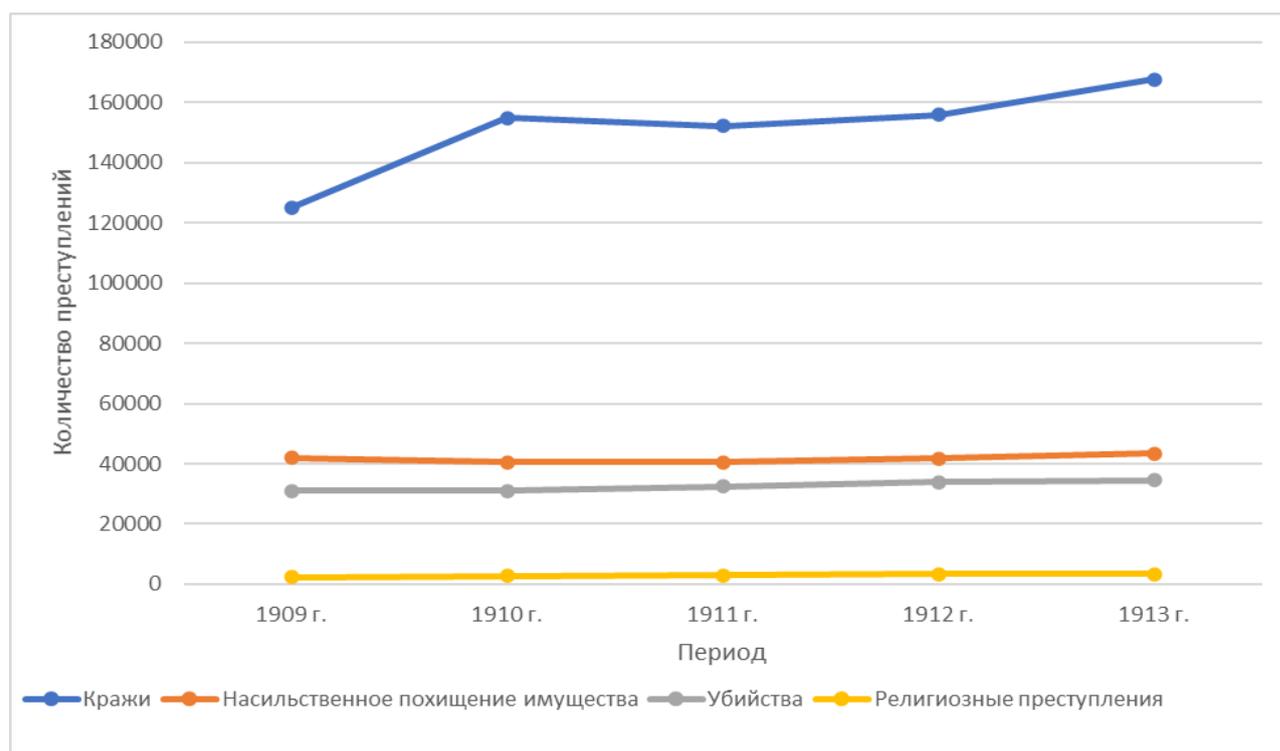

Рисунок 2 – Динамика совершения отдельных преступлений в России в 1909–1913 гг.⁵⁰

⁴⁸Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899-1908 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 9. С. 57.

⁴⁹Там же. С. 68.

⁵⁰ Гернет М. Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств). Москва: издание ЦСУ РСФСР, 1922. С. 64.

Анализируя представленные данные можно отметить, что наиболее активно среди наиболее распространённых видов преступлений росли именно корыстные. Число имущественных преступлений в общей структуре преступности оставалось стабильно высоким, что подтверждает вывод об особой корыстной ориентации преступной деятельности исследуемого периода в России.

В начале XX в. профессиональная корыстная преступность ввиду происходящих на политической арене событий несколько изменилась. Несмотря на то, что в XX в. профессиональный преступный мир вступил высоко организованным, хорошо структурированным, консолидированным и сплочённым, после падения монархии в России в 1917 г. в «касте» преступников-профессионалов начался кризис. В 1917-1920-х гг. произошло столкновение «царского» уголовного мира с «новым» советским. Отдельные филологи, исследователи криминальной субкультуры и преступного жаргона называли это противостояние «великой битвой», временем, когда «благородный преступный мир» столкнулся с вихрем революции⁵¹. Однако это противостояние было «детищем» не только Октября 1917 г., но и результатом опрометчивых реформ Временного правительства.

Общеизвестно, что А. Ф. Керенский для того, чтобы привлечь народные массы к «защите нового государственного порядка, открывающего путь к обновлению и светлой жизни», использовал, в том числе и криминальные силы⁵². По сути, он пытался укрепить центральную вертикаль власти и «купить» себе авторитет любой ценой. С этой целью А. Ф. Керенский весной 1917 г. объявил об всеуголовной амнистии по отношению к целому ряду «категорий» преступников: больным и увечным, лицам старше 60 лет и др.⁵³ В этом обширнейшем нормативном правовом акте содержалось более 30 пунктов с

⁵¹ Сидоров А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России // Книга первая (1917–1940 гг.). Ростов-на-Дону, 1999. С.1–3.

⁵² Сидоров А. А. Жиганы, уркаганы, блатари: подлинная история воровского братства, 1917-1940. М.: Эксмо, 2005. С. 12.

⁵³ Зарубина К.А. Профессиональный преступный мир в первые годы утверждения советской власти: особенности детерминации и условия развития // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1 (29). С. 24–31.

описанием оснований для амнистии. В отдельной статье указывалось на возможность освобождения тех преступников, которые не входили в число описываемых категорий, но изъявляли желание вступить в ряды действующей армии добровольно. По оценкам отдельных исследователей, в результате объявления амнистии на свободу вышли до 95 тыс. преступников, что составляло по отношению к общему числу заключенных более 60% (по состоянию на 1 февраля 1917 г.)⁵⁴. За месяц с 1 марта по 1 апреля 1917 г. количество заключенных в среднем сократилось на 75%⁵⁵. Так, на свободе для «напряжения творческих сил» (по выражению А. Ф. Керенского) оказались тысячи уголовников, которые, к сожалению, не выказали ожидаемой преданности новой власти и после освобождения вновь встали на преступный путь, вступив в конфронтацию с «благородным» криминальным миром царской России. На фоне нестабильного социально-экономического и политического положения страны бездумная амнистия привела к общему росту преступности, что, в свою очередь, способствовало ещё большей профессионализации преступного мира и разобращению среды высшего криминалитета, «диктующего» уголовникам правила жизни.

Однако, как уже упоминалось ранее, не только опрометчивые решения Временного правительства привели к расколу преступного мира на два «лагеря». Криминальные элементы противостояли друг другу и идеологически. Новую советскую действительность как должное восприняли не все. При этом многие несогласные с действующим политическим режимом не стали противостоять «красным» на фронтах гражданской войны, а нашли себя в криминале, противопоставляя новый «закон» своему собственному. Вследствие этого неприятие существующей действительности привело к частичному слиянию политически оппозиционно настроенных масс с преступностью. Наиболее

⁵⁴ Поцелуев Е. Л. Амнистии временного правительства России в марте 1917 г. // Вестник Ивановского государственного университета. № 3. 2017. С.25–30.

⁵⁵ Твердюкова Е. Д. Общество и преступный мир: некоторые аспекты взаимоотношений после Февральской революции // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2007. № 2. С.29–34.

успешные лидеры возглавляли преступные группировки, выражая тем самым ярое неповиновение советской власти⁵⁶.

На фоне этих событий облик преступного мира после 1917 г. заметно изменился. Если ранее даже «профессионалы» совершали по большей части «примитивные» преступления, не требующие серьезного интеллектуального напряжения и тем более особого мастерства, например, традиционные кражи, грубую подделку денежных средств и т.д. То уже после 1917 г. в связи с приходом в преступный мир представителей «благородных» сословий криминальный профессионализм преступников значительно повысился. Так, многие фальшивомонетчики в дореволюционный период в виду неграмотности большей части населения, а иногда и своей собственной, в основном обращали внимание только на цифирные обозначения, поэтому изготовители фальшивок без опаски допускали опечатки в словах: к примеру, иногда на купюрах вместо слова «ходячий» печатали «халячий», а вместо «ассигнация» «ассинация» и т.д.⁵⁷ После утверждения советской власти и пополнения уголовного мира бывшей интеллигенцией больше стали распространены именно интеллектуальные разновидности профессиональной преступной деятельности (к примеру, «нэпманское» (торговое) мошенничество). Это также обостряло борьбу «царского» уголовного мира с «новым» советским⁵⁸.

Противоборство между «царской» и «советской» преступностью ощущалось и в поведении, восприятии нравственных, моральных норм. К примеру, многие политические преступники, в 1917-1920-х гг. вставшие на путь криминала из идеологических соображений, в связи с неприятием советской

⁵⁶ Зарубина К.А. Профессиональный преступный мир в первые годы утверждения советской власти: особенности детерминации и условия развития // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1 (29). С. 24–31.

⁵⁷ Яковлев К. Л. К вопросу об участии органов центрального отраслевого управления в борьбе с фальшивомонетничеством в Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (25). С.89–93.

⁵⁸ Зарубина К.А. Профессиональный преступный мир в первые годы утверждения советской власти: особенности детерминации и условия развития // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1 (29). С. 24–31.

действительности, возглавляя преступные группировки, пытались внедрить в уголовный мир новые законы, традиции, правила. Так, в преступной среде возник запрет на общественно полезный труд, семью, участие в военных кампаниях, сотрудничество с властями и другое⁵⁹.

Не оставим без внимания и изменение после революционных событий 1917 г. отношения к преступности российского общества. Общеизвестно, что большевиков, иных лиц, участвующих в событиях октября 1917 г. на стороне «красных», большая часть населения воспринимала как самых настоящих преступников, посягающих на основы государственного строя. Измена политическому курсу оценивалась обществом негативнее, чем, например, преступления против личности или собственности⁶⁰. Так, например, в своём дневнике о происходящих в рассматриваемый период событиях писал бывший русский военачальник М. Г. Дроздовский: «Что можем мы сказать убийце трех офицеров или тому, кто лично офицера приговорил к смерти за “буржуизм и контрреволюционность”? Или как отвечать тому, кто являлся духовным вождем насилий, грабежей, убийств, оскорблений, их зачинщиком, их мозгом...»⁶¹. Русский философ первой половины XX в. И. А. Ильин, в свою очередь, прямо ставил знак равенства между революцией и преступлением, большевиками и преступниками⁶². Безусловно, мы не вправе оспаривать тот факт, что политическая преступность (к которой имели прямую прикосновенность большевики) всегда считалась одной из самых опасных разновидностей преступности. Однако именно такие серьёзные государственные потрясения, как революционные события 1917 г., переход к строительству совершенно иного, незнакомого и чуждого широкой общественности государственного строя

⁵⁹ Ефимкин М. С. Роль «Воров в законе» в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С.98–99.

⁶⁰ Зарубина К.А. Профессиональный преступный мир в первые годы утверждения советской власти: особенности детерминации и условия развития // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1 (29). С. 24–31.

⁶¹ Дроздовский М. Г. Дневник. Берлин: Отто Кирхнер и Ко, 1923. С. 85.

⁶² Ильин И. А., Лисица Ю. Т. Собрание сочинений. Том 5: [Основное нравственное противоречие войны; О сопротивлении злу силою; Статьи. Письма. Выступления]. Москва: Русская книга, 1996. С. 178.

позволили сформировать «удачный сравнительный ряд», по-иному оценить другие виды преступности, и сформировать у населения если не положительное, то хотя бы нейтральное отношение к «обычной», а также профессиональной корыстной преступности⁶³.

Хотя можно отметить, что в сложной культурно-идеологической ситуации на фоне кризиса традиционных моральных, религиозных норм и ценностей часто в народных массах встречалось и одобрителное отношение к преступной деятельности, ввиду того что революционная эйфория быстро сменялась ненавистью ко всему существу, а правовой нигилизм опосредованно поощрялся самой советской властью (ранее – Временным правительством). А. Г. Тепляков справедливо отмечает: «После завершения самой острой фазы гражданского противостояния произошло осуждение не на словах, а на деле – одобрение погромных инициатив снизу...»⁶⁴. И. В. Упоров также верно указывает, что появление стойкого правового нигилизма в России связано именно с революционными событиями 1917 г.⁶⁵

Так, на генезис профессиональной корыстной преступности в России в первые годы утверждения советской власти оказали влияние множество факторов: от правового нигилизма населения, до образования «нового» советского преступного мира, интенсивно борющегося с «царским» криминалитетом, что предопределило дальнейшее развитие указанной разновидности преступности.

Отдельно стоит подчеркнуть, что несмотря на качественное преобразование структуры профессионального преступного мира, общая тенденция роста преступности (особенно корыстной) в советский период сохранялась. Пик преступной активности приходился в довоенный период на 1924 г. В 1928 г.

⁶³ Зарубина К.А. Профессиональный преступный мир в первые годы утверждения советской власти: особенности детерминации и условия развития // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1 (29). С. 24–31.

⁶⁴ Тепляков А. Г. Криминал и власть в эпоху становления советской государственности // Новый исторический вестник. 2015. № 3 (45). С.44–64.

⁶⁵ Упоров И. В. Общественная психология правового нигилизма в России до и после революций 1917 г. // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 10. С.66–72.

общее число осужденных немного снизилось. В 1930-х гг. в РСФСР и СССР количество осуждённых выросло незначительно, показатели развития преступности также оставались на прежнем уровне. Так, имущественные преступления в СССР, по-прежнему, занимали «почётное» первое место в структуре преступности⁶⁶.

Послевоенная динамика движения корыстной преступности также свидетельствует о достаточно интенсивном её развитии. Пик активности приходится на десятилетие 1983-1993 гг. На 100 тыс. населения в это время приходилось в среднем 34,6 совершённых общественно опасных деяний, в то время как в 1970-1975 гг. – 17,2. В 1991 г. на 100 тыс. населения данный коэффициент достиг показателя в 62,5 преступления. Схожим образом выглядела динамика краж в СССР и России (больше всего преступлений было совершено в 1983-2003 гг.). Тренд движения преступности положительный (см. Рисунок 3).

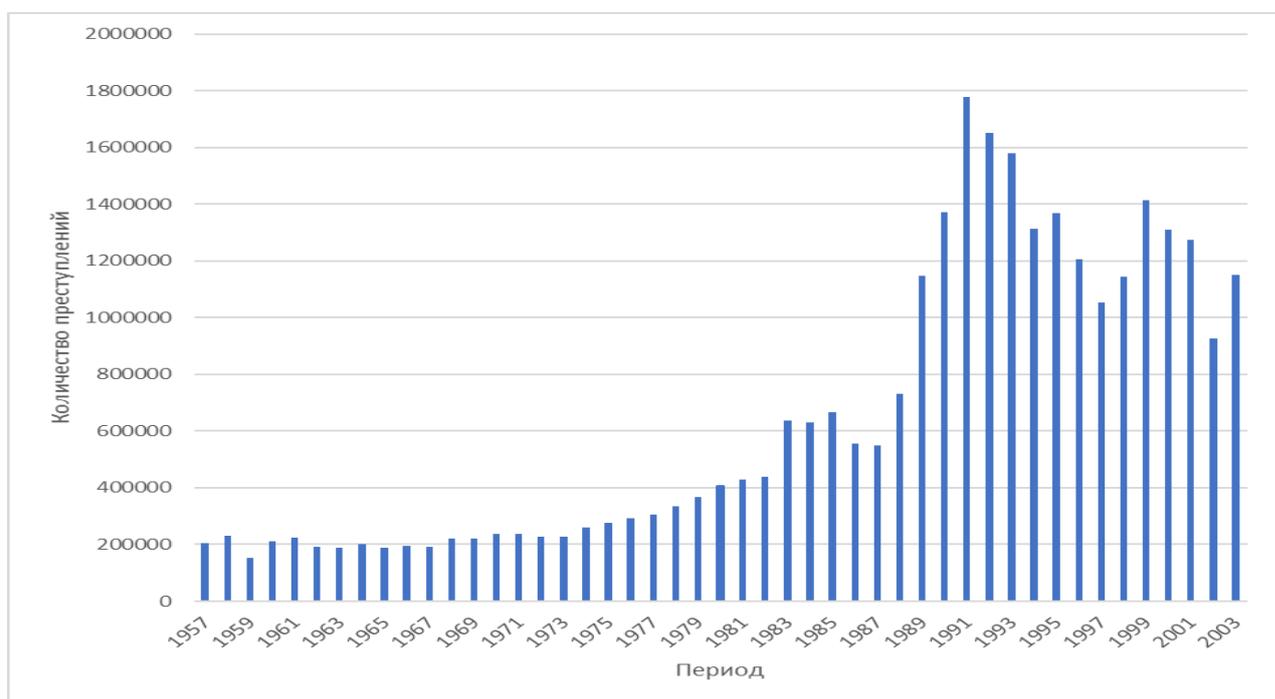

Рисунок 3 – Динамика отдельных преступлений против собственности (кражи) в СССР и РФ в 1957–2003 гг.⁶⁷

⁶⁶ Лунеев В. В. Преступность XX века. М., 1997. С. 56–57.

⁶⁷ Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции [Электронный документ]. URL: <https://files.student-it.ru/previewfile/11192/24> (дата обращения 20.05.2022).

Также укажем, что по данным официальной статистики из 24 млн. осуждённых в период с 1960 по 1986 г., каждый третий совершил новое преступление в третий раз, что прямо указывает на высокую степень профессионализации преступной среды. В 1980-1990-е гг. доля многократного специального рецидива в общей структуре преступности (по сути, число преступлений, совершенных «профессионалами») значительно возросла⁶⁸. А учитывая тот факт, что большая часть преступлений совершалась именно с корыстным мотивом (например, в конце 1950-х гг. 2/3 преступлений, регистрируемых уголовным розыском, составляли имущественные, большая часть – кражи⁶⁹), можно заключить, что профессиональная корыстная преступность также увеличивалась.

На рост профессиональной корыстной преступности в СССР указывает и совершенствование уголовного законодательства в сфере противодействия этой разновидности преступной деятельности. Понятие рецидив впервые употребляется в ст. 29 Временной инструкции от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового», где указывается, что для разрешения вопроса о назначении мер наказаний в местный Революционный Трибунал по окончании срока заключения распределительная Комиссия должна предоставлять решение о дальнейшей изоляции лиц, причисляемых ею к типу хулиганов, погромщиков или упорных рецидивистов⁷⁰.

Примечательно, что в советском уголовном законе впервые в истории отечественного законодательства присутствовали прямые указания на борьбу не просто с рецидивной, а с профессиональной преступностью в стране. Например, в п. «г», ст.12 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. отмечалось: «При определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать

⁶⁸ Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2014. С.51–53.

⁶⁹ Курицына Е. В. Преступность в советском обществе в 1953-1964 гг. (социально-криминологический аспект) // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2007. № 7. С.115–119.

⁷⁰ Постановление Народного Комиссариата Юстиции. О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (временная Инструкция) [Электронный документ]. URL: <https://istmat.org/node/30698> (дата обращения 21.06.2024).

совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным»⁷¹. Несмотря на то, что понятия профессиональная и рецидивная преступность по объёму не совпадают, в законе деятельность преступников-профессионалов отождествляется с рецидивом, в виду чего отличительные признаки криминального профессионализма теряются, хотя подобное «упоминание» всё же даёт нам право утверждать, что в данный период времени «каста» преступников-профессионалов уже окончательно сформировалась, и законодатель ставит перед советским уголовным правом наряду с иными задачами цель борьбы с этим видом преступности.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. законодатель уже разграничивает понятия «профессиональный преступник» и «рецидивист»: «совершено ли преступление профессиональным преступником или (выделено автором) рецидивистом или оно совершено в первый раз» (п. «е», ст.25 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.)⁷². На рецидив, как на отягчающее обстоятельство, указывали отдельные статьи Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (например, ст.183-184 УК РСФСР 1922 г.). В иных статьях при определении квалифицирующих признаков встречались понятия «повторно», «систематически», «в виде промысла»⁷³.

С криминологической точки зрения также интересны положения п. «б» ст. 180 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., где к отягчающим обстоятельствам совершения кражи законодатель прямо относил применение орудий или инструментов, иных технических приспособлений и приемов, а равно и случаи, когда деяние совершено лицом, которое занимается кражами как профессией

⁷¹ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. [Электронный документ]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901870462> (дата обращения 10.01.2020).

⁷² Там же.

⁷³ ВЦИК, Постановление от 1 июня 1922 г. о введении в действие уголовного кодекса РСФСР 1922 г. [Электронный документ]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=42602#09545321764657917> (дата обращения 10.01.2020).

(выделено автором)⁷⁴. В практической комментарии 1925 г. к Уголовному кодексу РСФСР дополнительно сообщается: «Квалифицированная кража, т. е. более опасная, считается таковою: когда она совершена с помощью технических приспособлений и приемов; когда она совершена лицом, занимающимся кражами, как профессией. Таким лицом надо считать всякого, кто делает себе из краж свой заработок вполне или, кто хотя бы и занимается каким-либо трудом, но кроме того промышляет и кражами. Не требуется, чтобы было несколько предварительных осуждений за кражу. Профессионалом-вором суд может признать и того, кто судится в первый раз. Но в этом случае необходимо, чтобы суд установил факт занятия кражами как профессией...»⁷⁵. Так, не смотря на сложность доказуемости данного состава преступления отечественным законодательством впервые была дана уголовно-правовая оценка деятельности вора-профессионала.

В 1926 г. был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, в котором уже отсутствовало прямое указание на профессиональный характер преступной деятельности как на отягчающее обстоятельство, не встречалось в тексте закона и понятие «рецидива». Закон в это время различал три вида повторности: повторность как квалифицирующий признак отдельных составов преступлений; повторность, как совокупность; повторность как отягчающее обстоятельство⁷⁶. Однако в свете активизации борьбы с профессиональной корыстной преступностью обращает на себя внимание законодательное выделение повторного совершение грабежа, разбоя, кражи, хищения лошадей, другого крупного скота, что относилось согласно нормам данного кодекса к квалифицирующим признакам (см. например п. «б» ст. 162, ст.165, 166, 167 УК

⁷⁴ Зарубина К.А. Уголовно-правовые основы борьбы с профессиональной преступностью в советской России в 1917-20-е годы // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20. № 1. С. 24–31.

⁷⁵ Уголовный кодекс: Практический комментарий: с дополнениями и изменениями по 1 июня 1925 г. под ред. М.Н. Гернета и А. Н. Трайнина. М.: Издательство «Право и жизнь», 1925. С. 266–267.

⁷⁶ Зарубина К.А. Уголовно-правовые основы борьбы с профессиональной преступностью в советской России в 1917-20-е годы // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20. № 1. С. 24–31.

РСФСР 1926 г.)⁷⁷. Особо примечательно указание на возможность подделки государственных кредитных билетов, металлических монет, банковских билетов Государственного банка, денежных бон, государственных ценных бумаг и т.п. «в виде промысла» (ст. 59.8 УК РСФСР 1926 г.), что прямо указывало на развитие криминального профессионализма среди фальшивомонетчиков. Подобным образом определялась общественная опасность покупки заведомо краденного, ростовщичества (ст. 164, 173 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.) и некоторых иных составов преступлений⁷⁸.

Отдельно отметим, что структура профессионального криминального мира в советский период заметно изменилась, и связано это было, в первую очередь, с появлением в СССР такой категории преступников как «воры в законе», не имеющей аналогов в мировой криминальной практике, уголовников новой формации. «Вор в законе» не обязательно должен был заниматься тайным хищением чужого имущества, поскольку указанное словосочетание с начала своего возникновения стало нарицательным.

Несмотря на многолетнее использование данного термина, доподлинно неизвестно, когда точно и при каких обстоятельствах появилось указанное понятие. Для уточнения вспомним, на фоне каких политических событий появилась данная «категория» преступников. Как уже упоминалось ранее, сразу после Октябрьской революции многие политические оппоненты советской власти встали на путь криминала из чисто идеологических соображений, возглавляя молодые преступные группировки, и стали называться «жиганами» (озорниками, пройдохами, дерзкими молодыми преступниками, тюремным «пролетариатом»). Естественно, они создавали новые правила поведения, обычаи и традиции криминального мира, адаптируя уже существовавшие «законы» к новым реалиям времени.

⁷⁷ О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г. [Электронный документ]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения 10.01.2020).

⁷⁸ Зарубина К.А. Уголовно-правовые основы борьбы с профессиональной преступностью в советской России в 1917-20-е годы // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20. № 1. С. 24–31.

Их противники – преступники из низших категорий криминальной иерархии, так называемые, «урки» (по одной версии – это сокращение царской полиции от «уголовно-регистраемого контингента»; по другой – производная от псковских, тверских, вятских диалектов «уркать» – ворчать, кричать, бурчать, употребляемая в отношении отдельных «категорий» заключенных). Они были не согласны с выдвижением новых преступных лидеров, в связи с чем конфликт между представителями разных «поколений» преступников обострился. На этой почве, по мнению некоторых криминологов, и сформировалась новая «каста» криминальных лидеров, особо почитаемых всем преступным миром, именуемых в дальнейшем «ворами в законе»⁷⁹.

Однако по утверждению других учёных, данная категория преступников, сформировалась в результате соединения старых лидеров преступного мира – «иванов» с новыми уголовниками, имевшими дореволюционный криминальный стаж, «урками»⁸⁰.

Существует и иная версия возникновения указанного феномена, по которой появление «воров в законе» в советском обществе связывали с формированием новых рычагов влияния на заключённых внутри организованной в СССР в 1930-х гг. системы Главного управления исправительно-трудовых лагерей (далее – ГУЛАГ). Согласно данной точки зрения, первые «воры в законе» – это завербованные сотрудники НКВД, внедрённые в среду заключённых с целью насаждения на идеологическом уровне выгодных советской власти, и прежде всего администрации ГУЛАГа, правил поведения для внутреннего контроля за деятельностью осужденных в период отбывания наказаний в местах лишения свободы. В настоящее время существуют и иные версии происхождения института «воров в законе», однако более реалистичны представленные научные обоснования.

⁷⁹ Ефимкин М. С. Роль «Воров в законе» в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С.98–99.

⁸⁰ Важенин В. В. Закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России // Общество и право. 2015. № 4 (54). С.18–22.

На наш взгляд, и первая, и вторая точка зрения имеют место быть, поскольку появление «мнимых» «воров в законе» (завербованных агентов НКВД) и насаждение новыми «авторитетами» неизвестных прежде правил поведения, обычаев и традиций было бы невозможным без кризиса криминального лидерства, в силу того, что своеобразный культурный, а точнее субкультурный вакуум, образовавшийся после Октябрьской революции 1917 г. необходимо было чем-то «заполнить». И если в «естественных условиях» развития этот процесс протекал бы медленнее (как например образование «касты иванов» в дореволюционный период в российском преступном мире), то завербованные сотрудники правоохранительных органов ускорили его, а значит, и к возникновению особого преступного феномена «воров в законе» они также «причастны». Вследствие этого заключим, что возникновение этого института внутри криминальной среды было естественным и закономерным, поскольку после утверждения советской власти преступный мир особо активизировался в виду всеобщей неразберихи и внутривластного хаоса, а правоохранительные органы смогли определённым образом, если не обуздать криминальную стихию, то частично переподчинить её.

Характеризуя хронологические рамки возникновения указанного явления, заметим, что отдельные исследователи уточняют: первые, так называемые, «воры в законе» появились сразу после революции 1917 г.⁸¹ Однако общепринятой считается версия о возникновении данного явления в 1930-х гг. в виду своеобразного перераспределения лидерства в преступных кругах, развития системы ГУЛАГа, всплеска преступности⁸². Так, начиная с 1930-х гг. «воры в

⁸¹ Ефимкин М. С. Роль «Воров в законе» в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 98.

⁸² Важен В. В. Закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России // Общество и право. 2015. № 4 (54). С.18–22; Шалагин А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С.36–39; Мальчук О. И. История развития феномена «вор в законе» // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С.109–110.

⁸² Мацкевич И. М. Профессиональная преступность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2008. № 1. С. 127–135.

законе» считали себя идейными преступниками, «князьями» криминального мира и отмечали свою принадлежность к «чистоплотным» преступникам.

Однако в начале 1940-х гг. в связи с принятием решения советской власти о досрочном освобождении из мест лишения свободы отдельных категорий преступников для отправки бывших заключенных на фронт между отдельными представителями преступного мира – «ворами в законе» – развязалась, так называемая, «сучья война», в виду того что часть криминальных «авторитетов» стала нарушать, так называемый, «воровской закон», например, устраиваясь на работу, защищая своё Отечество с оружием в руках, занимаясь общественно полезным трудом, в то время как идейные представители высшего преступного круга всячески противодействовали этому процессу⁸³.

В результате во второй половине XX в. произошли некоторые изменения в развитии такой преступной «касты» как «воры в законе». После окончания войны и возвращению к мирной жизни тех, кто не захотел вновь заниматься криминалом, стали именовать продажными «суками», а в связи с конфликтами в криминальных кругах начали часто возникать мелкие преступные сообщества, претендующие на уважение всего преступного мира. К таким объединениям относились неформальные объединения уголовников под следующими названиями: «Один на льдине», «Красная шапочка», «Дери-бери», «Беспредел» и другие⁸⁴.

С 1950-х гг. борьба советской власти с преступными лидерами становится одной из приоритетных задач реализации внутренней политики государства. Для обозначения множественности преступлений в уголовном законодательстве используются такие понятия, как «совершение преступления в виде промысла», «повторение преступлений», «упорный рецидив» и т.д. В Законе СССР об утверждении основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных

⁸³ Важенин В. В., Васильченко Д. А., Зуев Е. А. Закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России // Общество и право. 2015. № 4 (54). С.18–22.

⁸⁴ Глонти Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе). Монография. Тбилиси, 2004. С.27.

республик от 25 декабря 1958 г. для обозначения особо опасных преступников употребляется понятие «особо опасный рецидивист» (ст. 23, 23.1)⁸⁵. Однако четкого определения понятию профессиональный преступник закон по-прежнему не даёт.

На научной сессии, посвящённой сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, в 1957 г. отмечалось, что действующее в это время уголовное законодательство не содержит «никаких указаний по вопросу о том, какими правовыми мерами можно защитить общество от людей, которые к концу пребывания в месте лишения свободы своим поведением недвусмысленно показывают, что они не только не исправились, но продолжают представлять большую опасность для общества, для общественного порядка, для честных граждан...». В данном случае речь шла об определенной группе преступников, «не многочисленной, но чрезвычайно опасной, главным образом со стороны своего тлетворного влияния на окружающих, особенно на молодежь, о, так называемых, “ворах”, как они себя называли, которые сделали преступно-паразитический образ жизни не только своей профессией, но и своей философией, “идеей” своего существования...»⁸⁶.

Для реализации намеченного курса «воров в законе» стали направлять в тюрьмы, переводить в лагеря особого режима. В 1956 г. была образована экспериментальная колония, именуемая «Белым лебедем», в г. Соликамск, где содержали исключительно криминальных лидеров, просуществовавшая вплоть до конца 1980-х гг. Считается, что создание особого режима в исправительно-трудовых колониях (далее – ИТК) после введения в действие в 1961 г. нового Положения об ИТК и тюрьмах МВД СССР также представлялось очередной попыткой советской власти ликвидировать «касту» преступников-

⁸⁵ Закон СССР об утверждении основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. [Электронный документ]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13877> (дата обращения 21.06.2024).

⁸⁶ Никифоров Б. С. Основные вопросы развития советского уголовного права в связи с кодификацией уголовного законодательства // Труды научной сессии, посвящённой сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. 21-23 октября 1957 года. Всесоюзный институт юридических наук. Москва. 1958. С.104.

профессионалов, их клан, поскольку в ИКТ образ жизни заключенных был крайне аскетичен, а возможность общения, обмена опытом – сведены к минимуму⁸⁷. Однако и эти меры не привели к искоренению профессиональной корыстной преступности. Более того, к началу 1990-х гг. «воры в законе» окончательно укрепились в преступной иерархии и заняли свою социальную нишу. Ко всему прочему, к этому моменту институт «воров в законе» постепенно стал «легализоваться».

Так, во второй половине XX в. в советском преступном мире утвердились новая трёхуровневая структура осуждённых, которую условно можно именовать иерархией преступников-профессионалов, поскольку чёткого разделения между заключёнными и «свободными» «профессионалами» в данный период времени ещё не было. К тому же, именно в местах лишения свободы в течение продолжительного времени содержались особо опасные преступники, совершающие однородные и (или) тождественные преступления, деятельность которых может характеризоваться как профессиональная корыстная, хотя некоторые отличия в поведении, обычаях и традициях осуждённых и «профессионалов» всё же обнаруживались.

На высшей ступени «новой» криминальной иерархии осуждённых стояли «воры в законе», которые пользовались особым уважением в преступном мире.

Следующая, наиболее уважаемая категория преступников – «мужики». Туда входили «черти», «шпанка», «жиганы» и иные осуждённые, которых «авторитеты» не принимали в свой высший круг.

Третью ступень занимали, так называемые, «фраера», лица, занимающие пограничное положение между преступным и законопослушным миром, чей уклад жизни противоречил многим обычаям и «законам» «настоящих» уголовников. В связи с этим данную «категию» долго не признавали настоящие «хранители» криминальных традиций, считая «фраеров» исполнителями чужих

⁸⁷ Сухов С. В. Исторический аспект возникновения преступных лидеров // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. №3 (50). 2009. С.63–70.

поручений («мандёрами»), картёжниками («шпилевыми»), жертвами вымогательств⁸⁸.

Также подчеркнём, что в это время появляется много новых криминальных «профессий», отмирают или развиваются старые. Многообразие узких специализаций заметно расширяется, а степень технической оснащённости преступников и их подготовки становится на порядок выше. Как отмечал д.ю.н. А.И. Гуров, в 1980-1990-х гг. насчитывалось более 100 преступных специальностей (только по линии уголовного розыска), в то время как в 1920-х гг. таких «профессий» было в два раза меньше. Особо учёный выделяет появившийся в преступном мире тип преступника-универсала, исключительно «одарённого» лица, способного совершать разные виды преступлений и «зарабатывать» на этом деньги⁸⁹.

Также в данный период времени интенсивно развивается криминальная субкультура, которую активно усваивало именно профессиональное криминальное «ядро», и, прежде всего, «воры в законе», отбывающие в местах лишения свободы продолжительные сроки заключения. Существенно модифицировался в советский период жаргон преступников-профессионалов. Особый криминальный язык не просто выполнял идентификационную функцию, но и имел прикладную цель конспирации. «Тайный» язык был необходим «профессионалам» не только для создания особого имиджа, «уголовной романтики» преступной жизни, в частности, с целью привлечения в свой круг новых членов, но и для шифровки, предупреждения раскрытия преступлений. Уголовный жаргон, как элемент криминальной субкультуры, активно распространялся по всей стране, усваиваясь различными преступными группировками, в связи с чем, например, «воры в законе» из Средней Азии беспрепятственно начинали понимать «воров» из центрального региона России и,

⁸⁸ Анфиногенов В. А. Субкультура осуждённых и её влияние на их поведение в условиях изоляции. Ставрополь, 2016. С.26–29.

⁸⁹ Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Электронный документ]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/10.htm> (дата обращения 07.03.2022).

наоборот. Всплеск научных исследований уголовного жаргона, лексики профессиональных преступников происходит в 1990-х гг., в том числе непосредственно после распада СССР. В связи с этим издаётся множество словарей, энциклопедий воровского, тюремно-лагерного, блатного жаргона и т.п. (в том числе и для служебного пользования)⁹⁰.

«Визитной карточкой» профессиональных преступников становятся татуировки, наличие которых характеризовало, как и использование тайного языка, внутренний мир преступников, их отношение к различным ценностям, нормам морали, образ жизни и принадлежность к определённой «касте», «категории» преступников. Примечательно, что примерно во второй половине XX в. число татуированных, например, по сравнению с 1920-ми гг., значительно возрастает. Как отмечают исследователи: «Ни в одной стране мира зэки не были настолько сине-фиолетовыми, как у нас»⁹¹. Причём, как правило, чем больше у преступника было судимостей, тем «разрисованнее» становилось его тело. Продолжительное время именно такие наколки выполняли серьёзную коммуникативную, стратификационную и идентификационную функции. Хотя ближе к 1990 гг. от таких «знаков отличия» преступники нередко стремились избавиться, для того чтобы не обнаруживать себя⁹².

Неотъемлемой частью криминальной субкультуры также были клички, выполняющие, в первую очередь, конспиративную функцию. Подавляющее большинство преступников, в течение продолжительного времени занимающихся общественно опасной деятельностью, знали друг друга лишь по этим прозвищам, указывающим на особенности характера, физические способности, образ жизни,

⁹⁰ Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона: от П до Я. М.: «Кампана», 1997. – 525 с.; Балдаев Д. С. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. Край Москвы, 1992. – 425 с.; Словарь воровского языка: слова, выражения, жесты, татуировки. Нильпо, 1991 – 170 с.; Мильяненко Л. А. По ту сторону закона: Энцикл. преступного мира. Ред. журн. «Дамы и господа», 1992. – 316 с.; Хукка В. С. Жаргон и аббревиатура татуировок преступного мира: словарь – справочник. Нижний новгород: ГИПП «Нижполиграф», 1992 – 232 с.

⁹¹ Малинин В. Б. История возникновения татуировок // Царскосельские чтения. 2015. № XIX. С. 55–59.

⁹² Зарубина К.А. Татуировки как элемент криминальной субкультуры: история и современность // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 28–35.

иные приметы лица. Примечательно, что многие преступники-профессионалы для того, чтобы самоутвердиться в уголовной среде сами присваивали себе «именитые» прозвища. Например, В. К. Иваньков, советский «вор в законе» и криминальный авторитет второй половины XX в., присвоил себе кличку «Япончик»⁹³, по-видимому, в надежде унаследовать былую славу одесского налётчика М. В. Винницкого, более известного, как Мишка Япончик.

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы. Профессиональная корыстная преступность в России прошла длительный эволюционный путь развития. Генезис признаков криминального профессионализма окончательно завершился к началу XX в., вследствие чего уже в первые годы утверждения советской власти отечественный профессиональный криминалитет представлял себя монолитную, жёстко структурированную и хорошо организованную преступную среду, способную самодетерминироваться и контролировать жизнь всего уголовного мира. Между тем, слом традиционных ценностей и систем в буре революций 1917 г. привёл к качественному изменению структуры и механизмов функционирования профессионального криминалитета. На фоне коренного переустройства общественных и государственных устоев профессиональная корыстная преступность заметно трансформировалась, появилась новая «каста» «профессионалов» – «воры в законе», а профессиональная корыстная преступность, в целом, стала более неоднородной и восприимчивой к происходящим в обществе и государстве событиям. Вследствие этого на протяжении всего XX в. профессиональный корыстный преступный мир неоднократно «переадаптировался» к меняющимся политическим, социально-экономическим и культурным условиям, качественно перестраивая свою деятельность и приспособливая её к новым вызовам современности для обеспечения собственной безопасности и выживаемости.

⁹³ Мухин А. А. Российская организованная преступность и власть: история взаимоотношений. М.: Центр политической информации, 2003. С.52, 339.

§2. Корыстная профессиональная преступность в России: состояние, тенденции и динамика, личность преступника

Принято считать, что впервые термин «профессиональный преступник» появился в XVIII в. (по некоторым сведениям – в XV-XVI вв.). Как особый самостоятельный вид преступности профессиональная преступность была выделена на Гейдельбергском съезде криминалистов в 1897 г.

Зарубежные и российские криминологи термины «профессиональная преступность» и «профессиональный преступник» в основном определяли через признаки криминального профессионализма, однако к этим признакам относили в различные периоды разные характеристики⁹⁴. При этом устойчивое определение понятия профессиональной корыстной преступности сформировалось лишь в настоящее время.

Современные исследователи под профессиональной корыстной преступностью подразумевают самостоятельный вид преступности, совокупность преступлений, совершенных лицами, обладающими признаками криминального профессионализма, позволяющего получать им доход от своей противозаконной деятельности, где основным мотивом является корысть, а другие мотивы лишь поддерживают данное внутреннее побуждение.

К признакам криминального профессионализма относят: наличие преступной квалификации и специализации; связь преступника с криминальной средой (чаще всего раскрываемая в приобщении преступника к ценностям и нормам криминальной субкультуры); восприятие общественно опасной деятельности как основного источника средств существования⁹⁵.

⁹⁴ Зарубина К. А. Понятия «профессиональная преступность» и «профессиональный преступник»: эволюция взглядов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. № 9(5) 2019. С. 83–92.

⁹⁵ См.: напр. Малков В. Д. Криминология. М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. С. 142, 208–210; Гилинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Санкт-Петербург, 2002. С. 91; Криминология. Под ред. Кузнецовой Н.Ф., Лунеева В.В. 2-е изд., перераб. и доп. М.: 2004. С. 502; Микаутадзе С. Р. Уголовно-правовые и криминологические признаки преступного профессионализма, диссертация, Москва, 2006. С. 159; Фарышев Е. В. Современное понятие и содержание

Однако, на наш взгляд, к обозначенным определяющим признакам криминального профессионализма⁹⁶, которые отражают сущность профессиональной корыстной преступности и позволяют отграничить данное понятие от смежных явлений, необходимо добавить особые психологические характеристики личности профессионального корыстного преступника, обусловленные трансформацией мировоззрения «профессионала» в процессе осуществления противоправной деятельности на систематической основе, а также высокую степень неуязвимости от уголовного преследования, на что также указывают некоторые зарубежные исследователи⁹⁷.

Под высокой степенью неуязвимости от уголовного преследования, справедливо отождествляемой отдельными учёными с признаками криминального профессионализма, необходимо понимать возможность профессиональных корыстных преступников в течение длительного времени уходить от преследования правоохранительных органов и, соответственно, от уголовной ответственности вследствие наличия у них особых преступных навыков и умений⁹⁸.

Под особыми психологическими характеристиками личности корыстного преступника-профессионала следует понимать совокупность эмоциональных, интеллектуальных, мотивационных, потребностно-ценностных свойств личности, отражающих рациональный выбор деятельности преступника, предполагающий получение высокого вознаграждения за осуществление криминальной

профессиональной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2016, № 3 (33) С.90–93; Тулегенов В. В. Криминальная субкультура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. 2005. № 5. С. 220–226.

⁹⁶ Зарубина К.А. О некоторых особенностях развития профессиональной преступности в дореволюционной России // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 3 (37). С. 93–99.

⁹⁷ Makarenko N. K. Criminological portrait of a professional criminal // Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ. 2023. Т. 102. № 3 (Part 1). С. 121–129.

⁹⁸ Гирич А. В., Горбунов А. Н. Оперативно-розыскная психология [Электронный документ]. URL: (дата обращения 27.06.2024); Крупейников К. В. Понятие и криминологическая характеристика профессиональной преступности // Право и практика. 2018. № 3. С. 111–115.

деятельности при минимальных усилиях и риске, а также устойчивые антиобщественные установки жизни⁹⁹.

Вследствие этого, считаем, что более верное определение понятия будет звучать следующим образом.

Профессиональная корыстная преступность – это особый вид преступной деятельности, характеризующейся исторической изменчивостью, значительной распространённостью в пространстве, высокой степенью самодетерминации и опасности для национальной безопасности государства и имеющей признаки криминального профессионализма. К таким признакам надлежит относить обладание преступниками-профессионалами особым мировоззрением, высокой степенью неуязвимости к уголовному преследованию, криминальной специализацией, квалификацией, связями с преступной средой, позволяющими данным лицам извлекать постоянную и значительную прибыль от совершения преступных деяний.

Отдельно подчеркнём, что изменения структуры общеуголовной преступности в последние десятилетия в России выражены особо рельефно. При этом среди этих изменений важное место занимает преступная деятельность корыстной и (или) корыстно-насильственной направленности.

Так, согласно данным современной судебной статистики, в настоящее время наблюдается особая корыстная направленность развития преступной деятельности. Для наглядности динамика отдельных видов преступлений против собственности, совершённых в России в 1990-2024 гг., представлена на Рисунке 4.

⁹⁹ Hindelang M. Victims of personal crime: an empirical foundation for a theory of personal victimization. Cambridge, MA: Ballinger Publishing Co. 1978. P. 14–30; Борисова С. Е. Психологические особенности личности преступника // Юридическая психология. 2007. № 3. С. 26–32.

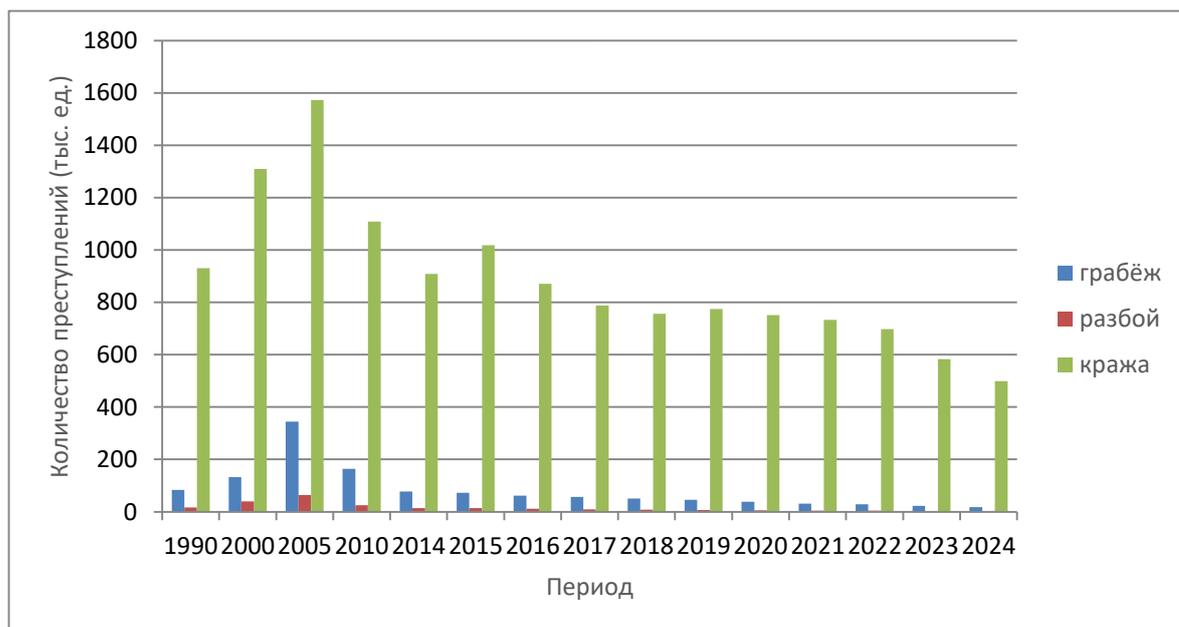

Рисунок 4 – Динамика отдельных видов преступлений против собственности в России в 1990–2024 гг.¹⁰⁰

Анализируя представленные статистические данные, можно отметить, что хищения чужого имущества в России начиная с 1990 г. по настоящее время имеют значительную распространённость. Общая статистика отечественной преступности указывает на их наибольший удельный вес в структуре преступности (как правило, более 50% всех преступлений)¹⁰¹. Отдельно подчеркнём, что такое преступное деяние как кража, оцениваемое исследователями, как высоко профессионализированное преступление, обладающее высоким уровнем латентности¹⁰², является, согласно представленным сведениям, не только самым «популярным» преступлением против собственности, но и наиболее распространённым общественно опасным деянием среди всех иных. Например, в «рекордном» 2005 г. среди 3,55 млн.

¹⁰⁰ Количество преступлений в России по годам и видам [Электронный ресурс]. URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/944-kolichestvo-prestuplenij-v-rossii> (дата обращения 01.06.2022); Состояние преступности в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения 20.01.2025).

¹⁰¹ Количество преступлений в России по годам и видам [Электронный ресурс]. URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/944-kolichestvo-prestuplenij-v-rossii> (дата обращения 01.06.2022); Краткая характеристика преступности [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения 01.06.2022).

¹⁰² Пляскина К. С. Криминологический анализ латентности краж // Научные исследования. 2017. №6 (17). С.45–48.

зарегистрированных преступлений 1,57 млн. преступлений – именно кражи. Вследствие этого заключим, что, несмотря на общее снижение числа наиболее распространённых в современной России преступлений против собственности (таких как грабёж, разбой и кража), по-прежнему, обнаруживается тенденция к преобладанию в структуре преступности преступлений именно корыстной и корыстно-насильственной направленности, являющихся «питательной средой» для развития профессиональной корыстной преступности, что в соединении с общим высоким уровнем латентности указанной разновидности преступности¹⁰³ в России и значительной распространённостью повторной преступной деятельности (по данным отдельных экспертных оценок¹⁰⁴) свидетельствует о росте и профессиональной корыстной преступности. Отдельно отметим высокий удельный вес ранее судимых лиц среди иных категорий преступников.

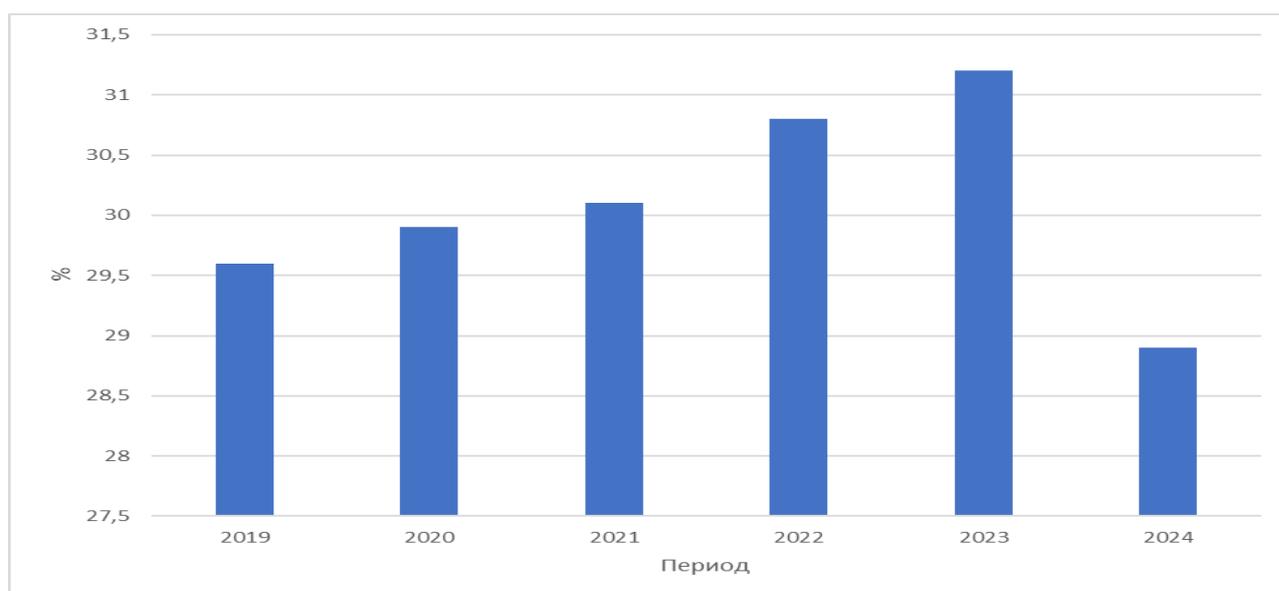

Рисунок 5 – Удельный вес ранее судимых лиц среди лиц, совершивших преступления в России в 2019–2024 гг.¹⁰⁵

¹⁰³ Иншаков С. М. Исследование криминальной латентности и парадоксы социального отрицания преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2008. № 4. С. 5–10; Зарубина К.А. О некоторых особенностях развития профессиональной преступности в дореволюционной России // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 3 (37). С. 93–99.

¹⁰⁴ Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. №4 (18). С. 50–55.

¹⁰⁵ Состояние преступности в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения 20.01.2025).

Представленные статистические сведения указывают не только на значительный удельный вес ранее судимых лиц среди иных категорий преступников (в среднем около 30%), но и на стабильный рост (за исключением 2024 г.) этой категории правонарушителей в течение последних лет. Полагаем, что это также указывает на значительную криминализацию отечественного преступного мира, перерастающую в его постепенную профессионализацию.

Характеризуя общее состояние профессиональной корыстной преступности, особое внимание уделим типологии личности профессионального корыстного преступника. Согласно общепринятой юридической квалификации преступников можно условно разделить на разные типы по мотивам преступного поведения, степени социальной опасности, содержанию ценностно-ориентационной направленности личности умышленных преступников и по преступной специализации. При этом типологизация личности профессионального корыстного преступника будет заметно отличаться от типологизации личности «традиционного» преступника.

В первую очередь, подчеркнём, что в соответствии с мотивами преступного поведения криминологи традиционно выделяют такие типы личности преступника как: корыстолюбивый, совершающий преступления из жадности наживы; престижный, совершающий преступные посягательства ради завоевания авторитета, занятия более высокого положения в обществе; игровой, совершающий преступления ради азарта; насильственный, получающий удовольствие в процессе совершения преступления от причинения насилия жертвам; сексуальный, совершающий преступления ради удовлетворения сексуальных потребностей; защищающийся, совершающий преступления с целью защиты от мнимых и действительных опасностей, угрожающих материальному благополучию, социальному положению, чести, здоровью, жизни преступника.

Учитывая тот факт, что основной целью профессиональной преступной деятельности является постоянное и значительное получение дохода, подчеркнём,

что в данной типологии доминирующим мотивом совершения преступлений является корысть, в связи с чем по данной классификации типичную личность преступника-профессионала можно отнести к корыстолюбивому типу. Однако в качестве дополнительных мотивом совершения преступлений могут быть представлены и иные. Так, например, в деле по обвинению граждан А., Н. и К. в совершении нескольких эпизодов краж (Приговор № 1-64/2019 от 19 сентября 2019 г. по делу № 1-64/2019 Е. районного суда (Астраханская область)) установлено, что помимо корыстного мотива у одного из обвиняемых, совершивших серию краж, присутствовал азарт и серьёзное увлечение преступной деятельностью¹⁰⁶. Другой пример – систематическое совершение преступлений корыстной направленности представителями высшей криминальной иерархии для поддержания своего статуса, «имиджа» «авторитета» преступного круга¹⁰⁷. Как видим, в профессиональном криминальном мире доминирующим мотивом совершения преступления ввиду специфики самой преступной деятельности «профессионалов» является именно корысть, однако в качестве дополнительных мотивов могут выступать и необходимость укрепления собственного статуса в глазах «коллег» по криминальному промыслу, и совершение преступлений из азарта, а в случае с совершением преступлений корыстно-насильственной направленности в качестве мотива также может быть получение удовольствия в процессе осуществления преступной деятельности от причинения насилия жертвам.

Характеризуя степень социальной опасности личности корыстного преступника-профессионала однозначно определим, что эта категория преступников относятся к антисоциальному (злостному) типу, поведение которых демонстрирует постоянную готовность к совершению корыстных преступлений. «Ситуативных» или «случайных» преступников в профессиональном преступном

¹⁰⁶ Приговор № 1-64/2019 от 19 сентября 2019 г. по делу № 1-64/2019 (Астраханская область) [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CPRtdQcuitgG/> (дата обращения 27.06.2024).

¹⁰⁷ Кутякин С. А. Современная парадигма криминальной организации (самоорганизации) и криминального менеджмента в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 9–12.

мире нет. Так, ещё на Гейдельбергском съезде криминалистов 1897 г. учёные стали выделять следующие типы преступников: случайные (эпизодические); преступники, совершившие преступления несколько раз; профессиональные (упорные) преступники¹⁰⁸. Долгое время российские правоведы отказывались от употребления термина «профессиональный», считая его неудачным, а профессиональных преступников называли неисправимыми, упорными, хроническими или привычными. Российский криминолог Я. И. Гилинский также справедливо называет устойчивое нежелание преступников-профессионалов исправляться и отказ от антисоциальной общественно опасной деятельности в качестве неотъемлемого признака профессиональной преступной деятельности¹⁰⁹. Вследствие этого можно заключить, что по степени социальной опасности личности корыстные «профессионалы» относятся именно к антисоциальному типу личности преступника.

Отдельного внимания заслуживает характеристика содержания ценностно-ориентационной направленности личности профессиональных преступников. Согласно общепринятой юридической классификации, по данному основанию преступников разделяют на корыстных, корыстно-насильственных и насильственных. В связи с тем, что объектом настоящего исследования является не просто профессиональная, а профессиональная корыстная преступность, определим, что в данной типологии будут преобладать представители корыстного и корыстно-насильственного типа преступников. По данным анализа выборки 150 уголовных дел, находящихся в производстве подразделений дознания и следствия УМВД России в 2017-2024 гг. и имеющих признаки профессиональной преступной деятельности, определено, что 78% преступников-профессионалов совершили преступления корыстной направленности, а значит, относятся к

¹⁰⁸ Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Электронный документ]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/10.htm> (дата обращения 07.03.2022).

¹⁰⁹ Гилинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Санкт-Петербург, 2002. С.211.

корыстному типу преступников, а 22% – к корыстно-насильственному типу¹¹⁰. Как видим, корыстная цель без признаков насилия, при совершении преступлений преобладает.

Помимо традиционных типов личности преступника, принятых криминологической наукой для классификации преступных элементов, можно вывести типологию профессиональных преступников по уровню криминального мастерства, а также по наличию и характеру связей в преступном мире.

По уровню криминального мастерства можно выделить «специалистов» высшего, среднего уровня и низкоквалифицированных специалистов. Примечательно, что по данным анализа выборки 150 уголовных дел, находящихся в производстве подразделений дознания и следствия УМВД России в 2017-2024 гг., и имеющих признаки профессиональной преступной деятельности, 69% преступников-профессионалов относятся к «специалистам» среднего уровня, 21% – высокого и 10% – к низкоквалифицированным «специалистам»¹¹¹. Вследствие этого можно заключить, что большая часть корыстных преступников-профессионалов являются «специалистами» среднего звена.

По наличию и характеру связей в криминальном мире можно выделить: профессиональных корыстных преступников-одиночек; профессиональных корыстных преступников, которые совершают преступные посягательства в одиночку, но активно используют связи в криминальной среде; преступников-профессионалов, совершающих посягательства в составе организованных преступных формирований.

По данным анализа 150 уголовных дел, находящихся в производстве подразделений дознания и следствия УМВД России в 2017-2024 гг. и имеющих признаки профессиональной преступной деятельности, определено, что большая часть современных корыстных профессиональных преступников – это лица,

¹¹⁰ Судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 30.01.2025).

¹¹¹ Судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 30.01.2025).

которые совершают преступные посягательства в одиночку, но активно используют связи в криминальной среде – 57%. В то же время 31% профессиональных корыстных преступников совершают посягательства в группах со сложным распределением ролей и 12% корыстных преступников-профессионалов – это «одиночки»¹¹².

Отдельно подчеркнём, что специализация корыстных преступников-профессионалов на современном этапе развития российского государства также заметно расширилась. К наиболее «популярным» корыстным преступным промыслам сегодня относят: карманничество, домушничество, профессиональное мошенничество, вымогательство, фиктивное банкротство, браконьерство и т.д.¹¹³

А. В. Табаков, В. А. Жбанков «добавляют» к этому «перечню» «профессию» наркоторговца, так называемыми, «дизайнерскими наркотиками», как новыми товарами на наркорынке, подчёркивая, что это направление криминальной активности характеризуется не только криминальным профессионализмом, но и особой интеллектуальностью и наукоемкостью¹¹⁴. Также, по замечанию исследователей, особо «популярна» сегодня такая преступная «профессия» как профессиональный контрабандист, осуществляющий незаконный сбыт через границу алкоголя, наркотиков и другой продукции, пользующейся спросом на рынке конкретного государства¹¹⁵. Кроме того, к профессиональной корыстной преступности относятся и высокотехнологичные преступные деяния, совершаемые в цифровом пространстве с целью постоянного извлечения

¹¹² Судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 30.01.2025)

¹¹³ Сурнаков Е. В. Проблемы профессиональной преступности в настоящее время и пути их решения. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний. С.97–99; Ишигеев В. С., Криминальный профессионализм в XXI в. как объект криминологического исследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 4(37). 2019. С.134.

¹¹⁴ Жбанков В. А. Транснациональная организованная наркопреступность и наркоконтрабанда как ее составляющая: современное состояние и основные тренды. Монография. М.: РИО Российской таможенной академии, 2017. С. 67.

¹¹⁵ Junninen M., Aronmaa K. Professional crime across the finnish-estonian border // Crime, Law and Social Change. 2000. Т. 34. № 4. С. 319–347.

прибыли. При этом представленный перечень современных криминальных «профессий» не является исчерпывающим.

В связи со сложностью организации структуры криминальных «профессий» в настоящее время исследователи разработали разные классификации корыстных преступников-профессионалов. Например, Н. С. Артемьев и А. А. Забелич в зависимости от приобщения к традиционным «ценностям» криминальной субкультуры выделяют два типа таких преступников: преступники-профессионалы, так называемой, «старой формации» (лица, воспринимающие и распространяющие «воровские» обычаи); преступники-профессионалы «новой формации» (лица, имеющие выраженные антисоциальные установки)¹¹⁶. Профессор, д.ю.н., А. И. Гуров в зависимости от рода занятия выделяет свыше 100 криминальных специальностей преступников-профессионалов, а также «универсальный» тип профессионального преступника, специализирующегося на разных направлениях общественно опасной деятельности¹¹⁷. Схожих взглядов придерживается криминолог И. М. Мацкевич. В зависимости от характера преступной деятельности и способа совершения преступлений учёный выделяет следующие виды профессиональных преступников: профессиональные воры; профессиональные мошенники; профессиональные убийцы; вымогатели; лица, предоставляющие криминальные услуги; помощники преступников-профессионалов; преступники-универсалы¹¹⁸. Так, наиболее распространённый подход к классификации преступников-профессионалов – по роду преступной деятельности или криминальной «профессии».

Однако меняющиеся социально-экономические, культурные и политические условия накладывают свой отпечаток на организацию структуры профессиональной корыстной преступности, в связи с чем в настоящее время

¹¹⁶ Артемьев Н. С., Забелич А. А. Характеристика профессиональной преступности и личности профессионального преступника // АВБсП. 2017. № 1. С.32–37.

¹¹⁷ Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Электронный документ]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/10.htm> (дата обращения 07.03.2022).

¹¹⁸ Мацкевич И. М. Профессиональная преступность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2008. № 1. С. 127–135.

появились многие новые преступные специализации, совершенно не свойственные советской эпохе и, тем более, дореволюционному периоду, например, «профессия» киллера, наркоторговца, профессионального цифрового мошенника и др. Это связано, в первую очередь, с появлением в современности новых для преступников предметов посягательств (например, наркотиков) и даже новых сфер деятельности (например, цифровой среды).

В связи с многочисленностью криминальных «профессий», считаем, что для практики важнее классифицировать современных профессиональных корыстных преступников не иначе как по сферам деятельности «профессионалов», поскольку именно специфика организации криминального промысла становится определяющей при разработке мер предупреждения указанного вида преступности.

Основываясь на современных данных о состоянии «рынка» криминальных «профессий», считаем, что условно в настоящее время корыстных преступников-профессионалов по сферам деятельности можно разделить на следующие «категории»:

– «цифровые» преступники, совершающие корыстные преступления с помощью информационно-коммуникативных технологий (чаще всего, в сети Интернет);

– преступники, действующие организованно и прикрывающие свою криминальную деятельность корыстной направленности, реализуемую на профессиональной основе, другим видом противоправной деятельности (например, экстремисткой и террористической деятельностью);

– «беловоротничковые» профессиональные корыстные преступники, извлекающие материальную выгоду от совершения преступлений «на работе» (государственной службе, в деловой сфере, бизнесе и т.д.);

– «традиционные корыстные профессионалы», использующие для достижения криминальных целей типичные преступные «схемы», разработанные

и поддерживаемые многими поколениями преступников (например, карманники или профессиональные грабители).

Теперь более подробно рассмотрим каждую «категорию» современных профессиональных корыстных преступников.

Итак, соглашаясь с мнением отдельных учёных, отметим, что особое место в структуре современной профессиональной корыстной преступности в настоящее время занимают именно профессиональные корыстные киберпреступники¹¹⁹. С. В. Скляр и К. Н. Евдокимов выделяют профессиональный характер современной российской цифровой преступности, как неотъемлемую черту¹²⁰. Британские криминологи также отмечают, что именно эти категории преступников сегодня более активно занимаются профессиональной преступной деятельностью, в связи с чем отождествлять киберпреступников исключительно с общеуголовной преступностью не совсем верно¹²¹.

Профессиональные корыстные «цифровые» преступники или киберпреступники – это лица, организовавшие свою профессиональную криминальную деятельность с использованием новых информационно-коммуникативных технологий, в цифровой среде и извлекающие от этой деятельности постоянную и значительную прибыль. Их преступная деятельность более технологична, интеллектуализированна и виртуализированна. Исследователи замечают, что в настоящее время такие «профессионалы» широко используют умения, навыки и знания гражданских профессий, активно встраивая их в систему криминальных знаний¹²². При этом отставание уголовной политики

¹¹⁹ Лакомов А. С. Киберпреступность: современные тенденции // Академическая мысль. 2019. № 2 (7). С. 53–56.

¹²⁰ Скляр С. В., Евдокимов К. Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 2. С. 322–330.

¹²¹ Shover N., Coffey G.S., Hobbs D. Crime on the line. Telemarketing and the changing nature of professional crime // British Journal of Criminology. 2003. Т. 43. № 3. С. 489.

¹²² Михайлов Б. П. Особенности криминальной среды России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 186–190.

России от темпов научно-технического прогресса, позволяющих защитить информационное пространство, несовершенство работы правоохранительных органов в сфере противодействия киберпреступности, трансграничность виртуального пространства, некоторые иные факторы делают возможности профессиональных корыстных «цифровых» преступников практически безграничными.

В настоящее время исследователи выделяют такие виды криминальных «профессий» «цифровых» преступников как профессиональные хакеры, создатели вредоносных программ, операторы ботнетов, организаторы кибератак и другие¹²³. Отдельно выделяют среди таких «профессионалов», так называемых, фишеров и кардеров.

Кардеры (от англ. card – кредитная карточка) – это лица, незаконно использующие информацию о платежных средствах, принадлежащую третьим лицам¹²⁴. Эти преступники активно используют технические средства изготовления, подделки банковских карт, имеют специальные технические навыки, непрерывно изобретают новые способы криминальных действий и другое (см. например, Приговор № 1-573/2020 от 8 сентября 2020 г. по делу № 1-573/2020 Ц. районного суда г. Кемерово)¹²⁵.

Фишеры (от англ. fishing – рыбная ловля) – это преступники, осуществляющие путем обмана пользователей сбор конфиденциальных данных о различных платежных средствах в своих корыстных целях. Как отмечают некоторые исследователи, профессиональные фишеры помимо обладания особыми техническими знаниями, умениями и навыками ещё и владеют психологическими приемами, позволяющими воздействовать, в том числе

¹²³ Каримов А. М. Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 1 (51). С. 75–82.

¹²⁴ Хисамова З. И. Кардерство в современной России // Вестник КРУ МВД России. 2012. №3 (17). С. 97–100.

¹²⁵ Приговор № 1-573/2020 от 8 сентября 2020 г. по делу № 1-573/2020 (Кемеровская область) [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/x4yF5QuhexHV/> (дата обращения 27.09.2024).

удаленно на сознание человека¹²⁶. Занятие фишингом основано, в первую очередь, на незнании пользователей виртуальной сети норм сетевой безопасности. Жертвами фишинга, как правило, становятся клиенты банков, а также пользователи различных электронных платежных систем, посетители виртуальных аукционов, поскольку через получение доступа к учетным записям от тех или иных сервисов, к которым привязаны денежные средства, мошенники, как правило, и овладевают этими денежными средствами (см. например, Приговор № 1-617/2023 от 5 сентября 2023 г. по делу № 1-617/2023 С. городского суда г. Сыктывкара¹²⁷).

Как видим, «уход» преступности «в цифру» значительно повлиял на облик современной профессиональной корыстной преступности. И эта условно выделенная «категория» профессиональных корыстных преступников в настоящее время достаточно широко представлена, а их «профессиональное» становление (как опытных, неуязвимых к уголовному преследованию и чрезвычайно интеллектуально одарённых преступников), имеющиеся криминальные умения и навыки, знания существенно отличают эту группу «профессионалов» от других.

Следующая «категория» корыстных преступников-профессионалов – это преступники, действующие организованно и прикрывающие свою криминальную деятельность корыстной направленности, реализуемую на профессиональной основе, другим видом противоправной деятельности. Как правило, данную «категию» представляют корыстные преступники-профессионалы – члены различных криминальных объединений, чаще всего, террористической и экстремистской направленности, которые извлекают выгоду от особого рода противоправной деятельности. Общеизвестно, что подобные объединения осуществляют свою деятельность, на первый взгляд, законным способом, однако,

¹²⁶ Жиделев В. Г. Некоторые аспекты квалификации преступлений в сфере компьютерной информации в российском и зарубежном законодательстве // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2. С.23–25.

¹²⁷ Приговор № 1-617/2023 от 5 сентября 2023 г. по делу № 1-617/2023, С. городской суд (Республика Коми) [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e82eh3iuUxbK/> (дата обращения 27.09.2024).

на самом деле, зарабатывают на своих «подопечных». Такого рода криминальная активность в России стала особо популярна с 1990-х гг., поскольку именно в этот период каждый зарабатывал, «как мог», а некоторые зарабатывают «как могут» и по сей день (см. Рисунок 6).

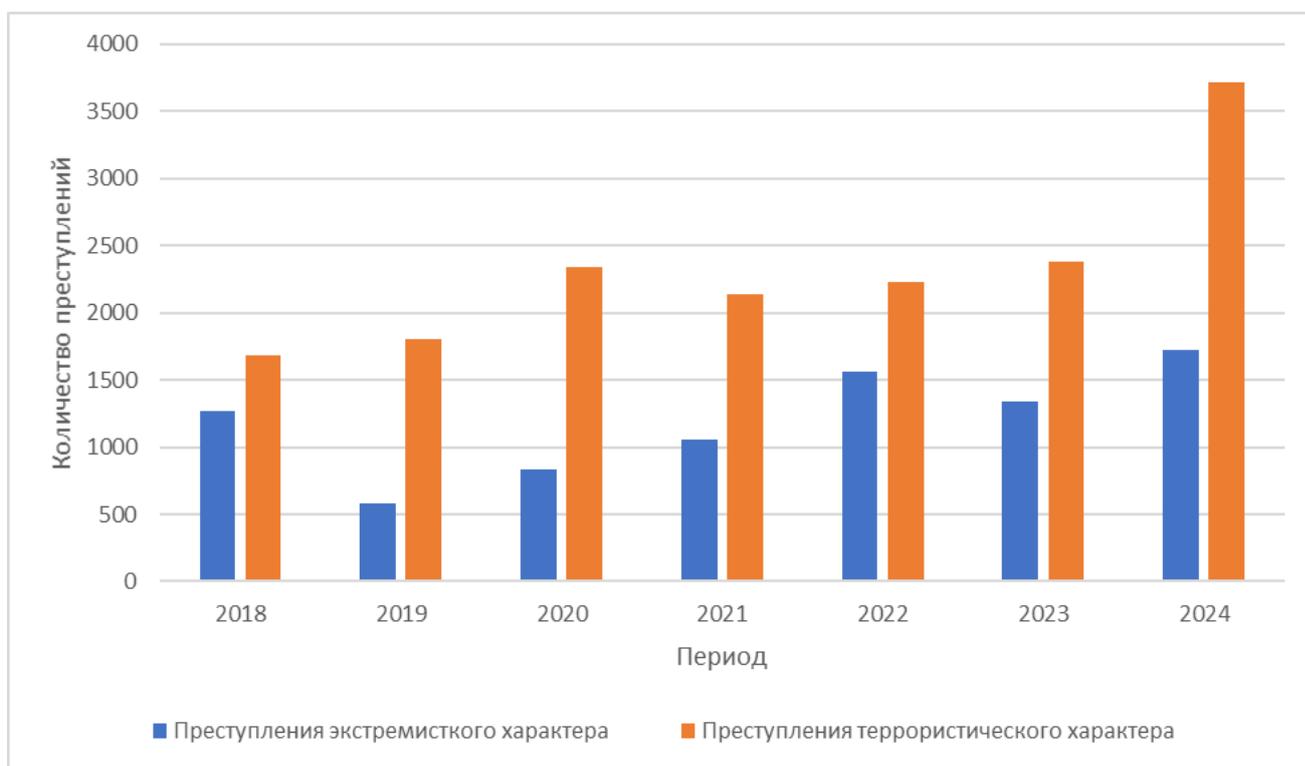

Рисунок 6 – Сведения о преступлениях экстремистского и террористического характера, выявленных субъектами учёта в России в 2018–2024 гг.¹²⁸

Несмотря на то, что современная судебная статистика не выделяет среди преступлений террористического и экстремистского характера общественно опасные деяния, совершённые, в первую очередь, не по идеологическому, а по корыстному мотиву, представленные статистические данные свидетельствуют о значительном распространении этого вида преступлений, в целом, а учитывая тот факт, что в настоящее время современная преступность террористической и экстремистской направленности (по справедливым оценкам исследователей)

¹²⁸Состояние преступности в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения 20.01.2025).

приобрела именно профессионально-корыстный характер¹²⁹, устойчивый рост данной разновидности преступной деятельности косвенным образом указывает и на распространение криминального профессионализма среди лиц, «промышляющих» терроризмом и экстремизмом из корыстных побуждений.

Отдельные специалисты в связи с этим условно разделяют современных террористов на несколько типов: лиц, совершающих теракты ввиду склонности к насилию; «террористов-попутчиков», скрывающихся от наказания; «слепых зомбированных исполнителей»; террористов-идеологов и фанатов-боевиков, а главное, террористов, преследующих цель материального обогащения. В связи с этим специалисты верно подчёркивают, что основным мотивом для занятия террористической деятельностью в настоящее время, на самом деле, чаще всего является не идеология, а корысть¹³⁰.

В подтверждение приведем данные изученных судебных решений, в частности, по деятельности такой запрещённой в России организации, как «Свидетели Иеговы», признанной в апреле 2017 г. экстремистской (решение Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2017; организация, деятельность которой запрещена на территории РФ или признана экстремистской)¹³¹.

Как известно, многие подобные объединения, в том числе и отдельные объединения «Свидетелей Иеговы» преследуют далеко не экстремистские цели, поскольку под видом «освобождения» от религиозных, национальных, политических, идеологических, расовых рамок и запретов, члены подобных «братств», «обременяющих бытие», лишь «освобождаются» от своего имущества, финансовых средств. Например, в феврале 2020 г., по сообщениям URA.RU,

¹²⁹ Михайлов Б. П. Особенности криминальной среды России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 186–190.

¹³⁰ Террористы и мотивы их действий [Электронный ресурс]. URL: <https://mo-izberbash.ru/99-articles/novosti/antiterror/1136-terroristy-i-motivy-ikh-dejstvij> (дата обращения 27.09.2021).

¹³¹ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими [Электронный ресурс]. URL: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (дата обращения 24.10.2022).

житель Курганской области продал квартиру и отдал деньги в местную организацию «Свидетели Иеговы». И это не единичный случай. По словам пострадавшего, многие участники таких сектантских собраний лишались своих денег: «Урны стояли, мы складывали деньги. Непонятно, куда эти деньги шли...»¹³². Такие пожертвования в подобных запрещённых организациях достаточно частое явление¹³³.

Полагаем, что такую деятельность, направленную на систематическое извлечение прибыли руководителями различных преступных сообществ, их «коллег», никак по-другому, как профессиональной корыстной назвать нельзя. Чаще всего деятельность таких организаций относят к преступной как экстремистскую, хотя, справедливости ради, стоит отметить, что проявлений экстремизма в деяниях, совершаемых членами подобных объединений, зачастую, нет, и её намеренно «подводят» под действие ст. 282-282.3 УК РФ, а вот проявлений криминального профессионализма, в первую очередь, по признаку восприятие и использование преступной деятельности, как источника дохода, напротив, достаточно.

При этом очень часто экстремистские организации, осуществляя свою противоправную деятельность, «прикрываются» именно религией для извлечения постоянного и значительного дохода. Например, члены «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (запрещена в России решением Верховного Суда РФ от 14.02.2003 ГКПИ 03 116; организация, деятельность которой запрещена на территории РФ или признана экстремистской¹³⁴), обвиняемые за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282.2, ч. 1 ст. 205.5, ч. 1 ст. 205.1, ч. 1 ст. 30 и ст. 278 УК РФ, осуществляя общественно опасную деятельность, нацеленную на устранение

¹³² Россиянин лишился квартиры и денег из-за сектантов [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2020/02/21/evil_sect/ (дата обращения 21.05.2021).

¹³³ Приговор № 1-417/2019 от 5 ноября 2019 г. по делу № 1-417/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NrJVsfDv6jor/> (дата обращения 07.10.2021).

¹³⁴ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими [Электронный ресурс]. URL: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (дата обращения 24.10.2022).

неисламских правительств и установление основ теократического государства, не только хранили и распространяли запрещенную религиозно-политическую литературу, принимали участие в религиозных сборах, пикетах и др., но и собирали членские взносы, денежные средства за изучение Корана и арабского языка на специальных занятиях, проявляли иного рода финансовые «активности»¹³⁵.

Отдельного внимания заслуживают террористические группировки, «зарабатывающие» на терактах. Общеизвестно, что в настоящее время осуществление террористической деятельности не всегда происходит по идеологическим мотивам, и за «громкими» якобы высокими «идеями» нередко скрывается достаточно прагматическая цель – извлечение материальной выгоды. Бюджеты самых богатых террористических группировок современности, по отдельным оценкам, исчисляются десятками и сотнями миллионами долларов. И, как справедливо отмечают в новостных лентах, финансирование к террористам поступает, чаще всего, в виде пожертвований заинтересованных в их деятельности организаций и лиц¹³⁶. На это также указывают дела о привлечении к уголовной ответственности лиц за финансирование терроризма по ч. 1.1 ст. 205.1 (Содействие террористической деятельности – в части оказания финансовой помощи), ч.1 ст. 205.4 (Создание террористического сообщества, то есть устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма – в том числе, финансовой), ст. 205.6 (в том числе несообщение о финансировании терроризма) УК РФ. Так, приговором № 1-113/2020 от 13 апреля 2020 г. по делу № 1-113/2020 районным судом Тверской области был осуждён гражданин М. за несообщение о совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, а также об известных ему обстоятельствах совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.1 УК

¹³⁵ Приговор № 1-55/2015 1-7/2016 от 26 февраля 2016 г. по делу № 1-55/2015 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UJKXPKI3RAYq/> (дата обращения 07.10.2021).

¹³⁶ Семь самых богатых террористических группировок в мире [Электронный ресурс]. URL: <http://kavpolit.com/blogs/begehunter/5222/> (дата обращения 27.09.2021).

РФ (о финансировании террористической деятельности) в ходе допроса в качестве свидетеля следователю по уголовному делу¹³⁷. По тем же основаниям к уголовной ответственности в соответствии с приговором № 1-101/2019 от 30 июля 2019 г. по делу № 1-101/2019 городским судом Владимирской области по ст. 205.6 УК РФ был привлечён подсудимый Х.¹³⁸

Отдельно стоит сказать о развивающейся беловоротничковой профессиональной корыстной преступности. По справедливым оценкам отдельных исследователей, беловоротничковой преступности, в целом, присуща следующая особенность: деяния преступниками совершаются чаще всего умышленно и в корыстных целях¹³⁹. Некоторые ученые добавляют, что для «беловоротничковой» преступности сегодня характерен, в первую очередь, именно корыстный мотив¹⁴⁰.

Вследствие этого можно утверждать, что у этой разновидности преступной деятельности есть все основания для её перерастания в профессиональную корыстную криминальную активность. Считаем, что к профессиональным «беловоротничковым» преступникам можно отнести должностных лиц, которые совершают на постоянной основе преступления с целью материального обогащения благодаря занимаемому этими лицами служебному положению, используя возможности, предоставляемые их должностью и статусом¹⁴¹. Из этого следует, что ту часть «беловоротничковых» преступников, которые имеют помимо особой корыстной ориентации преступной деятельности, ещё и криминальную квалификацию, специализацию на определённом «промысле», связи с преступным миром можно отнести к разновидности профессиональной

¹³⁷ Приговор № 1-113/2020 от 13 апреля 2020 г. по делу № 1-113/2020 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4InJdDCsINJv/> (дата обращения 27.09.2021).

¹³⁸ Приговор № 1-101/2019 от 30 июля 2019 г. по делу № 1-101/2019 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VynefhxWtPJp/> (дата обращения 27.09.2021).

¹³⁹ Илий С. К. Концепция беловоротничковой преступности // Научный портал МВД России. 2008. № 4. С. 102–106.

¹⁴⁰ Антонова Е. Ю. Понятие корпоративной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 1. С. 51–59.

¹⁴¹ Илий С. К. Концепция беловоротничковой преступности // Научный портал МВД России. 2008. № 4. С. 102–106.

корыстной преступности. Ярким примером является организация профессорско-преподавательским и административным составом преступного сговора из корыстной заинтересованности, направленного на систематическое получение взяток от студентов образовательных организаций за организацию и оформление успешной сдачи обучающимися сессий, прохождение всех видов практик без выполнения экзаменационных испытаний, фактического участия, предоставления соответствующих документов и т.п.¹⁴² Это в полной мере демонстрирует профессионализм отдельных «категорий» беловоротничковых преступников.

Следующая «категория» современных профессиональных корыстных преступников – это «традиционные корыстные профессионалы», деятельность которых основывается на привычных способах совершения преступлений, разработанных и применяемых не одним поколением преступников. Особо подчеркнём, что именно эта «категория» профессиональных корыстных преступников является сегодня наиболее изученной и широко представленной. Их деятельность менее опасна, поскольку привычные «схемы» совершения преступлений давно «разгаданы» правоохранительными органами, вследствие чего противодействие указанной разновидности криминальной деятельности осуществляется достаточно эффективно.

К таким «традиционным» профессиональным корыстным преступникам, к примеру, можно отнести карманников, промышляющих кражами из карманов верхней одежды, ручной клади. О высоком профессионализме этой «категории» корыстных преступников свидетельствует тот факт, что в 94,8 % случаев у карманников обнаруживаются специальные навыки преступной деятельности¹⁴³. По способу совершения краж карманные воры подразделяются на «ширмачей», совершающих тайные хищения под «ширмой», «трясунов», выбивающих в давке ценные вещи, «рыболовов», использующих для изъятия из сумок, иной ручной

¹⁴² См. например. Приговор № 1-73/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-73/2020 [Электронный документ] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hLeXvXSFqgHU/> (дата обращения 16.01.2024).

¹⁴³ Бердникова О. П. Криминалистические особенности и типология личности преступника, совершающего кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С.173–179.

клады чужого имущества рыболовные крючки, «ночников» – лиц, будящих пассажиров и «обчищающих» их карманы, «кротов», орудующих в метро и подземных переходах и других¹⁴⁴.

О состоянии развития карманничества, как опасного криминального явления, свидетельствуют следующие статистические данные (см. Рисунок 7).

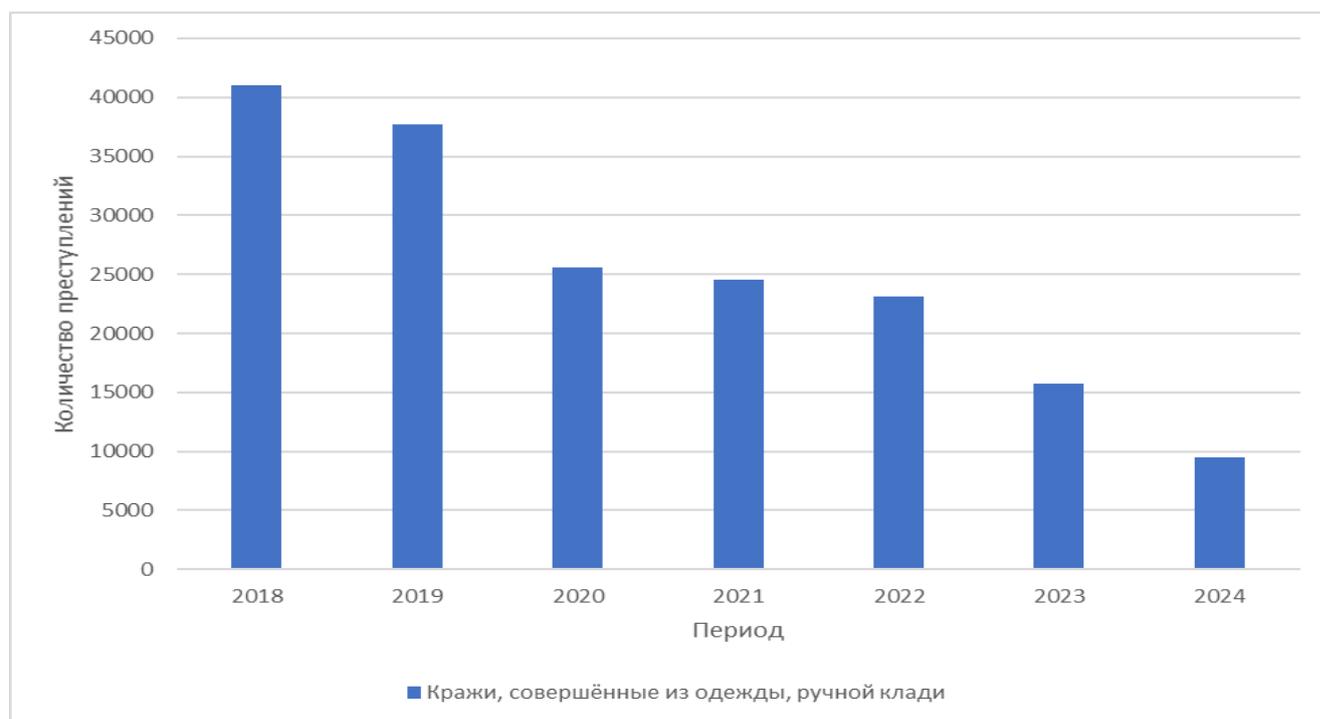

Рисунок 7 – Сведения о количестве зарегистрированных краж из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, в России в 2018–2024 гг.¹⁴⁵

Не смотря на общее снижение числа карманных краж, подчеркнём, что их удельный вес в структуре преступности, по-прежнему, высокий. Например, в 2022 г. было зарегистрировано 24 526 краж, совершенных из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, а общее число зарегистрированных краж составило 516 554. Так, карманные кражи составили около 4,8 % тайных хищений чужого имущества, а в общем количестве зарегистрированных преступлений против собственности – 3 %, в общем числе

¹⁴⁴ Майоров А. В. Криминологический портрет личности преступника, совершающего карманные кражи // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 3 (18). С.20–26.

¹⁴⁵ Состояние преступности в России [Электронный документ]. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения 20.01.2025).

преступлений – 2,1%. Вследствие этого отметим, что карманные кражи являются одним из наиболее распространённых видов преступлений корыстной направленности, а учитывая высокую степень «профессионализации» данной разновидности преступной деятельности (специальный рецидив среди воров-карманников по отдельным экспертным оценкам достигает 80%)¹⁴⁶, можно заключить, что «промысел» «традиционных» профессиональных корыстных преступников в настоящее время, по-прежнему, активно развивается, хотя и не является столь «популярным» видом преступлений, как ранее.

Помимо характеристики структуры профессиональной корыстной преступности для исследования развития этого опасного криминального явления имеет большое значение изучение личности профессионального корыстного преступника, его социального «портрета». В настоящее время это приобретает особую значимость, поскольку через исследование причин формирования определённых наклонностей к ведению асоциальной деятельности, потребностей в систематическом занятии этой деятельностью с целью получения постоянного и существенного дохода у того или иного лица можно определить, как предотвратить или хотя бы некоторым образом сдержать развитие профессиональной корыстной преступности, формирование группировок «профессионалов» в российском обществе.

С этой целью проанализируем основные признаки личности профессионального корыстного преступника, поскольку именно на данные характеристики следует обращать внимание при формировании «портрета» типичного корыстного преступника-профессионала современности.

В криминологии определение признаков личности преступника, как правило, сводится к анализу следующих составляющих: социальный статус, социальные функции, нравственно-психологические установки¹⁴⁷. Исходя из

¹⁴⁶ Гончарова М. В. Особенности современной криминальной ситуации, связанной с рецидивом корыстных преступлений // Вестник ВИ МВД России. 2013. № 1. С. 102–108.

¹⁴⁷ Фарышев Е.В. Криминологические особенности личности профессионального преступника // Общество и право. 2018. № 2 (64). С.22–25.

этого, исследователи выделяют такие группы признаков как: уголовно-правовые; социально-демографические; социальные роли и социальные статусы; психологические особенности и нравственные свойства¹⁴⁸. Безусловно, проанализировать основные признаки личности «традиционного» преступника намного легче, чем личности корыстного преступника-профессионала, поскольку именно профессиональная корыстная преступная деятельность, по справедливым оценкам исследователей, имеет наиболее высокий уровень латентности среди всех иных видов преступности¹⁴⁹. Однако даже имеющиеся у официальной судебной статистики данные способны существенно «помочь» исследованию личности корыстного преступника-профессионала.

В диссертационной работе была предпринята попытка обобщить имеющиеся сведения и сформировать «портрет» типичного профессионального корыстного преступника современности. С этой целью в рамках настоящего исследования были проанализированы 150 уголовных дел, находящихся в производстве подразделений дознания и следствия УМВД России в 2017–2024 гг. и имеющих признаки профессиональной корыстной преступной деятельности (в дальнейшем анализ характеристик личности корыстного преступника-профессионала будет производиться именно по заданным характеристикам).

Прежде всего, дадим социально-демографическую характеристику, связанную с полом профессионального корыстного преступника современности. Анализируя имеющиеся сведения, отметим, что большинство профессиональных корыстных преступников – это мужчины (91%)¹⁵⁰. Между тем, интересен современный «портрет» профессиональной корыстной преступницы. Как справедливо отмечает Ю. Д. Кумачёва, женщины в последнее время также активно «осваивают» криминальный мир. Исследователь выделяет следующие

¹⁴⁸ Сахаров А. Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел. М., 1984. С.11.

¹⁴⁹ Воронин Ю. А. Криминальный профессионализм: современные тенденции // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 13–17.

¹⁵⁰ Судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 30.01.2025).

криминальные «профессии» распространённые среди представительниц женского пола: домушницы, торговли наркотиками, воровки и другие¹⁵¹. М. В. Карпушина в диссертации «Рецидивная преступность женщин, освободившихся из мест лишения свободы, и ее предупреждение» также отмечает, что для женщин свойственна узкая криминальная специализация, подчёркивая, что почти половина преступлений рецидивистками совершаются именно в экономической сфере¹⁵². Отдельно отметим, что профессиональные корыстные преступницы часто используют сильное эмоциональное воздействие на жертву. По сравнению с мужчинами женщины при совершении преступлений, имеющих признаки криминального профессионализма, действуют более уверенно и тонко, даже хладнокровно, чаще совершают общественно опасные деяния в группе в качестве соучастниц, привлекаются к уголовной ответственности за совершение преступлений, не требующих использования грубой физической силы¹⁵³.

Изучая личность профессионального корыстного преступника, также особое внимание следует уделить такой социально-демографической характеристике как возраст. Однако говорить о возрасте профессионального корыстного преступника в данном аспекте приходится иначе, чем о возврате «традиционного» преступника, поскольку именно «профессионалы» систематически (а не «разово») совершают преступления, ведут общественно опасный образ жизни, не утрачивая с годами свой криминальный статус. В связи с этим, в первую очередь, обратим внимание на такую характеристику как возраст совершения первого преступления.

¹⁵¹ Кумачёва Ю.Д. Особенности профилактики женской преступности в пенитенциарных учреждениях URL: <https://human.snauka.ru/2015/04/10353> (дата обращения: 20.06.2021).

¹⁵² Карпушина М. В. Рецидивная преступность женщин, освободившихся из мест лишения свободы, и ее предупреждение: автореф. дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2013. С. 16.

¹⁵³ Миненок М.Г. Корысть: криминологические и уголовно-правовые проблемы. М.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 78.

Как отмечают исследователи, первые преступления эта категория лиц совершает, как правило, будучи в подростковом возрасте. Во многом, это и определяет их «судьбу», а также образ жизни, в целом¹⁵⁴.

В соответствии с данными нашего исследования, для современных корыстных преступников-профессионалов возраст от 25 до 50 лет является наиболее характерным. Пик криминальной активности приходится, как правило, на 30-40 лет. Наименьшую долю среди профессиональных корыстных преступников составляют лица моложе 25 и старше 50 лет. Более наглядно указанные данные представлены на диаграмме (см. Рисунок 8). Также определено, что в 80% случаев первые преступления совершены будущими «профессионалами» до достижения ими 18 лет.

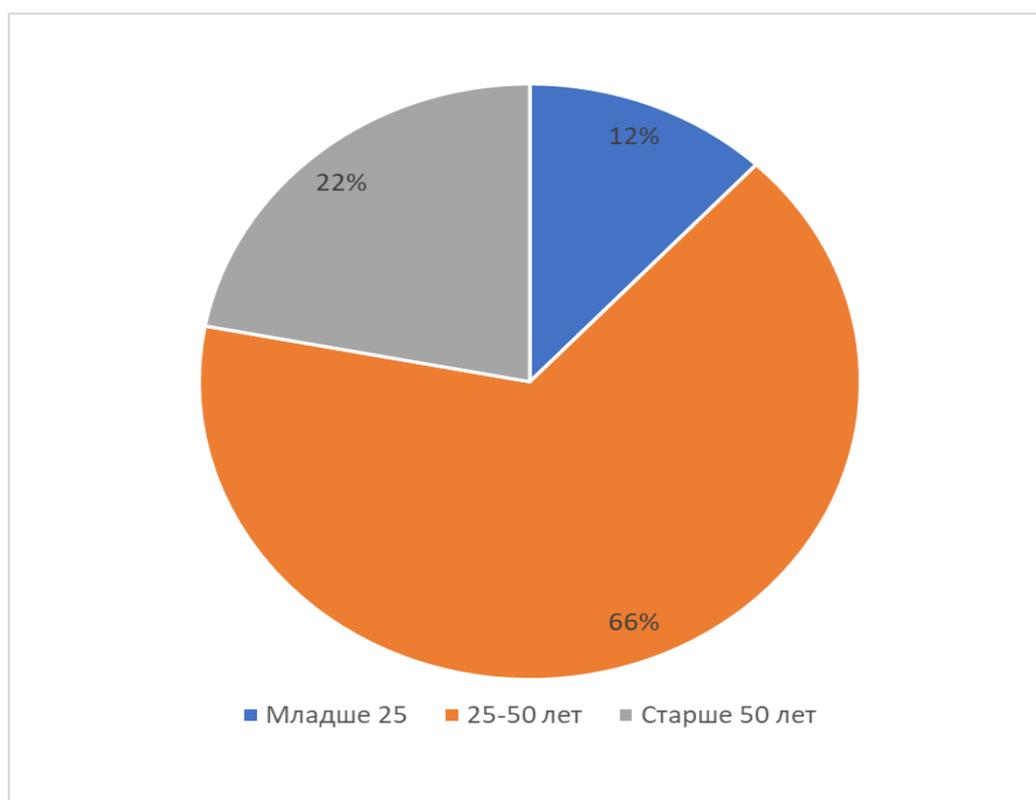

Рисунок 8 – Социально-демографическая характеристика, связанная с возрастом профессионального корыстного преступника

(по данным анализа 150 уголовных дел, находящихся в производстве подразделений дознания и следствия УМВД России в 2017–2024 гг.)¹⁵⁵

¹⁵⁴ Калганова Е. А. Характеристика личности профессионального преступника. Збірник наукових праць Ірпінської фінансовоюридичної академії (право). Вип. 2. 2013. С. 55.

Также стоит обратить внимание на отдельные поведенческие и внешние признаки профессиональных корыстных преступников (биофизиологические признаки). Безусловно, эти характеристики относятся не ко всем «категориям» «профессионалов», а лишь к отдельным «группам». Однако у определённых преступных «профессий» такие признаки имеют чёткое выражение. Например, А. В. Майоров к внешним характеристикам личности профессионального карманника справедливо относит частоту движения головы, рук без наклона и поворота туловища, бегающий взгляд и т.п. Учёный связывает такие поведенческие особенности с процессом поиска жертвы, а также с нервными процессами, происходящими у преступника в голове, вызванными постоянной боязнью быть задержанным, разоблачённым. Небезынтересен и тот факт, что современные карманники отличаются от других людей по внешнему виду. Карманные воры чаще всего одевают лёгкую бесформенную одежду, не сковывающую движения. В холодное время года преступники, промышляющие карманными кражами, предпочитают короткие куртки. Они обычно не носят перстней, колец, браслетов, поскольку эти украшения мешают свободно проникать преступникам в карманы и сумки жертв¹⁵⁶.

Ещё одним социально-демографическим признаком, важным для оценки личности профессионального корыстного преступника считается семейное положение лица, поскольку семья как ячейка общества, существенным образом влияет на формирование сознания и мышления человека, его поведенческих установок и морально-нравственных основ. При этом подчеркнём, что у профессиональных корыстных преступников отношение к семейным отношениям особое (см. Рисунок 9).

¹⁵⁵ Судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 30.01.2025).

¹⁵⁶ Майоров А. В. Криминологический портрет личности преступника, совершающего карманные кражи // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 3 (18). С. 20–26.

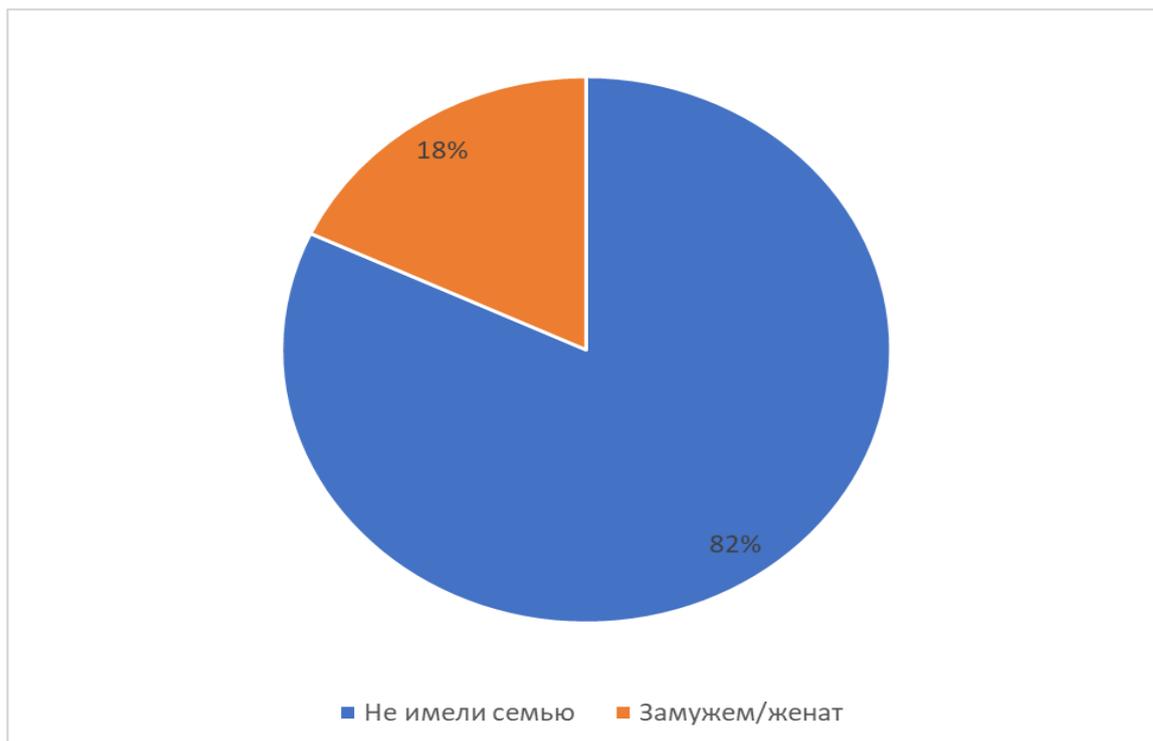

Рисунок 9 – Социально-демографическая характеристика, связанная с семейным положением профессионального корыстного преступника (по данным анализа 150 уголовных дел, находящихся в производстве подразделений дознания и следствия УМВД России в 2017–2024 гг.)¹⁵⁷

Согласно представленным сведениям 82% профессиональных корыстных преступников не состоят в брачно-семейных отношениях, и 18% таких преступников женаты/замужем. Также определено, что 70% преступников-профессионалов не имеют детей.

Особо стоит сказать о такой характеристике как род деятельности профессионального корыстного преступника. Как известно, именно с выбора преступной специализации начинается «карьера» «профессионала». Как справедливо замечает В. В. Загайнов, современные профессиональные преступники получают криминальные навыки и умения в том случае, если их деятельность каким-то образом соприкасается с процессами, применяемыми при

¹⁵⁷Судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 30.01.2025).

совершении преступления (например, у фальшивомонетчиков – с изготовлением денежных средств). Однако многие необходимые для совершения преступлений криминальные знания, умения, навыки, приобретаются далеко не «на работе». Примером может быть предварительная подготовка к преступлению гражданина Н. (осуждён С. районным судом г. Иркутска 20 декабря 2006 г. за совершение 14 эпизодов изготовления с последующим сбытом купюр номиналом в 1000 рублей). Согласно имеющимся сведениям гражданин Н. был никем иным как профессиональным фальшивомонетчиком. Примечательно, что до момента совершения преступления в течение полугода преступник изучал специальную литературу, а также посещал тематические сайты в сети Интернет, тщательно подбирал бумагу, иным образом совершенствовал свой криминальный «образовательный уровень», преступные умения и навыки¹⁵⁸.

Другой пример. Приговором № 1-352/2014 от 8 августа 2014 г. С. районного суда г. Самары за совершение преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 159.3 УК РФ (2 эпизода), ч .3 ст. 272, ч .4 ст. 159.3 (4 эпизода), п. «а» ч .4 ст. 158 (16 эпизодов), ч.3 ст. 183, ч .3 ст. 30, ч .3 ст. 183, ч. 2 ст. 327 УК РФ был осуждён гражданин К., противоправная деятельность которого, по своей сути, являлась ничем иным, как промыслом профессионального мошенника, похищающего денежные средства с использованием поддельных платежных карт. В материалах дела указано, что обвиняемый при совершении преступлений использовал «необходимые познания и навыки в сфере информационных технологий, компьютерной и радиотехники, самостоятельно кустарным способом изготавливал устройства скрытой видео- и аудио- фиксации, предназначенные для негласного получения информации с магнитных полос банковских карт, которые умело камуфлировал под видом предметов общетехнического и бытового назначения». При этом официально гражданин К. не был трудоустроен¹⁵⁹. В связи

¹⁵⁸ Загайнов В. В. Типологизация личности фальшивомонетчика в современной криминологии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2010. № 4 (55). С.10–15.

¹⁵⁹ Приговор № 1-352/2014 от 8 августа 2014 г. (Самарская область) [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tiO9I4eFimQW/> URL: (дата обращения 27.07.2021).

с этим можно предположить, что соответствующие умения и навыки, знания преступник также приобрёл самостоятельно, а трудовая деятельность (вернее, её отсутствие) не оказала существенного влияния на формирование криминального профессионализма.

Примечателен тот факт, что большинство современных профессиональных корыстных преступников – безработные или работают неофициально. По данным проведенного анализа выборки уголовных дел, современные корыстные преступники-профессионалы имеют следующие рабочие специальности: оператор станка, грузчик, разнорабочий на стройке, помощник луцильника и т.п. Более наглядно указанные данные представлены на Рисунке 10.

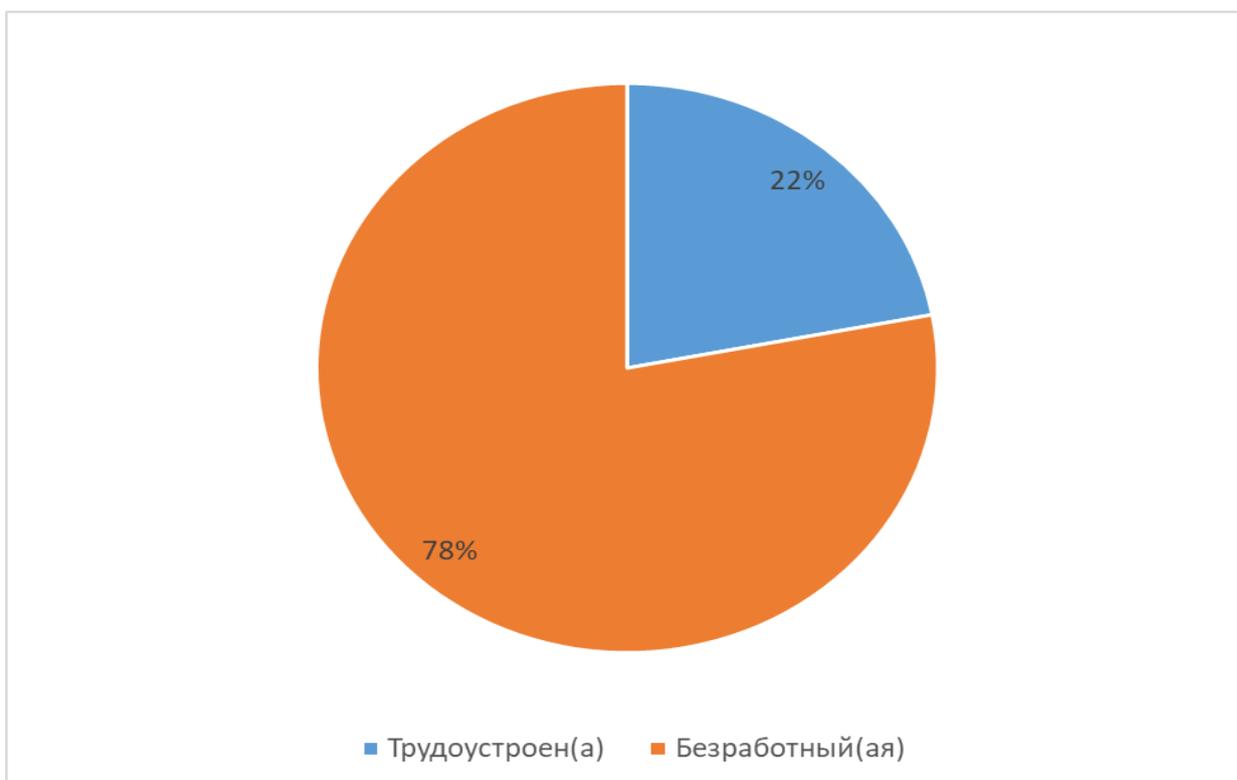

Рисунок 10 – Социально-демографическая характеристика, связанная с родом деятельности профессионального корыстного преступника (по данным анализа 150 уголовных дел, находящихся в производстве подразделений дознания и следствия УМВД России в 2017–2024 гг.)¹⁶⁰

¹⁶⁰Судебная практика по уголовным делам URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 30.01.2025)

Если говорить об образовательном уровне современных корыстных преступников-профессионалов, то большинство имеют либо среднее специальное (82 %), либо среднее общее образование (16%). Высшее образование получили 2 % профессиональных корыстных преступников (см. Рисунок 11).

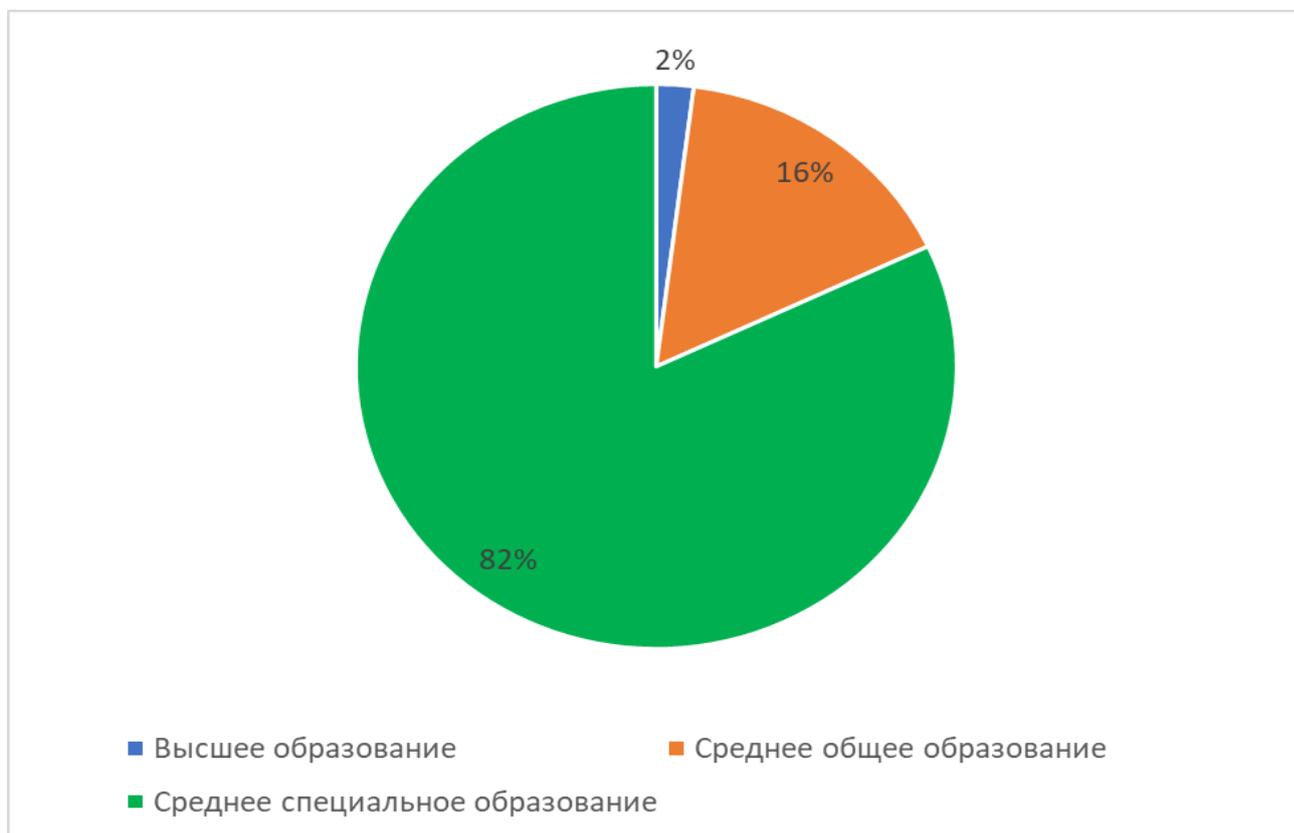

Рисунок 11 – Социально-демографическая характеристика, связанная с образованием профессионального корыстного преступника (по данным анализа 150 уголовных дел, находящихся в производстве подразделений дознания и следствия УМВД России в 2017–2024 гг.)¹⁶¹

Говоря об уголовно-правовых и уголовно-исполнительных характеристиках личности профессионального корыстного преступника, стоит отметить, что их изучение наиболее затруднительно, поскольку в большинстве случаев при осуждении таких преступников имеет место быть совокупность преступлений и приговоров. Кроме того, многие общественно опасные деяния остаются не

¹⁶¹Судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 30.01.2025).

раскрытыми, вследствие чего исследование уголовно-правовых и уголовно-исполнительных характеристик личности профессионального корыстного преступника не может претендовать на абсолютную объективность выводов. Хотя отдельные данные экспертных оценок, позволяют нам оценить общую направленность преступной деятельности современных «профессионалов». Более подробно смотрите Рисунки 12-13.

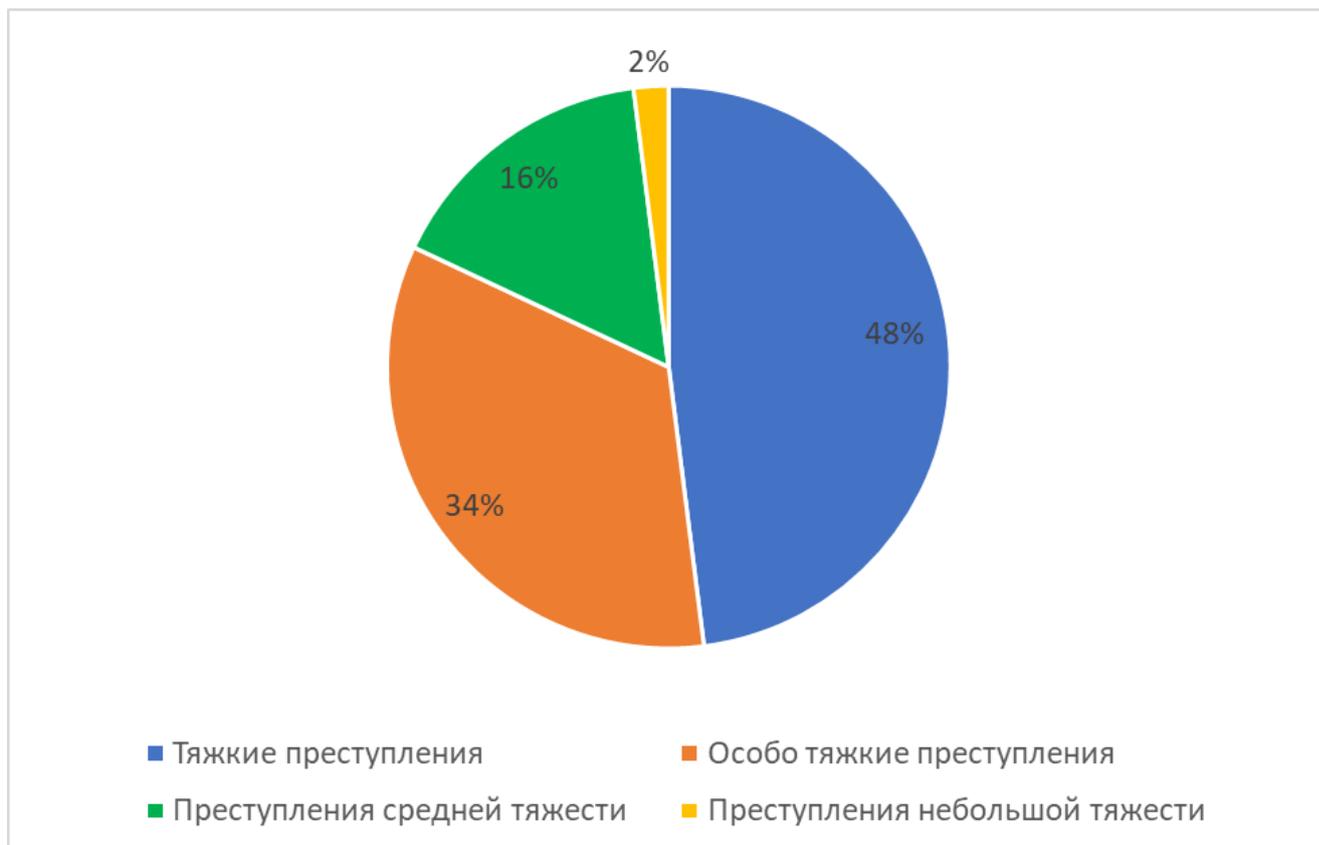

Рисунок 12 – Распределение осужденных профессиональных преступников, содержащихся в ИК строгого режима, в зависимости от тяжести совершенного преступления (по материалам анализа 100 уголовных дел)¹⁶²

¹⁶² Забелич, А.А. Уголовно-правовые характеристики личности профессионального преступника, отбывающего наказание в исправительной колонии строгого режима // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С.146–150.

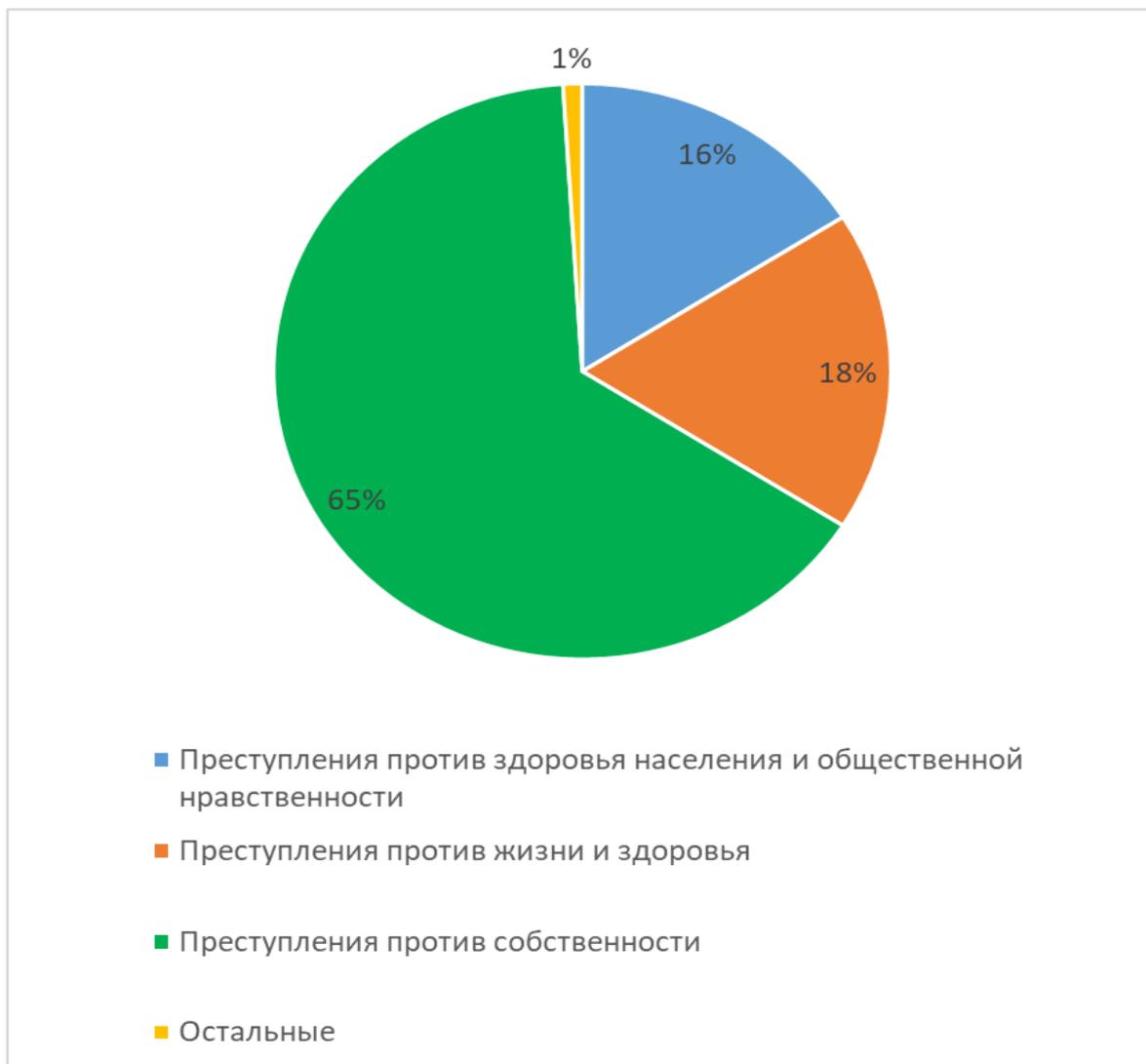

Рисунок 13 – Распределение осужденных профессиональных преступников, содержащихся в ИК строгого режима, в зависимости от совершённого преступления (по материалам анализа 100 уголовных дел)¹⁶³

Как видно из представленных данных, типичным для профессионального корыстного преступника является совершение тяжкого преступления против собственности. Однако ещё раз подчеркнём, что настоящий «профессионал» («специалист» высокого уровня) должен оставаться вне поля зрения правоохранительных органов, а значит, и не нести за совершаемые им преступления уголовной ответственности¹⁶⁴, в связи с чем говорить об

¹⁶³ Забелич, А.А. Уголовно-правовые характеристики личности профессионального преступника, отбывающего наказание в исправительной колонии строгого режима // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С.146–150.

¹⁶⁴ Малков В.Д. Криминология 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. С. 127.

абсолютной объективности выводов относительно выявленных характеристик личности корыстных преступников-профессионалов современности не представляется возможным.

Отдельно проанализируем психологические характеристики личности корыстного профессионального преступника, выделяющие данное лицо среди иных уголовников. Так, современные корыстные преступники-профессионалы, как правило, имеют отрицательную направленность развития личности, им присущи смелость, хорошее знание психологии жертв и преступников, своекорыстие, агрессивность¹⁶⁵, враждебность, пренебрежение к общественным нормам, завышенная самооценка и стремление к неформальному лидерству в преступной среде¹⁶⁶. Также для корыстных преступников-профессионалов свойственна подмена традиционных морально-нравственных ориентаций комплексом противоправных убеждений и взглядов, устойчивое желание иметь значительные материальные блага, не занимаясь общественно полезным трудом¹⁶⁷. Ещё одним важным качеством личности профессионального корыстного преступника является его личная рациональность и расчётливость, выражающиеся в оптимальной оценке рисков от совершения преступлений и результатов достижения преступных целей¹⁶⁸.

Представленные результаты помогают сформировать «портрет» типичного корыстного преступника-профессионала. Им является мужчина в возрасте от 25 до 50 лет (вставший на преступный путь в несовершеннолетнем возрасте), холостой и не имеющий детей, получивший среднее специальное образование,

¹⁶⁵ Makarenko N. K. Criminological portrait of a professional criminal // Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ. 2023. Т. 102. № 3 (Part 1). С. 121–129.

¹⁶⁶ Забелич А. А. Личность профессионального преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, как объект криминологического исследования: диссертация ... кандидата юридических наук. Рязань, 2013. С. 36.

¹⁶⁷ Фарышев Е.В. Криминологические особенности личности профессионального преступника // Общество и право. 2018. №2 (64). С. 22–25.

¹⁶⁸ Тулегенов В. В. Киберпреступность как форма выражения криминального профессионализма // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2(33). С. 94–95; Зарубина К. А. К вопросу о детерминантах профессиональной преступности в современной России // Пролог: журнал о праве. 2024. № 3. С. 83–91.

официально безработный, совершающий в одиночку, но активно использующий связи в криминальной среде, тяжкие преступления против собственности со средней криминальной квалификацией и имеющий отрицательную направленность психологического развития личности.

Таким образом, в современности профессиональная корыстная преступность представляет собой вид преступной деятельности, характеризующейся исторической изменчивостью, протяжённостью во времени и пространстве, высокой степенью самодетерминации и опасности для национальной безопасности государства и имеющей признаки криминального профессионализма. К признакам криминального профессионализма можно отнести: особое искажённое мировоззрение, высокая степень неуязвимости к уголовному преследованию, наличие криминальной специализации, квалификации, связей с преступной средой, позволяющие извлекать постоянную и значительную прибыль от совершения преступлений. По уровню криминального мастерства в настоящее время в среде профессиональных преступников можно выделить «специалистов» высшего, среднего уровня и низкоквалифицированных специалистов с преобладанием «среднего звена». По наличию и характеру связей в криминальном мире «профессионалов» выделяются лица, которые совершают преступные посягательства в одиночку, но активно используют связи в криминальной среде. В зависимости от способа ведения преступной деятельности корыстных «профессионалов» сегодня выделяются следующие «категории» преступников: «цифровые» профессиональные корыстные преступники; преступники, действующие организованно и прикрывающие свою криминальную деятельность корыстной направленности, реализуемую на профессиональной основе, другим видом противоправной деятельности; «беловоротничковые» профессиональные корыстные преступники; «традиционные корыстные профессионалы».

§3. Детерминация профессиональных проявлений корыстной преступности в новых условиях национальной безопасности России

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» новые внутренние и внешние социально-экономические, политические и культурные угрозы создают реальные препятствия на пути обеспечения собственной национальной безопасности, укрепления государственности, институтов правового государства и гражданского общества. В документе подчёркивается, что современный мир сегодня переживает период трансформации, что приводит к формированию новых принципов и правил мироустройства. В настоящее время отмечаются кризисные явления в разных сферах жизни общества и государства: экономике, политике, культуре, социальных отношениях, снижается общая эффективность действия системы обеспечения глобальной безопасности, растёт напряжённость в международном сообществе, укрепляются радикальные и экстремистские настроения, разрушаются традиционные ценности, игнорируются основные права и свободы человека и т.п. В этих условиях особо остро встаёт вопрос о защите собственных национальных интересов, обеспечении государственной и общественной безопасности, в том числе посредством снижения уровня криминальной активности наиболее опасных элементов уголовного мира, таких как профессиональные корыстные преступники.

В п. 47 Стратегии указывается, что для достижения обозначенных в документе целей наряду с иными необходимо решение следующих задач: предупреждение различных преступных проявлений, прежде всего среди молодёжи и несовершеннолетних, снижение уровня преступности в экономической сфере, противодействие легализации преступных доходов и т.п., а также общее снижение уровня криминализации общественных отношений. При этом в Стратегии также подчёркивается, что несмотря на принимаемые в России

меры уровень преступности, по-прежнему, остается высоким¹⁶⁹. И, как уже многократно указывалось ранее, наибольшую опасность для общества и государства представляет именно профессиональная корыстная преступность, детерминирующая воспроизведение общеуголовной преступности, в целом.

Указанные обстоятельства значительно актуализируют необходимость разработки качественно новой модели противодействия активно развивающейся в настоящее время профессиональной корыстной преступности с целью обеспечения эффективного предупреждения рассматриваемой разновидности преступной деятельности в новых условиях охраны национальной безопасности российского государства и обеспечения криминологической безопасности государства как её неотъемлемого элемента. При этом отдельно укажем на необходимость не просто разработки системы предупреждения профессиональной корыстной преступности, но и определения детерминант её роста для обеспечения воздействия на выявленные «болевые точки» и минимизации действия криминогенных факторов.

Детерминанты преступности образуют условия, факторы и причины преступности, где причины порождают преступность, как закономерное следствие, условия создают благоприятные возможности для формирования и (или) реализации причин преступности, а факторы устанавливают зависимость между преступностью и отдельными социально значимыми явлениями. Факторы, условия и причины преступности существуют во взаимосвязи, образуя единую криминогенную социальную ситуацию. В указанном исследовании разделения на факторы, причины и условия ввиду сложности объекта исследования не предусмотрено, для обозначения представленной категории используется понятие детерминанты.

На сегодняшний день криминологией разработано множество классификаций детерминант преступности. Современные криминологи выделяют

¹⁶⁹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

различные детерминанты преступности по уровню воздействия (общие, видовые и индивидуальные), по природе возникновения (объективные и субъективные), содержанию (политические, социально-экономические, правовые, организационно-управленческие, духовные и др.) и т.д. Полагаем, что для характеристики профессиональной корыстной преступности имеет большое значение дифференциация детерминант преступности по содержанию. Это актуально, в том числе с прикладной точки зрения для сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих основные мероприятия по предупреждению указанного вида преступности в системе соответствующих сфер деятельности, в связи с чем считаем необходимым придерживаться именно этой классификации детерминант в представленном исследовании.

Принимая во внимание особую корыстную мотивацию деятельности таких преступников, в первую очередь, считаем необходимым проанализировать детерминанты роста указанной разновидности преступной деятельности, существующие в социально-экономической сфере жизни общества и государства.

Общеизвестно, что социально-экономические процессы, происходящие в обществе, напрямую влияют на рост/спад активности преступников-профессионалов, воспринимающих свою противоправную деятельность не просто как образ жизни, а, в первую очередь, как средство заработка, возможность улучшить своё социально-экономическое положение. Отметим, что отдельные детерминанты современной профессиональной корыстной преступности в этой сфере начали формироваться ещё в 90-х гг. XX в. После распада СССР вместо командно-административной была учреждена новая рыночная система хозяйствования, вследствие чего Россия, как и все её граждане в поиске оптимальной модели выстраивания экономических отношений «отправились» в «свободное плавание». Общее материальное положение большей части населения значительно ухудшилось. Как справедливо замечали на международной научно-практической конференции «Право человека на жизнь и гарантии его реализации в сфере труда и социального обеспечения» в феврале 2007 г., именно в 1990-х

заработная плата основной массы работников в России упала до крайне низкого и, зачастую, недопустимого уровня, который не обеспечивал даже простое существование граждан¹⁷⁰. В. Г. Ярмольчук справедливо указывал: «Уже по истечении первых четырех лет рыночных реформ (1990-1995 гг.) ВВП в стране упал на 38%, валовое накопление основного капитала сократилось на 75%, промышленное производство упало – на 33%, а заработная плата сократилась на 57%. Для сравнения: за четыре года Великой Отечественной войны падение объемов производства в стране составило 27%, т. е. почти в 2 раза меньше, чем за четыре года рыночных реформ по рецептам монетаризма <...> Пик падения реальной зарплаты в стране пришелся на 1999 г., когда ее уровень составил всего 35% объема 1990 г.»¹⁷¹.

Вследствие падения уровня доходов большей части населения, невозможности в короткие сроки быстрого переформатирования экономических отношений на «рыночный лад», обострения социального неравенства многие граждане РФ за неимением средств к существованию обратили свои взоры к преступной деятельности, позволяющей пусть и незаконным способом, но всё же обеспечить себе постоянный и нередко значительный доход. Это послужило толчком к всеобщей криминализации общества постсоветской России, росту корыстной преступности, с годами перерастающей в организованную и профессиональную. Так, по справедливому замечанию отдельных исследователей, в российском государстве в это время в обществе произошло достаточно резкое усиление организованной преступности, усугубление ее количественных и качественных характеристик. Согласно данным официальной статистики, количество действующих преступных формирований только за 10 лет реформ 90-х гг. XX в. увеличилось практически в 26 раз, а количество участников данных организаций – в 5 раз. Значительно увеличилось и число криминальных

¹⁷⁰ Право человека на жизнь и гарантии его реализации в сфере труда и социального обеспечения // Материалы Международной научно-практической конференции 01-03 февраля 2007 г., Редактор: Гусов К.Н. М.: Издательство Проспект, 2008. С. 294.

¹⁷¹ Ярмольчук В. Г. Динамика жизненного уровня населения в условиях рыночных реформ // Социология власти. 2006. № 6. С. 49–57.

лидеров в этот период. Если, например, в 1988 г. в СССР органами внутренних дел было выявлено более 20 тыс. преступных авторитетов, из них примерно 500 «воров в законе», то с началом 2000-х гг. число криминальных авторитетов приблизилось к 100 тыс. человек, из них «воров в законе» – около 1500¹⁷². Это указывает на то, что нестабильное экономическое состояние развития государства являлось непосредственной причиной криминализации российского общества и его профессионализации. И особо интенсивно данный процесс протекал в кризисных условиях «лихих 90-х» годов.

Несмотря на то, что сегодня социально-экономическая ситуация в стране нормализовалась, в настоящее время в России также наблюдается чёткое расслоение общества на богатых и бедных, что подтверждают данные современных исследований. Например, в 2015 г. практически половина совокупного денежного дохода в России была сосредоточена у наиболее обеспеченных слоёв населения, а у беднейших 20% – лишь 5,3% национального дохода¹⁷³. Это порождает укрепление в общественном сознании отдельных граждан и групп лиц и сегодня состояние экономической депривации (ощущения собственной обездоленности в сравнении с другими индивидами или же с общепринятыми «стандартами»), вследствие чего многие граждане начинают искать «дополнительные», пусть и незаконные источники заработка, а высокая прибыльность отдельных преступных промыслов, в отличие от законных источников доходов, «покрывающая» различные издержки и риски от совершения преступлений, в этих условиях повышает привлекательность преступного образа жизни.

Так, начиная с 1990-х гг. по настоящее время проблемы повышения благосостояния населения, расслоения общества на богатых и преобладающую

¹⁷² Клеймёнов М. П., Корнеев Д. В. Криминальные лидеры вчера и сегодня // Вестник ОмГУ. 2012. № 3 (65). С. 404–414.

¹⁷³ Новокшонова Е.Н., Найдёнова Т.А. Социальное неравенство в России: современное состояние // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений (2017 г.). Сборник материалов II ежегодной научно-практической конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений». 2017. С. 206–211.

массу бедных, безработица, наряду с иными неблагоприятными явлениями в условиях развития рыночных отношений так и не были решены, что является одной из основных детерминант профессиональной корыстной преступности в социально-экономической сфере, поскольку именно низкий уровень жизни большей части населения наряду с иными факторами, причинами и условиями толкает граждан не просто к единичным нарушениям закона с целью разового материального обогащения, а к систематическому совершению преступлений на «профессиональной» основе для «заработка».

В качестве примера из современности можно привести дело о карманных кражах, совершаемых на территории автовокзала г. Ростова-на-Дону (Приговор № 22-190/2020 22-7659/2019 от 3 февраля 2020 г. по делу № 1-264/2019), где участники организованной преступной группы на протяжении 5-ти лет промышляли карманничеством. В состав данной группы входило около 10 членов. Примечательно, что члены преступной организации не имели легального источника дохода и находились в тяжёлом материальном положении¹⁷⁴. В результате, отсутствие средств к существованию у данных лиц, привлекательность незаконных источников дохода способствовало обращению граждан на криминальный путь.

Однако стоит отметить, что чаще всего выявленные детерминанты «работают» только в том случае, если речь идёт о «настоящей» бедности и не высокоинтеллектуальных видах преступлений (то же карманничество, воровство, грабёж, разбой и т.п.). Если же профессиональный преступник желает получить не просто прибыль, а сверхприбыль, то чаще всего им движет не просто желание добыть средства к существованию, а потребность значительного увеличения материальных ресурсов, стремление к роскошной жизни. Так, по справедливому замечанию отдельных исследователей, одной из причин вовлечения в криминал, так называемых, «белых воротничков» является стремление лица повесить или

¹⁷⁴ Приговор № 22-190/2020 22-7659/2019 от 3 февраля 2020 г. по делу № 1-264/2019 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/26w2ggsn0DNX/> (дата обращения 15.07.2023).

удержать свой социальный статус любой ценой¹⁷⁵, вследствие чего индивид, имеющий постоянный источник заработка, может значительно повысить свой реальный доход. Как видим, в указанных случаях детерминирующие профессиональное преступное поведение процессы имеют разный характер.

Подытоживая всё ранее сказанное, определим, что в социально-экономической сфере выделяются ключевые детерминанты развития профессиональной корыстной преступности: от низкого уровня жизни и противоречий между материальными потребностями и возможностями граждан, до высокой прибыльности отдельных преступных промыслов, нивелирующей издержки и риски от совершения преступлений.

Особо выделим детерминанты роста профессиональной корыстной преступности в политической сфере жизни общества и государства. В первую очередь, определим, что, начиная с 1990-х гг. по настоящее время, отечественный высший криминалитет продолжает претендовать на власть не только в преступном мире, местах лишения свободы, но и в целом в российском социуме, поскольку конфликты, возникающие сегодня между субъектами права (в первую очередь, имущественного характера), так же, как и в «лихих 90-х гг.», нередко разрешают не официальные представители власти, а криминальные «авторитеты». Причём сами субъекты права не против разрешения конфликтов таким образом, ведь подобная «теневая» процедура часто демонстрирует свою эффективность в сравнении с «традиционным» судебным порядком. Отдельные исследователи именуют данную систему «теневой юстицией»¹⁷⁶. И мало того, что эту систему приемлет часть общества (особенно если дело касается «выбивания» долгов), в некоторых случаях данными механизмами разрешения конфликтов между субъектами права пользуются даже правоохранительные органы, в связи с чем

¹⁷⁵ Киселев К. А. Восприятие ненадежности рабочего места (job insecurity) как фактор вовлечения личности в беловоротничковую преступность // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 3-1. С. 76–82.

¹⁷⁶ Глушкова Е. М. Тенденции профессиональной преступности в России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 01. С. 101–105.

таким «покровительством» (в том числе и сегодня) занимаются не только «синие», но и «красные» крыши.

Современные исследователи справедливо отмечают, что в настоящее время профессиональная корыстная преступность крайне активно распространяется в сфере, так называемых, «криминальных услуг», в числе которых рэкет, завладение квартирами, махинации в банковско-кредитной сфере¹⁷⁷, а организованные преступные формирования, имеющие тесную взаимосвязь с профессиональной преступностью нередко облагают субъекты незаконного хозяйствования «данью» взамен на криминальное «покровительство»¹⁷⁸, фактически управляя, по точному замечанию отдельных исследователей, теневой экономикой страны¹⁷⁹.

Как видим, профессиональная корыстная преступность нередко создает параллельные официальным властным структурам нелегальные структуры и частично берёт на себя управление обществом, вследствие чего обеспечивается рост и укрепление рассматриваемой разновидности преступной деятельности.

Кроме того, детерминантами развития профессиональной корыстной преступности в данной сфере можно назвать «традиционные» детерминирующие практически любой вид преступности факторы, а именно – несовершенства в реализации государственной политики, направленной на противодействие указанного вида преступности, неустойчивость в функционировании институтов власти и их коррумпируемость.

В правовой сфере также выделяются детерминанты профессиональной корыстной преступности. Они представляют собой комплекс недостатков, пробелов и изъянов политики государства, вырабатывающей основные направления правового воздействия на преступность, в том числе путем

¹⁷⁷ Максимов В.Ю. Профессиональная корыстная преступность как угроза экономической безопасности // ИПЭФ. 2021. № 2. С. 4.

¹⁷⁸ Сухов Н.А. Безопасность группы: антикриминальный и криминальный аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2021. №5. С. 314–318.

¹⁷⁹ Яхонтова О.С., Трабо В.Н. Причинный комплекс и направления профилактики организованной преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. №3 (95). С. 143–151.

модернизации отечественного законодательства (в первую очередь, уголовного) и практики его применения. К ним традиционно относят недостатки юридико-содержательного и юридико-концептуального характера в отечественном законодательстве в сфере противодействия профессиональной преступности корыстного характера.

Безусловно, задача противодействия профессиональной корыстной преступности не является первоочередной в реализации политики современного российского государства, однако ввиду высокой степени общественно опасности деятельности корыстных преступников-профессионалов, высокой организованности, неконтролируемости и непрерывности развития этого опасного криминального явления, данная проблема требует особого внимания.

Так, например, сегодня отмечаются сложности в уголовно-правовой оценке деятельности корыстных преступников-профессионалов в соответствии со степенью и характером общественной опасности совершаемых ими деяний. К недостаткам, в первую очередь, отнесём после упразднения института неоднократности в 2003 г. отсутствие в современном уголовном законе нормы, позволяющей идентифицировать деятельность профессиональных преступников, а именно совершение однородных и (или) тождественных преступлений корыстной и (или) корыстно-насильственной направленности.

Общеизвестно, что повторность преступной деятельности сегодня определяется в уголовном законодательстве только через институты рецидива и совокупности преступлений (приговоров), которые в должной мере не позволяют оценить криминальный профессионализм и дать ему именно уголовно-правовую оценку. Хотя потребность в этом в настоящее время существует.

Также к недостаткам современного уголовного законодательства в сфере борьбы с корыстными преступниками-профессионалами можно отнести трудности квалификации преступлений, имеющих большой потенциал применения криминального профессионализма, например, по ч. 4 ст. 210, ст. 210¹

УК РФ, прямо нацеленным на борьбу не столько с организованной, сколько с профессиональной преступностью.

Ввиду того, что более подробно вопрос предупреждения профессиональной корыстной преступности с помощью правовых мер будет рассмотрен далее (см. п. 2.1 настоящего исследования), в указанном параграфе нет необходимости останавливаться на этой проблеме. Однако определим, что выявленные противоречия в правовой сфере также являются детерминантами развития рассматриваемого вида преступности, поскольку именно недостатки юридическо-содержательного и юридико-концептуального характера в отечественном законодательстве в сфере противодействия профессиональной преступности корыстного характера значительно влияют на латентность данного вида преступности, повышая уровень безнаказанности за совершение «профессионалами» преступлений, что, в свою очередь, продуцирует рост криминальной активности таких преступников и значительно снижает возможности профилактического воздействия на них.

Отдельного внимания заслуживают детерминанты профессиональной корыстной преступности в духовной сфере. Духовная сфера является важной подсистемой жизни социума. Формируя общественное сознание и модулируя мировоззрение населения, в целом, она оказывает самое непосредственное влияние на развитие социальных отношений на разных этапах эволюции государства. Осознавая всю важность трансформации духовной сферы, особо выделим её влияние на отдельные аспекты развития общества, например, на такой важный аспект, как формирование криминогенной ситуации в стране, определив совокупность некоторых составляющих данной сферы как идеологическую основу эволюции не просто общеуголовной преступности, но и её наиболее опасной разновидности, определяемой криминологическим сообществом как профессиональная преступная деятельность, угрожающая и обществу, и национальной безопасности страны в условиях вызовов современности.

Первоначально, определим, что, начиная с периода распада СССР, в России наблюдается упадок традиционных духовно-нравственных ценностей. Сегодня, по справедливому замечанию отдельных исследователей, в эпоху постмодерна, породившего развитие информационной культуры, которая, в свою очередь, перешла в новую стадию – цифровую, отмечается забвение истинных духовных идеалов и ценностей, превалирование потребительского подхода к жизни в обход моральных благ¹⁸⁰. Вследствие этого становится очевидным, что современное состояние нравственности и духовности в России можно обозначить как духовно-нравственный кризис¹⁸¹, а система ценностей, в целом, находится в упадке¹⁸².

Так, в настоящее время в аксиологическом пространстве российского государства образовался некий духовно-нравственный вакуум, который в условиях отсутствия единой национальной идеи заполнила, в том числе криминальная субкультура. Она не просто активно эволюционирует и распространяется в обществе, но и подменяет традиционные истинные ценности российской культуры идеологией преступного мира «профессионалов». В результате этого в обществе утверждаются псевдоидеалы, ведущие не просто к постепенному разрушению духовно-нравственных основ государственности, сложившихся на протяжении длительного периода, но и к утверждению в качестве альтернативных ценностей, претендующих на роль фундаментальных, антиценностей.

Так, по справедливому замечанию исследователей, сегодня активно распространяющаяся в обществе криминальная субкультура стала настоящей проблемой современности. Она является одним из главных «трансляторов» вовлечения в асоциальную деятельность лиц, отличающихся неустойчивой психикой, отсутствием четко выраженных идеологических и нравственных

¹⁸⁰ Грязнова Е. В., Шалатонов А. С., Шалатонова В.Н. Духовный кризис и цифровая культура // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 5 (55). С. 215–220.

¹⁸¹ Захарчук Д. В. Формирование духовно-нравственных ценностей личности в современном российском обществе // Система ценностей современного общества. 2011. № 20. С. 335–340.

¹⁸² Жукова О. И., Пушненкова С. А. Аксиологический кризис и поиск общечеловеческих ценностей в современном социокультурном пространстве // СибСкрипт. 2012. № 1. С. 238–243.

установок, среди которых особо выделяются несовершеннолетние, молодежь¹⁸³. В свою очередь, необходимо отметить, что криминальная субкультура порождает не только асоциальное поведение, выражающееся среди прочего в большей склонности к совершению правонарушений и преступлений данными лицами, но и к формированию у этих лиц мировоззрения профессионального преступника посредством усвоения ценностей и норм не просто уголовного, а профессионального преступного мира. Причём, как отмечалось ранее, наиболее негативно, как показывает практика, криминальная идеология действует на несовершеннолетних, отличающихся ввиду возрастных особенностей незрелостью личности, неустойчивой психикой и подверженностью внешнему влиянию.

Отдельно отметим, что в данной ситуации обнаруживается особый механизм приобщения к ценностям криминальной субкультуры и профессиональной преступной деятельности. Так, в «классическом» варианте становления личности преступника как «профессионала», свойственного преимущественно советскому периоду, как установлено ранее, лицо сначала начинает совершать на систематической основе преступления корыстной и (или) корыстно-насильственной направленности с целью получения постоянного заработка от такой деятельности, и только потом «коллеги» по криминальному «цеху» его «замечают», «принимают» в свой преступный «круг» и «допускают» к процессу восприятия и трансляции норм, обычаев, традиций и иных атрибутов криминальной субкультуры.

Для подтверждения укажем, что в советское время сообщество преступников-профессионалов отличалось высокой степенью замкнутости и консолидации, и для того чтобы «вступить в ряды» этого сообщества (после чего и наступало приобщение к «истинным» «воровским» ценностям и нормам)

¹⁸³ Маркова Н.С. О влиянии криминальных традиций и обычаев на современную подростковую среду // Право и практика. 2023. № 2. С. 79–83; Маркова Н. С., Бычкова А. М. Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3 (27). С. 43–53.

необходимо было длительное время вести преступную деятельность, быть преданным преступной «идее», не иметь в своей биографии «компрометирующих» фактов (служба в армии, государственные награды, работа в правоохранительных органах и т.п.), а также получить положительные рекомендации от своих «коллег» по криминальному «ремеслу» и т.д.¹⁸⁴

Однако в настоящем времени ввиду определённого «размытия» в «воровской» среде статуса преступника-профессионала¹⁸⁵, типична обратная ситуация, когда первоначально законопослушный гражданин (или «традиционный» уголовник, не воспринимающий преступную деятельность как образ жизни) начинает активно усваивать криминальные ценности преступного сообщества и только после под воздействием криминальной субкультуры, проникнувшись её духом, встаёт на путь преступника-профессионала, совершая на постоянной основе преступные деяния.

В качестве примера приведём дело гражданина Н., осуждённого Приговором № 1-11/2024 1-183/2023 С. городского суда (Нижегородская область) от 8 февраля 2024 г. по делу № 1-11/2024 по ч. 1 ст. 161 УК РФ к лишению свободы на срок 1 год 8 месяцев. Данный гражданин ранее, отбывая наказание в виде лишения свободы за умышленное причинение лёгкого вреда здоровью, по сообщению администрации исправительной колонии, на мероприятия воспитательного характера реагировал неправильно, активно поддерживал ценности криминальной субкультуры вследствие чего на путь исправления после освобождения не встал и снова попал «за решётку»¹⁸⁶.

Также укажем на дело гражданина Ф., являющегося членом движения АУЕ, объединяющей основой которого является криминальная идеология, разрушающая моральные устои общества, нравственные ценности человека и

¹⁸⁴ Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Электронный документ]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/10.htm> (дата обращения 07.03.2022).

¹⁸⁵ Воронцов А.В. К вопросу о структуре криминальной среды России // Труды Академии управления МВД России. 2011. №2 (18). С.119–123.

¹⁸⁶ Приговор № 1-11/2024 1-183/2023 от 8 февраля 2024 г. по делу № 1-11/2024, С. городской суд (Нижегородская область) [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JUeqc9u64Kmn/> (дата обращения 22.11.2024).

формирующая базу для пополнения рядов криминального сообщества. Так, гражданин Ф. после вступления в ряды данной запрещённой организации спустя некоторое время в исправительном учреждении, где он отбывал наказание в виде лишения свободы, начал совместно с другим лицом организовывать сбор денежных средств с осужденных в целях формирования воровского «общака», вести учет и распределение между осужденными его содержимого, пропагандировал криминальную субкультуру и всячески нарушал установленный в исправительном учреждении внутренний порядок. За осуществление данных действий гражданин Ф. был повторно привлечён к уголовной ответственности¹⁸⁷.

Как видим, распространение в обществе и в преступной среде «традиционных» уголовников криминальной субкультуры значительно способствует в настоящее время вовлечению граждан и единожды оступившихся лиц и не просто в преступную, а в профессиональную преступную деятельность. При этом особо стоит подчеркнуть, что такой механизм поведения основан на психологических особенностях формирования мировоззренческих установок человека, а также объясняется относительно низким уровнем правосознания и правовой культуры, не позволяющим правильно оценивать последствия противозаконной деятельности.

Так, в духовной сфере жизнедеятельности общества и государства в условиях отсутствия единой национальной идеи и сформировавшегося культурного вакуума детерминантами развития профессиональной корыстной преступности являются замена традиционных духовно-нравственных ценностей ценностями и нормами криминальной субкультуры, определяющей устойчивую связь граждан, подвергшихся таким влияниям, с асоциальной средой, деструктивное воздействие СМИ, сети Интернет и прочих медиа, пропагандирующих антиценности, способствующих оправданию целей противозаконного заработка и препятствующих формированию у населения

¹⁸⁷ Приговор № 1-38/2023 от 10 августа 2023 г. по делу № 1-38/2023, О. городской суд (Псковская область) [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J1xsDUul9SWC/> (дата обращения 22.11.2024).

общественно значимых ориентиров и позитивной мотивации жизни. При этом отдельно стоит указать, что данное негативное влияние «носителей» криминальной субкультуры особо отрицательно сказывается на несовершеннолетних, отличающихся ввиду возрастных особенностей незрелостью личности, неустойчивой психикой и подверженностью внешнему влиянию.

Как видим, в разных сферах жизни общества выделяются собственные специфические детерминанты криминального профессионализма. Однако дифференциация таких детерминант по содержанию не является исчерпывающей. В связи с чем следует выделить два уровня связей детерминант профессиональной корыстной преступности в зависимости от того, совершению какого преступления (первого или повторного) способствуют данные детерминанты. Для этого выделим:

- детерминанты, порождающие развитие как профессиональной корыстной, так и иной преступной деятельности и способствующие совершению первого преступления (например, социальное неравенство; кризис духовно-нравственных ценностей; противоречия в условиях жизни разных социальных групп населения и т.д.);

- специфические детерминанты профессиональной корыстной преступности, порождающие совершение повторного преступления и установление восприятия преступной деятельности как средства извлечения постоянного и значительного дохода (например, недостатки действующего законодательства РФ, регулирующего вопросы привлечения к уголовной ответственности преступников-профессионалов и назначения им наказания соизмеримого с характером и степенью общественной опасности совершаемого повторного преступления; высокая прибыльность отдельных преступных промыслов, в отличие от законных источников заработка, «покрывающая» различные издержки и риски от совершения преступлений ввиду недостаточной защищённости некоторых сфер социально-экономических отношений и др.).

Первая группа детерминант в общем виде способствует криминализации российского общества и совершению преступлений корыстной и (или) корыстно-насильственной направленности, в то время как вторая группа детерминант действует исключительно на лиц, уже однажды переступивших «черту закона», но ещё не выбравших криминальный путь в качестве своего образа жизни. При этом детерминанты как первой, так и второй групп распространяют своё действие на разные сферы общественных отношений: социально-экономические, духовные, правовые и политические¹⁸⁸.

Так, среди детерминант указанной разновидности преступности можно выделить детерминанты: порождающие развитие как профессиональной, так и иной преступной деятельности; специфические детерминанты, свойственные только профессиональной корыстной преступности и способствующие продолжению криминального образа жизни после совершения первого преступления. Также детерминанты рассматриваемого вида преступности можно классифицировать по их формированию в разных сферах жизни общества и государства: социально-экономической, политической, правовой, духовной сферах. Однако представленная классификация является достаточно условной, поскольку все социальные, культурные, экономические и политические процессы, происходящие в реальности, неразрывно связаны друг с другом, вследствие чего одни и те же детерминанты могут распространять своё действие на разные сферы общественных отношений. При этом «основной» причины, исчерпывающе объясняющей происхождение и особенности развития профессиональной корыстной преступности, не обнаружено.

Таким образом, трансформация корыстной профессиональной преступности в России происходила в сложных исторических условиях, определяющих специфику и динамику развития данного вида преступности на разных этапах эволюции общественных отношений. Зародившись в период становления

¹⁸⁸ Более подробно см.: Зарубина К. А. К вопросу о детерминантах профессиональной преступности в современной России // Пролог: журнал о праве. 2024. № 3. С. 83–91.

российского государства, профессиональная корыстная преступность постепенно наращивала внутренний потенциал и превращалась в монолитную, высоко адаптированную к внешним воздействиям, устойчивую структуру, отличающуюся многообразием форм преступной деятельности, высокой степенью защиты от социально-правового контроля, постоянным расширением сфер влияния, высоким уровнем самодетерминации, а также значительной территориальной распространённостью. Существующие в настоящее время социально-экономические, политические и культурные вызовы определяют архитектуру современного корыстного профессионального преступного мира и обуславливают необходимость качественного пересмотра подходов к борьбе с этим опасным для национальной безопасности государства криминальным явлением с учётом имеющегося богатого опыта прошлого и современности.

Глава 2. Предупреждение и прогнозирование корыстной профессиональной преступности в России

§1. Система предупреждения корыстной профессиональной преступности

Любая система представляет из себя совокупность элементов, которые находятся в отношениях и связях друг с другом и образующих некую целостность. Помимо целостности для любой системы характерна структурность, взаимосвязь системы и среды, иерархичность и множественность описания, раскрываемая в возможности построения разных моделей одной и той же системы.

Система предупреждения любого вида преступности, в том числе и профессиональной корыстной представляет собой абстрактную, динамичную, открытую целостную систему, имеющую устойчивые связи между разными элементами системы и внешней средой.

Под системой предупреждения профессиональной корыстной преступности необходимо понимать упорядоченную совокупность объектов, субъектов предупреждения, а также непосредственно самих мер предупреждения указанной разновидности преступности, направленных на противодействие процессам детерминации преступной деятельности «профессионалов» и имеющих цель ресоциализации потенциальных и «реальных» профессиональных корыстных преступников, предотвращение совершения ими преступлений. Условно в системе предупреждения профессиональной корыстной преступности выделяется три неотъемлемых элемента, имеющих устойчивые связи между собой: объект, субъект и меры предупреждения, в связи с чем считаем необходимым для представления полной картины состояния данной системы исследовать каждый из указанных элементов.

Под объектом предупреждения профессиональной корыстной преступности следует понимать совокупность факторов, причин и условий, порождающих развитие данной разновидности преступной деятельности, а также лиц, склонных

к систематическому совершению преступлений с целью извлечения дохода, непосредственно самих корыстных профессиональных-преступников и общество, в целом. Однако в связи с тем, что детерминанты профессиональной корыстной преступности были рассмотрены в работе ранее (см. п. 1.3), особое внимание в данном параграфе уделим лицам, на которых должно быть обращено такое профилаксирующее воздействие. Для этого выделим данные категории объектов предупреждения профессиональной корыстной преступности. В настоящее время к ним относятся:

- потенциальные жертвы профессиональных корыстных преступников;
- потенциальные корыстные преступники-профессионалы;
- «реальные» корыстные преступники-профессионалы.

Далее считаем необходимым произвести более детальный анализ данных категорий с целью установления особенностей предупредительного воздействия.

В первую очередь, укажем, что объектом такого предупредительного воздействия являются «обычные» граждане, которые могут стать жертвами преступных посягательств «профессионалов». В группе риска – несовершеннолетние и пожилые люди, более других подверженные криминальным воздействиям (особенно преступным посягательствам корыстной направленности, которые совершаются «профессионалами» с помощью информационно-телекоммуникационных технологий). Данные лица, по справедливому замечанию отдельных исследователей, обладают излишней доверчивостью, ввиду возрастных особенностей мыслят недостаточно критически, что делает их лёгкой «добычей» для преступников¹⁸⁹, что, в свою очередь, обуславливает необходимость проведения комплексной профилактической работы с населением (в том числе адресной). Примером проведения подобной профилактической работы может служить организация различными государственными органами и службами информирования граждан о

¹⁸⁹ Сычева А. В. Некоторые вопросы криминалистической характеристики «дистанционных» мошенничеств, совершенных в отношении пожилых людей // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. №1 (60). С. 135–140.

наиболее распространённых современных способах «телефонного» мошенничества, многие из которых являются «промыслом» корыстных преступников-профессионалов. Подчеркнем, что это оповещение в настоящее время проводится достаточно широко. В связи с этим большая часть населения, в том числе и незащищённые социальные группы, сегодня хорошо осведомлена о следующих «сценариях» профессионального телефонного мошенничества: «проблемный звонок», «счастливый номер», «ваша карта заблокирована», «ошибочный перевод средств», «платный код» и других¹⁹⁰.

Следующая группа объектов предупредительного воздействия – это потенциальные профессиональные корыстные преступники или лица, склонные ввиду разных обстоятельств к совершению преступлений на профессиональной основе. К этой «категории», в свою очередь, надлежит отнести несколько социальных групп: лиц, имеющих криминальный опыт; лиц, которые не имеют постоянного источника дохода; лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации; несовершеннолетних.

В первую очередь, выделим лиц, склонных к профессиональной корыстной преступной деятельности, ввиду имеющегося «первичного» криминального опыта. В группе «риска» находятся лица, уже вступившие на путь криминала. Так, согласно данным отдельных криминологических исследований, судимость (даже однократная) значительно повышает «шансы» продолжения криминальной активности тем или иным лицом¹⁹¹. Вследствие этого можно заключить, что повторность преступной деятельности автоматически выделяет таких граждан в системе объектов предупредительного воздействия, и заставляет органы уголовной юстиции регулировать механизмы противодействия профессиональной корыстной преступности с учётом представленной опасности.

¹⁹⁰ Профиль общество // Деловой ежедневник. № 34 от 21 сентября 2015 года. С.48–51; Гилязов Р. Р. К некоторым особенностям способов совершения мошенничеств с использованием средств сотовой связи // Вестник УЮИ. 2014. № 1 (63). С.60–65; Телефонные мошенничества (предупреждает управление «К» МВД России) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 4. С.74–76

¹⁹¹ Артемьев Н. С., Забелич А. А. Характеристика профессиональной преступности и личности профессионального преступника // АВБсП. 2017. № 1. С.32–37.

Также в этой группе объектов предупреждения указанной разновидности преступности особо выделяются лица, не имеющие постоянного источника дохода. В общей структуре преступности в настоящее время их численность значительна. Согласно данным официальной судебной статистики за 2022 г. среди выявленных 819 тыс. лиц, совершивших преступления – 531,3 тыс. лиц не имели постоянного источника дохода¹⁹². В 2021 г. среди 848,3 тыс. лиц, совершивших преступления – 544 тыс. лиц¹⁹³. Безусловно, это порождает и повторность преступной деятельности на фоне социально-экономических проблем населения. Другой пример – уличные кражи, совершаемые на профессиональной основе. Согласно данным отдельных исследований, их чаще всего совершают лица без постоянного источника дохода и безработные (более 50 %¹⁹⁴). Представленные факты свидетельствуют о том, что к совершению преступлений склонны именно «нуждающиеся» категории населения (без постоянного заработка), а учитывая, что профессиональная корыстная преступная деятельность, как раз и позволяет получать постоянный (и нередко значительный) доход, на эти социальные группы стоит обратить особое внимание при организации предупредительной работы.

Кроме того, среди лиц, склонных к профессиональной преступной деятельности, следует выделить граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. В данном случае в группе «риска» социальные группы, не просто находящиеся за чертой бедности ввиду тяжёлого материального положения (о чём было сказано ранее), но и характеризующиеся асоциальным образом жизни. Общеизвестно, что в этой среде у лиц гораздо быстрее формируются антиобщественные установки, вследствие чего многие представители люмпенизированных социальных групп в дальнейшем выбирают криминальный

¹⁹² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения 13.04.2023).

¹⁹³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2021 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения 13.04.2023).

¹⁹⁴ Рачкова Н. М. Характеристика личности лиц, совершивших уличные преступления // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3. С. 87–90.

образ жизни и становятся профессиональными корыстными преступниками. В качестве примера можно привести дело гражданина М., осуждённого Приговором № 1-86/2020 от 2 июля 2020 г. К. городского суда (Брянская область) за совершение трёх преступлений, предусмотренных ст. 158.1 УК РФ. Согласно заключению суда, осуждённый находился в трудной жизненной ситуации и совершал преступления на постоянной основе с целью заработка¹⁹⁵.

Также среди этой группы объектов предупреждения отдельно выделим категорию несовершеннолетних, поскольку именно подростки ввиду особенностей психологического развития чаще всего попадают под влияние «старших товарищей», вступают в преступные «ряды» «профессионалов». По некоторым оценкам экспертов, свыше 80% взрослых профессиональных преступников (мошенников, квартирных воров, карманников и т. п.) свое первое преступное деяние совершили именно в подростковом возрасте¹⁹⁶. Пример – дело гражданина Ш., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 158 ч 3 п. а; 207; 207 УК РФ (Приговор № 1-115/2012 1-13/2013 1-13/2013 от 26 апреля 2013 г.), ранее состоящего на учете в ПДН, впервые осуждённого еще в несовершеннолетнем возрасте и активно контактирующего с криминальной средой, что, в конечном итоге, привело гражданина после достижения совершеннолетия на скамью подсудимых¹⁹⁷.

Следующий элемент системы предупреждения – это субъекты предупредительной деятельности, среди которых выделяют специализированные и факультативные, а также субъекты-участники.

Специализированные субъекты предупредительной деятельности – это негосударственные и государственные организации и органы различных уровней, которые целенаправленно осуществляют полномочия по борьбе с

¹⁹⁵ Приговор № 1-86/2020 от 2 июля 2020 г. по делу № 1-86/2020 [Электронный документ]. URL <https://sudact.ru/regular/doc/QuHKzuRQN4gh/> (дата обращения 15.07.2023).

¹⁹⁶ Колесников Р. В. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2022. № 1 (57). С. 47–56.

¹⁹⁷ Приговор № 1-115/2012 1-13/2013 1-13/2013(1-115/2012;) от 26 апреля 2013 г. [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hZ2sfOv30W5P/> (дата обращения 15.07.2023).

профессиональной корыстной преступностью. В России – это судебные органы, органы системы МВД РФ, Прокуратуры РФ, ФСИН РФ, Следственного комитета РФ и т.д. Отметим, что среди специализированных субъектов предупреждения профессиональной корыстной преступности важная роль отводится именно органам внутренних дел с их многочисленными подразделениями. Например, в функции Управления уголовного розыска ГУ МВД России по г. Москве наряду с иными входит противодействие противоправной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, организация и осуществление раскрытия преступлений против собственности, в том числе преступных посягательств на автотранспортные средства, серийных краж, разбоев, грабежей, мошенничеств и т.д.¹⁹⁸ Ещё одним важнейшим подразделением по борьбе с уже профессиональной корыстной киберпреступностью является Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД РФ (УБК МВД России, Управление «К»). В основные задачи данного Управления входит организация предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием (в сфере) информационно-коммуникационных технологий, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших¹⁹⁹. Несмотря на то, что деятельность указанного подразделения прямо не направлена на противодействие именно профессиональной киберпреступности, учитывая высокую степень «профессионализации» корыстной преступности, существующей в цифровом пространстве, так называемое, Управление «К» также обеспечивает борьбу с этим опасным видом деятельности.

¹⁹⁸ ГУ МВД России по г. Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения 25.02.2023).

¹⁹⁹ Положение об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/> (дата обращения 26.06.2024).

К относительно специализированным субъектам предупредительной деятельности относятся органы и организации, для которых функции по предупреждению профессиональной корыстной преступности являются второстепенными, т.е. факультативными, дополнительными. В качестве примера можно рассмотреть деятельность Федерального собрания РФ, разрабатывающего и принимающего уголовные законы, в том числе в сфере противодействия указанной разновидности преступности. Так, в связи с необходимостью активизации борьбы с деятельностью особо опасных преступников, представителей криминальной «элиты» в 2019 г. Федеральным законом РФ № 46 были внесены поправки в ст. 210 УК РФ, введена в действие ст.210¹ УК РФ²⁰⁰. Или, например, в настоящее время Федеральным собранием РФ предпринимаются попытки разработки и принятия законодательных актов, направленных на сдерживание распространения ценностей и норм криминальной субкультуры (к примеру – Законопроект № 1009841-7 о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации²⁰¹, а также Законопроект № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры»²⁰²).

²⁰⁰ Федеральный закон от 01.04.2019 N 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321411/3d0cac60971a511280cbbba229d9b6329c07731f7/#dst100030 (дата обращения 25.01.2020).

²⁰¹ Законопроект № 1009841-7 о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации» [Электронный документ]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1009841-7> (дата обращения 10.06.2023).

²⁰² Законопроект № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры» [Электронный документ]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/318286-7> (дата обращения 14.06.2023).

В звено факультативных субъектов предупреждения включают различные организации, юридические и физические лица, участвующие в противодействии профессиональной корыстной преступности в связи с реализацией не основных полномочий (задач). Данные субъекты прямо не осуществляют функции по борьбе с преступностью, однако их деятельность косвенно сдерживает развитие криминогенной ситуации в стране. Ярким примером может служить осуществление воспитательных функций многочисленными образовательными организациями всех уровней в Российской Федерации.

Общеизвестно, что воспитательная работа в образовательных организациях России в настоящее время осуществляется с учетом основных ориентиров государства в области воспитания, а также имеющегося опыта и особенностей региональных систем образования в соответствии со Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Правительством Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р²⁰³. В современных образовательных организациях: организован учет детей и семей, находящихся в социально опасном положении, трудной жизненной ситуации; ведутся карты социального сопровождения, учетные дела на обучающихся из многодетных, неполных, малообеспеченных семей, детей-инвалидов, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и т.д. Организована систематическая воспитательная работа с подрастающим поколением. Всё это благоприятным образом влияет на духовное самочувствие подростков, а также препятствует вовлечению профессиональными корыстными преступниками в противоправную деятельность несовершеннолетних, которых данная «категория» преступников воспринимает как «кадровую базу»²⁰⁴.

В качестве примера организации деятельности факультативных субъектов предупреждения профессиональной корыстной преступности приведём

²⁰³ Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный документ]. URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (дата обращения 09.09.2021).

²⁰⁴ Тинякова Е.А. Проблемы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних: монография. М.: Директ-Медиа, 2019. С. 36.

разработанные в 2019 г. в Удмуртской республике Комиссией по делам несовершеннолетних «Методические рекомендации по профилактике распространения среди несовершеннолетних и молодежи криминальных субкультур, экстремистских и антиобщественных идей»²⁰⁵, в соответствии с которыми в целях профилактики распространения криминальной субкультуры помимо органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и иных специализированных учреждений предполагается вовлечение в систематическую профилактическую работу общественных и волонтерских организаций, непосредственно не являющихся субъектами предупредительной деятельности.

Также в число субъектов предупреждения профессиональной корыстной преступности входят субъекты-участники – организации и лица, принимающие участие в правоохранительной деятельности на добровольной или служебной основе²⁰⁶. К таким субъектам можно отнести частные охранные предприятия, сообщества дружинников, казачьи формирования и т.п., которые непосредственно не участвуют в реализации мероприятий по противодействию распространения профессиональной преступности, но также влияют на сдерживание криминогенной ситуации в стране, выполняя свой гражданский или служебный долг.

Неотъемлемым элементом исследуемой системы также является совокупность мер по предупреждению профессиональной корыстной преступности, предпринимаемых гражданами, обществом и государством в целях недопущения совершения таких преступлений, осуществления уголовной политики декриминализации общественных отношений.

²⁰⁵ Методические рекомендации по профилактике распространения среди несовершеннолетних и молодежи криминальных субкультур, экстремистских и антиобщественных идей [Электронный документ]. URL: <https://minsoc18.ru/about/commissions/minors/methodical/4710/> (дата обращения 15.07.2023).

²⁰⁶ Мустафина Л. Р. Конституционно-правовые средства защиты детства в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Казань, 2024. С. 12.

В настоящее время Российская Федерация находится в поиске оптимальной модели противодействия развитию профессиональной корыстной преступности как системообразующего элемента преступности, в целом, в связи с чем возникает необходимость в переоценке и уточнении устоявшихся представлений о методах предупреждения данного вида преступности.

На фоне падения профилактического потенциала современного уголовного закона, а также недостатков в организации криминологической профилактики существует объективная потребность в разработке адекватных мер предупреждения особо опасных разновидностей криминальной деятельности, в том числе профессиональной корыстной преступности. На необходимость активизации борьбы с профессиональной корыстной преступностью в условиях современных вызовов времени указывают как учёные (С. Н. Кондратьева²⁰⁷, Ф. Р. Хисамутдинов, А. Е. Шалагин²⁰⁸, Ю. А. Воронин²⁰⁹, Н. В. Шигина²¹⁰ и другие²¹¹), так и сами сотрудники правоохранительных органов²¹².

Меры предупреждения профессиональной корыстной преступности, как и любого другого вида преступности, целесообразно делить по направленности действия на: правовые, организационно-управленческие, идеологические, общесоциальные, технические и некоторые другие. Представленные меры активно воздействуют на социальную нестабильность в обществе,

²⁰⁷ Кондратьева С. Н. Меры предупреждения профессиональной преступности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2011. № 6 (223). С.49–53.

²⁰⁸ Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4 (18). С.50–55.

²⁰⁹ Воронин Ю. А. Криминальный профессионализм: современные тенденции // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С.13–17.

²¹⁰ Шигина Н. В. Криминологические проблемы борьбы с профессиональной преступностью на современном этапе: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. – 177 с.

²¹¹ Забелич А. А. Личность профессионального преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, как объект криминологического исследования. Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013 – 179 с.; Асланян М. М. Рецидив преступлений как легальная форма профессиональной преступности. Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. – 241 с.

²¹² Международная конференция AntiFraud Russia – 2013 успешно завершила свою работу [Электронный ресурс]. URL: <http://npc.ru/ru/media/news/?id=931> (дата обращения 01.02.2021); Интервью начальника ГУ ФСИН России по Кемеровской области В. С. Должанцева [Электронный ресурс]. URL: <https://42.fsin.gov.ru/press/intervyu-nachalnika-gufsin-rossii-po-kemerovskoy-oblasti-v-s-dolzhanseva-interfaks-sibir-12-aprelya.php> (дата обращения 01.02.2023).

неблагоприятные экономические явления, существующие в российском социуме, кризисы в духовно-нравственной сфере, прочие детерминирующие преступность факторы. Этот комплекс мер не является исчерпывающим и может быть дополнен иными мероприятиями, реализуемыми в различных масштабах и на разных уровнях (от массового, до индивидуального). В рамках настоящего исследования предпринята попытка проанализировать обозначенные направления предупреждения профессиональной корыстной преступности и определить проблемные вопросы, связанные с противодействием рассматриваемого вида преступной деятельности, с дальнейшей разработкой эффективных мер борьбы с ней.

Итак, *правовое* обеспечение предупреждения преступной деятельности является исходным моментом организации системы противодействия преступлений. Обеспечение системного характера реализации мер по совершенствованию законодательных основ предупреждения преступности, их соответствие приоритетам и стратегическим установкам в данной области, а также сложившейся криминальной ситуации и ее основным тенденциям развития особо важно для сохранения правопорядка в обществе.

Противодействие профессиональной корыстной преступности в России правовыми (в первую очередь, уголовно-правовыми) мерами в настоящее время осуществляется по нескольким направлениям.

В первую очередь, выделим меры уголовно-правового характера, позволяющие вычлнить среди иной противоправной деятельности не просто корыстную, а именно повторную корыстную преступную деятельность и наказать «профессионала» за проявление такого рода криминальной активности. Для этого определим, что с момента образования современного российского государства как страны, существующей в системе новых для неё отношений, уже предпринимались попытки модернизации института множественности преступлений, отражающего разные формы повторности преступной деятельности.

Так, после распада СССР и принятия нового Уголовного кодекса РФ в отечественном законодательстве был закреплён институт неоднократности, позволяющий среди прочей преступной деятельности «вычленивать» ту, которая велась преступниками систематически, а значит, и с большей долей вероятности являлась профессиональной. Как справедливо отмечает Т.В. Серкова: «Основу института неоднократности преступного поведения составляют следующие друг за другом факты преступного поведения виновного, который, совершая несколько общественно опасных деяний, показывает наличие стойкого негативного отношения к обществу. Более того, неоднократное совершение преступлений делает более опасным само преступление, поскольку лицо приобретает преступный опыт, криминальную профессионализацию...». Исследователь также справедливо подчёркивает, что борьба с профессиональной преступностью в рассматриваемый период разворачивалась, в том числе с помощью утверждения и совершенствования института неоднократности преступного поведения, необходимого для справедливой квалификации общественно опасных деяний, максимальной дифференциации и индивидуализации ответственности²¹³. Однако введение данного института не вписывалось в общую концепцию реализации основополагающих принципов уголовной политики России, что привело к его упразднению.

В 2003 г. Конституционный суд РФ определил, что подобный учёт прошлых криминальных «заслуг», за которые преступник уже понёс наказание, нарушает важнейший конституционный принцип равенства всех перед законом и судом, а также основные принципы международного права²¹⁴. Согласно концептуальным установкам действующей в России уголовно-правовой системы, повторное

²¹³ Серкова Т. В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2016. С. 10, 112.

²¹⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/#dst100102 (дата обращения 16.03.2021); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/#dst100382 (дата обращения 16.03.2021).

осуждение за одно и то же преступление ни путем назначения лицу дополнительного к уже отбытому им наказанию за преступление, ни путем двойного учета одних и тех же обстоятельств одновременно как при квалификации преступлений, так и при назначении наказания не допустимы²¹⁵. Вследствие этого отечественное законодательство «лишилось» практически единственного правового инструмента объективного учёта систематичности преступной деятельности.

В действующем УК РФ повторность совершения преступлений ограничивается использованием понятий рецидив и совокупность преступлений (приговоров), лишь «отдалённо» указывающих на борьбу с систематичностью преступной деятельности. В связи с этим считаем, что современный институт множественности в УК РФ в должной мере не обеспечивает дифференциацию уголовной ответственности за разное (существенно различающееся) криминальное поведение лиц. Так, в некоторой степени, исключение из уголовного законодательства такого признака преступной деятельности как неоднократность, привело к тому, что в обществе резко распространились преступления небольшой и средней тяжести: кражи, мошенничества, грабежи, разбой и другое, поскольку в русле изменения репрессивной политики государства и общей гуманизации уголовного законодательства наказание преступникам, систематически совершавшим указанные деяния, с 2003 г. стало назначаться достаточно мягкое.

К примеру, если ранее (до 2003 г.) 10 эпизодов мошенничества (явно указывающих на профессиональный характер совершаемых деяний) следовало квалифицировать по п. «б» ч.2 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное

²¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения 16.03.2021).

неоднократно, наказуемое штрафом в размере от 700 до 1000 минимальных размеров оплаты труда или в размере зарплаты или другого дохода осужденного за период от 7 месяцев до 1 года, либо лишением свободы на срок от 2 до 6 лет со штрафом или без такового)²¹⁶, то в настоящее время к уголовной ответственности данное лицо можно привлечь лишь по ч.1 ст. 159 УК РФ (мошенничество, наказуемое штрафом в размере до 120 тыс. рублей или в размере зарплаты или другого дохода осужденного за период до 1 года, либо исправительными работами на срок до 1 года, либо обязательными работами на срок до 360 часов, либо ограничением свободы сроком до 2 лет, принудительными работами на тот же срок, арестом на срок до 4 месяцев, лишением свободы на срок до 2 лет), а преступные деяния квалифицировать по совокупности преступлений. При этом правоприменитель вынужден назначать наказание за каждое деяние и по итогу – определить окончательное. Однако в связи с тем, что это наказание назначается путём частичного, либо полного сложения, посредством поглощения менее строгого наказания более строгим, а окончательное наказание не может превысить больше чем на половину максимальный размер или срок, предусмотренного за совершение самого тяжкого из квалифицируемых преступлений (в данном случае – обычного мошенничества), в моделируемой ситуации преступника смогут осудить лишь на 3 года (а по действовавшему до 2003 г. законодательству – на 6 лет со штрафом). Поэтому, как справедливо замечают некоторые исследователи, подобная декриминализация преступного поведения определённым образом породила вседозволенность и предоставила возможность развиваться преступниками «профессионально»²¹⁷. В результате, по справедливому замечанию Н.Ф. Кузнецовой, «Государственная дума РФ в

²¹⁶ Уголовный кодекс РФ (первая редакция). [Электронный документ]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/kodeksru/uk/19960613/raz08.htm> (дата обращения 27.01.2020).

²¹⁷ Прохорова М. Л., Горенко М. Г. Некоторые дискуссионные аспекты института множественности преступлений // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 5. С.121–123.

противовес генеральным направлениям уголовной политики гуманизировала наказуемость профессиональной преступности и криминального рецидива»²¹⁸.

Таким образом, как указывалось ранее, в настоящее время признаки неоднократности фактически растворились в рецидиве и совокупности преступлений (приговоров), в связи с чем преступная деятельность приобрела более профессиональный характер²¹⁹. Точнее всего деятельность преступников-профессионалов сейчас характеризует понятие «специальный рецидив», указывающее на однородность преступных деяний, совершённых преступником. Однако и этот институт не закреплён нормативно.

С целью обеспечения противодействия рассматриваемому виду преступности находим необходимым внести изменение в ст. 18 (Рецидив преступлений) УК РФ, считая эту норму единственно возможным уголовно-правовым инструментом воздействия на корыстных преступников-профессионалов в рамках действующей уголовно-правовой доктрины в России. Предлагаем дополнить ч. 3 ст. 18 УК РФ п. «в» следующего содержания:

«в) при совершении лицом преступлений корыстной и (или) корыстно-насильственной направленности, если ранее оно дважды было осуждено за тождественное и (или) однородное преступление.

Примечания 1. Действие части четвёртой настоящей статьи не распространяется на пункт «в» части третьей настоящей статьи».

Полагаем, что введение данной нормы поможет нивелировать рост профессиональной корыстной преступности и, в целом, обеспечить укрепление состояния защищённости национальной безопасности государства.

При этом дополнительно укажем, что в Особенной части УК РФ уже существуют некоторые «специальные статьи» для «профессионалов», в связи с чем в современной уголовной политике государства чётко обозначилось

²¹⁸ Кузнецова Н. Ф. Мнение ученых о реформе УК (или qui prodest) // Уголовное право. 2004. № 1. С. 26–27.

²¹⁹ Микаутадзе С. Р. Институт множественности преступлений в свете тенденций реформирования уголовного законодательства // Вестник ВИ МВД России. 2012. № 2. С.129–132.

направление криминализации деяний, обладающих большим потенциалом применения криминального профессионализма.

Примером может служить п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем), «адресованная» к карманникам. В подтверждение данной точки зрения, укажем, что согласно данным анализа личных дел всех преступников, отбывающих наказание в ИК-10 и ИК-2 УФСИН России по Ростовской области, установлено, что более 60 % осужденных по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ имели судимости²²⁰. А по справедливому замечанию некоторых исследователей, в 94,8 % случаев у карманников имеются навыки преступной деятельности²²¹. Следовательно, эту норму уголовного закона справедливо можно назвать специальной «статьёй для карманников».

Так, выделять профессиональных преступников среди прочих уголовников методами уголовно-правового воздействия можно не только посредством ужесточения наказаний за систематичность ведения преступной деятельности через придание уголовно-правового значения институту специального рецидива, но и с помощью усиления уголовной ответственности за совершение наиболее «высоко профессионализированных» общественно опасных деяний.

По этому признаку в Особенной части УК РФ также можно выделить «специальные составы» для киллеров или, по-другому, профессиональных убийц, «работающих» по найму (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и «воров в законе» (иных криминальных авторитетов) (ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ). Однако несмотря на подобное закрепление возможности привлечения к уголовной ответственности данных «категорий» профессиональных преступников, полагаем, что введения данных норм недостаточно, и с целью активизации борьбы с профессиональной корыстной преступностью в условиях современных угроз со стороны

²²⁰ Вакуленко Н. А. Изучение криминологических параметров личности карманного вора как основа для организации превентивной деятельности // ЮП. 2020. № 3 (94). С. 48–53.

²²¹ Бердникова О. П. Криминалистические особенности и типология личности преступника, совершающего кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 173–179.

профессионального криминального мира необходимо ужесточить наказания за совершение закреплённых в УК РФ деяний, обладающих большим потенциалом применения криминального профессионализма (п. «г» ч. 2 ст. 158, ч. 4 ст. 210 и 210¹ УК РФ).

В связи с обсуждением вопроса противодействия профессиональной корыстной преступности уголовно-правовыми средствами также хотелось бы определить место в системе законодательных норм одной из самых спорных новелл уголовного законодательства современной России – ст. 210¹ (Занятие высшего положения в преступной иерархии) УК РФ, прямо нацеленной на пресечение деятельности не просто представителей организованной преступности, криминальных авторитетов, а профессиональных преступников.

Ст. 210 (организация преступного сообщества (преступной организации)) была включена в УК РФ с момента принятия кодекса. В первой редакции присутствовало всего 3 части статьи. Первая часть предусматривала привлечение к уголовной ответственности за создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а равно руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Вторая – за участие в преступном сообществе (преступной организации), либо в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп, третья – за деяния, предусмотренные частями первой или второй указанной статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения²²².

Федеральным законом РФ № 245 от 3 ноября 2009 г. название статьи 210 УК РФ было изложено в новой редакции, а в саму норму закона внесены

²²² Уголовный кодекс РФ (первая редакция) [Электронный документ]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/kodeksru/uk/19960613/raz09.htm> (дата обращения 27.01.2020).

значительные изменения, главное из которых – введение в действие новой четвертой части (выделение особо квалифицирующего признака) – совершение деяний, предусмотренных частью первой настоящей статьи, лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии²²³. Так, в данной норме уголовного закона впервые нормативно были закреплены понятия «высшее положение» и «преступная иерархия».

Более серьёзные дискуссии вызвало принятие Федерального закона РФ № 46 от 1 апреля 2019 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности», где в п. 5 ст. 1 указывалось, что в связи с введением в действие новой редакции УК РФ преступлением становится не только непосредственное совершение деяний, предусмотренных ч. 1 или 1.1 настоящей статьи, лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, но и сам статус лица, занимающего такое положение, без необходимости совершения каких-либо общественно опасных деяний²²⁴.

Примечательно, что название законодательного акта не в полной мере отражает смысл проводимой политики в области совершенствования норм уголовного закона, поскольку, в большей мере, этот нормативный правовой акт был нацелен не на борьбу с организованной преступностью (хотя многие изменения законодательства коснулись именно этой проблемы), а на противодействие распространению в обществе криминального профессионализма. Это справедливо отмечают отдельные учёные, в том числе связывая понятие «высшее положение в преступной иерархии» со статусом «вора

²²³ Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный документ]. URL: http://base.garant.ru/12170605/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_14 (дата обращения 30.01.2020).

²²⁴ Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» [Электронный документ]. URL: http://base.garant.ru/72210300/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_141 (дата обращения 30.01.2020).

в законе»²²⁵, поскольку данный опыт законотворчества сильно «напоминает» политику борьбы с криминальными авторитетами в Грузии.

Анализируя правоприменительную практику по данной норме, отметим, что, согласно данным официальной статистики, по ст. 210¹ УК РФ в 2019 г. осуждено – 0 человек, в 2020 г. – 0 человек, в 2021 – 8 человек, в 2022 г. – 20 человек, а в 2023 г. число осужденных составило 33 человека²²⁶. Как видим, в процессе правоприменения при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 210¹ УК РФ возникают определённые трудности.

Н. С. Гришин, В. Р. Семёнов справедливо отмечают, что перед правоприменителями указанные нормы ставят несколько вопросов: о какой преступной иерархии и «верхушке» в законе идёт речь, как устанавливать факт принадлежности к этой иерархии и «верхушке», а также как оценивать конкуренцию норм (ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ)²²⁷? Д. А. Григорьев и В. И. Морозов добавляют, что основная трудность квалификации преступлений по ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ – это отсутствие критериев «лидерства», которые необходимо было зафиксировать в законе²²⁸, а А. В. Иванчин, характеризуя диспозицию данной статьи, справедливо указывает на то, что, в целом, сама норма закона противоречит теории криминализации, ст. 5 УК РФ (принцип вины), а также другим положениям уголовно-правовой теории²²⁹.

²²⁵ Эрохин П. В. Уголовно-правовые институты в оперативно-служебной деятельности подразделений уголовного розыска по противодействию организованной преступности: проблемы применения и пути решения // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С.34–41; Рязанов Н. С. Проблемы квалификации преступлений по ст. 210 УК РФ // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2014. № 1 (38). С.232–236; Григорьев Д. А., Морозов В. И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С.50–58. и др.

²²⁶ Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 11.07.2024).

²²⁷ Семенов В. Р., Гришин Н. С. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, предусмотренного статьей 210¹ УК РФ // Закон и право. 2019. № 8. С. 75–76.

²²⁸ Григорьев Д. А., Морозов В. И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С.50–58.

²²⁹ Иванчин А. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) – пример необоснованной криминализации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.). 2019. С.159–161.

Как видим, определённые недостатки при применении данной нормы сегодня существуют, и отдельные разъяснения Верховного суда РФ по этому поводу также указывают на данный факт²³⁰.

Для решения этой проблемы считаем необходимым уточнить понятийно-категориальный аппарат (термины «высшее положение», «преступная иерархия»), используемый в ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, посредством официальных разъяснений высшей судебной инстанцией (Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»²³¹). Ещё раз подчеркнём, что представленное нововведение поможет оптимизировать процесс расследования преступлений по указанным нормам, а значит, повысить уголовно-правовой потенциал воздействия закона на профессиональных корыстных преступников.

Другим важным направлением реализации современной правовой политики, нацеленной на противодействие профессиональной корыстной преступности, является сдерживание распространения в обществе ценностей и норм криминальной субкультуры, являющейся идеологической основой жизни сообщества преступников-профессионалов. Властью в настоящее время предпринимаются попытки решить данную проблему.

Яркий пример – законопроект № 1009841-7 о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных

²³⁰ Верховный суд РФ отменил приговор старейшему российскому вору в законе [Электронный ресурс]. URL: <https://legal.report/vs-rf-otmenil-prigovor-starejshemu-rossijskomu-voru-v-zakone/> (дата обращения 15.06.2024).

²³¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [Электронный документ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/ (дата обращения 27.01.2024).

субкультур в Российской Федерации²³². Автор законопроекта в августе 2020 г. предлагал вслед за криминализацией деятельности членов движения АУЕ ограничить доступ к сайтам, романтизирующим образ жизни криминальных элементов. В пояснительной записке к законопроекту справедливо указывалось, что во многих российских регионах в настоящее время сохраняется негативное влияние со стороны преступного мира на правопорядок, выраженное в популяризации криминального образа жизни и вовлечении граждан в деятельность криминальных сообществ (особенно в интернет-сообществах). Особо подчёркивалось, что в действующем законодательстве хоть и содержатся нормы, направленные на борьбу с пропагандой экстремизма, их недостаточно, и они в полной мере не пресекают деятельность по распространению криминальной идеологии, что обуславливает целесообразность формирования новых законодательных механизмов профилактики распространения криминальной субкультуры. Однако законопроект не был принят.

По направленности с представленным законопроектом схож законопроект № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры», нацеленный на пресечение дальнейшего распространения ценностей криминальной субкультуры в информационной среде. Авторами предлагалось внести поправки в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Предусматривалось предоставить Роскомнадзору во внесудебном порядке право блокировать сайты, контент

²³² Законопроект № 1009841-7 о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации / Государственная Дума РФ [Электронный документ]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1009841-7> (дата обращения 10.06.2023).

которых формирует представление о привлекательности криминального образа жизни. Представленный законопроект также был отклонён²³³.

Безусловно, данные законопроекты имеют ряд недочетов, например, недостаточно разработанным с научной точки зрения представляется понятийный аппарат, используемый в документации. Не проработан вопрос возможного необоснованного ужесточения цензуры посредством блокирования сайтов, например, с обсуждениями «громких» уголовных дел или научного контента о преступной деятельности представителей высшего криминалитета. Также вызывает сомнения дублирование в законопроектах нормативных запретов, поскольку те же объединения АУЕ, распространяющие ценности криминальной субкультуры, ранее уже были запрещены. И, тем не менее, попытки объявления «информационной войны» «распространителям» криминальной субкультуры в правовом поле, как видим, активно предпринимаются.

Полагаем, что для решения этой проблемы необходимо действовать более решительно, введя запрет на публичную демонстрацию атрибутики сообщества преступников-профессионалов и публичную пропаганду ценностей и норм криминальной субкультуры. Для достижения этой цели предлагаем дополнить КоАП РФ ст. 6.21.3 в следующей редакции:

«Статья 6.21.3 Пропаганда идеологии криминальной субкультуры, либо публичное демонстрирование её атрибутики

1. Пропаганда идеологии криминальной субкультуры, либо публичное демонстрирование атрибутики криминальной субкультуры –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения либо административный арест на срок до пятнадцати суток с конфискацией предмета административного правонарушения; на должностных лиц – от одной тысячи до четырех тысяч

²³³ Законопроект № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры» [Электронный документ]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/318286-7> (дата обращения 14.06.2023).

рублей с конфискацией предмета административного правонарушения; на юридических лиц – от десяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения.

2. Действия, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на должностных лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток; на юридических лиц – от одного миллиона до одного миллиона пятисот тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

Примечание. Положения настоящей статьи не распространяются на случаи использования атрибутики криминальной субкультуры, при которых формируется негативное отношение к идеологии преступного мира и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания криминальной идеологии».

Считаем, что введение данной нормы позволит сдержать дальнейшее распространение в обществе криминальной идеологии, являющейся негласным регулятором отношений внутри профессиональной преступной среды и инструментом пассивного самовоспроизводства профессиональной корыстной преступности.

Подытоживая анализ мер предупреждения рассматриваемого вида преступности в нормативно-правовой сфере, укажем, что современное российское законодательство постоянно обновляется, ведётся целенаправленная работа по обеспечению противодействия профессиональной корыстной преступности правовыми методами и средствами, однако эта работа требует большей активизации и внимания со стороны государства для выполнения стратегически

важной задачи – борьбы с любыми проявлениями криминального профессионализма.

Следующая важнейшая группа мер предупреждения профессиональной корыстной преступности – это *организационно-управленческие* меры. К числу таких мер следует отнести совокупность форм деятельности по планированию, анализу криминогенной обстановки, ее прогнозу, учету имеющихся сил и средств, постановки конкретных задач перед правоохранительными органами, определению основных направлений их деятельности, а также иных мероприятий по предупреждению рассматриваемого вида преступности организационно-управленческого характера.

В первую очередь, обратим внимание на важность повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по профилактике, выявлению, раскрытию преступлений, совершаемых преступниками-профессионалами, в том числе посредством совершенствования общеметодологических, организационно-технических, квалификационных основ деятельности правоохранителей.

Рассматривая вопрос о подготовке будущих сотрудников правоохранительных органов, отметим, что в настоящее время образовательные организации высшего образования в РФ готовят, действительно, квалифицированные кадры. Будущие специалисты сферы правоохранительной деятельности, обеспечения национальной безопасности осваивают специальные курсы, проходят необходимую практическую подготовку. По состоянию на 2020 год в России действовали 20 ведомственных вузов МВД и 12 их филиалов, выпускающих ежегодно около 10 тыс. специалистов в соответствующих сферах²³⁴. Вузы готовят сотрудников для работы в органах дознания и предварительного следствия, уголовного розыска, расследования и раскрытия

²³⁴ Образовательные учреждения МВД России [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Образовательные_учреждения_МВД_России (дата обращения 06.02.2023).

экономических преступлений, киберпреступлений²³⁵ и т.д. В «арсенале» правоохранительных органов – новинки технологического мира, современные методики обнаружения следов преступления и др. Хотя, как показывает практика, «конкуренция» с высококвалифицированными корыстными преступниками-профессионалами у них также высока, и кто «выиграет» в этом «противостоянии» во многом зависит от того, смогут ли правоохранительные органы своевременно обновлять материально-техническую, общеметодологическую базу и повышать свою квалификацию так же оперативно, как и преступники-профессионалы, с которыми борются многочисленные подразделения органов внутренних дел.

Исследователи справедливо подчёркивают, что, в связи со стремительным развитием цифровых технологий современным сотрудникам компетентных органов приходится быстро осваивать специальные профессиональные компетенции²³⁶, которых нередко правоохранителям не хватает²³⁷. Вследствие этого становится очевидным, что в настоящее время возникла острая необходимость в подготовке соответствующих кадров для работы в указанном направлении, в том числе владеющими новыми информационными технологиями, активно используемыми современными преступниками-профессионалами²³⁸.

Между тем, в настоящее время также возникла потребность повышения не просто квалификации сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих противодействие наиболее опасным видам преступности, таким как профессиональная корыстная преступность, но и их информационной осведомлённости о деятельности таких преступников. В связи с этим укажем на актуальность разработки для служебного пользования (по примеру других

²³⁵ См.: например, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, Нижегородская академия МВД России и др.

²³⁶ Минин А. Я. Актуальные проблемы цифрового права. М.: МГПУ, 2021. С. 73.

²³⁷ Заурби Л. Ш. О некоторых факторах, препятствующих эффективному раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых в киберпространстве // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 258–263.

²³⁸ Шаталов А. С. Феноменология преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. №2. С. 68–83.

информационных систем МВД РФ²³⁹) общероссийской базы криминологического учёта профессиональных преступников – автоматизированной информационной системы (АИС «Профессионал»). В неё должны попадать сведения о всех лицах, дважды совершивших тождественные и (или) однородные преступления корыстной или корыстно-насильственной направленности. Эти сведения обязательно должны включать не только идентифицирующие личность данные такие как ФИО, пол, возраст и т.п., но и подробное описание типичного для конкретного лица способа совершения преступлений, квалификации, специализации преступника, связей с другими представителями преступного мира, а также содержать иную криминологически значимую информацию. Кроме того, считаем необходимым осуществлять сбор биометрических данных таких лиц и вести его централизованное хранение в базе АИС «Профессионал».

Для организации эффективного поиска по этой базе данных, личные дела о профессиональных преступниках необходимо систематизировать по направленности противоправной деятельности, криминальной специализации лиц с сохранением территориального принципа разделения информации. Представленные сведения можно использовать для ускорения процесса расследования преступлений, совершаемых «профессионалами», и их оперативного обнаружения с помощью современного аппаратно-программного комплекса автоматизированной системы видеонаблюдения «Безопасный город».

Отдельно отметим, что данная система видеонаблюдения на территории России частично функционирует уже с 2005 г. Она нацелена на поддержание безопасности жизни населения и предполагает с помощью автоматизированного распознавания лиц на основе биометрических данных осуществление круглосуточного контроля обстановки на улицах городов с помощью особого комплекса средств видеонаблюдения, сигнализирования о возникновении чрезвычайных ситуаций, фиксации дорожно-транспортных происшествий и т.п.

²³⁹ Лещов М. А. Влияние применения информационных технологий в оперативно-розыскной деятельности на раскрытие преступлений // Юридическая наука. 2024. №7. С. 243–247.

Хорошие результаты использования в сфере предупреждения преступлений и повышения процента их раскрываемости данная система продемонстрировала в таком крупном городе как Санкт-Петербург²⁴⁰. Полагаем, что данный опыт можно использовать и для организации (в случае необходимости) постпенитенциарного контроля за профессиональными преступниками после отбытия ими наказаний или для их оперативного обнаружения при повторном совершении преступления.

Среди организационно-управленческих мер противодействия профессиональной корыстной преступности также выделим актуальность разработки системы ресоциализации жизни бывших заключённых и постпенитенциарного контроля за ними. Общеизвестно, что по статистике каждое новое преступление, как правило, совершается в первые несколько лет после отбытия наказания, а, согласно данным отдельных криминологических исследований, более 87% рецидивистов, вышедших на свободу, возобновляют связи с криминальной средой, что нередко обуславливает дальнейшую их криминальную профессионализацию²⁴¹. При этом анализ данных контроля за лицами, совершившими повторные преступления после освобождения из мест лишения свободы, позволяет утверждать, что возвращение к общественно опасному образу жизни обусловлено не самим фактом наличия судимости у бывших преступников, а социальными проблемами, с которыми сталкивается лицо «на свободе»²⁴².

Отметим, что в отдельных регионах РФ продолжительное время действуют самостоятельные программы (подпрограммы) социальной адаптации осужденных, например, в республиках Ингушетия, Саха (Якутия), Магаданской, Оренбургской, Псковской и некоторых других областях РФ. Практически во всех

²⁴⁰ Шевелева С. В., Химеденова Д. Н. Использование технологий системы распознавания лиц в вопросах предупреждения преступности отдельных категорий осужденных // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 2. С. 160–169.

²⁴¹ Воронин Ю.А. Криминальный профессионализм: современные тенденции // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. №1. С. 13-17

²⁴² Лампежев А.С. Эффективность постпенитенциарного контроля в современной России // Уголовно-исполнительное право. 2017. №3. С. 321-325; Зарубина К.А. Уголовно-правовые основы борьбы с профессиональной преступностью в советской России в 1917-20-е годы // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20. № 1. С. 24–31.

субъектах России налажено взаимодействие между территориальными органами ФСИН РФ и службами занятости с целью обеспечения помощи в трудоустройстве граждан, освобождающихся и освободившихся из мест лишения свободы²⁴³.

Однако важнейшим «сдвигом» в данном направлении является принятие в 2023 г. Федерального закона № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», предусматривающего создание условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи и др.²⁴⁴ Коррелирующим подзаконным актом является Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ “О пробации в Российской Федерации”», в котором утверждается порядок осуществления коррекции социального поведения, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация²⁴⁵.

Между тем, механизмы оказания постпенитенциарного «сопровождения» профессиональных преступников (в том числе в представленных нормативных

²⁴³ Информационно-справочный материал об опыте работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, их трудоустройства, обеспечения жилой площадью, оказания социальной, медицинской и иной помощи [Электронный документ]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_text/temp/___1432562743_110/ISM_po_polozhitelnomu_opytu_sotsialno_y_adaptatsii_lits_ranee_sudimykhn_GUOOOP_MVD_Rossii.pdf (дата обращения 09.04.2021).

²⁴⁴ Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ (последняя редакция) [Электронный документ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/ (дата обращения 28.09.2023).

²⁴⁵ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ “О пробации в Российской Федерации”» [Электронный документ]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300040> (дата обращения 27.01.2025).

правовых актах) до настоящего времени не разработаны, несмотря на актуальность данного вопроса. В связи с этим находим важным в текущих условиях с учётом положений Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ (с изм. и доп.) и коррелирующих подзаконных актов (Приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350) разработку федеральной государственной программы ресоциализации жизни профессиональных преступников, отбывших наказание в виде лишения свободы, и постпенитенциарного контроля за ними.

Ключевым моментом в данной программе должна стать система юридического, социального, психологического, медицинского и прочего сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы, чья противозаконная деятельность указывала на наличие у данного лица признаков криминального профессионализма. При этом такое сопровождение должно отличаться от мер воздействия на бывших преступников, предлагаемых Федеральным законом «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ, ввиду особо устойчивой отрицательной направленности психологического развития личности преступника-профессионала со свойственной агрессивностью, враждебностью, пренебрежением к общественным нормам, личной рациональностью, завышенной самооценкой, стремлением к неформальному лидерству в преступной среде и стабильным желанием иметь значительные материальные блага, не занимаясь общественно полезным трудом.

Полагаем, что данная программа позволит «перевоспитать» (хотя бы частично) как потенциальных, так и «реальных» преступников-профессионалов, вернуть их в социум, как полноценных членов общества, а значит, и, в целом, сдержать рост рассматриваемого вида преступности.

Отдельная группа предупреждения профессиональной корыстной преступности – это *технические* меры. В данном случае речь идёт о различных технических возможностях, препятствующих совершению преступлений «профессионалами». Например, для предупреждения карманничества высокую

эффективность демонстрирует нормализация работы транспортной системы с целью минимизации скопления людей в транспорте, а для противодействия домушникам, в свою очередь, демонстрирует эффективность модернизация конструкций входных дверей, установление систем видеонаблюдения, кодовых запирающих устройств в подъездах и т.п.

Однако если противодействие «традиционным» профессиональным корыстным преступникам требует меньше технических «затрат», то предупреждение посягательств «цифровых профессионалов», активно использующих различные устройства, гаджеты, технологические инновации, заставляет постоянно совершенствовать технические меры предупреждения совершаемых ими преступлений. К примеру, к таким мерам можно отнести модернизацию работы систем, обеспечивающих за счёт автоматизированных механизмов удалённый доступ пользователя к денежным средствам, хранящимся на расчётных банковских счетах, исключительно с применением усложнённых схем сверки идентификационных данных клиента. Так, ПАО «Сбербанк России» для пользователей приложения «СберБанк Онлайн» был разработан сервис «Проверка операций близкого», позволяющий с помощью ряда автоматических технических операций онлайн-помощнику определить законность проводимых безналичных переводов денежных средств того или иного человека (например, ребёнка или пожилого человека), не способного самостоятельно противостоять профессиональным мошенникам. Приложение «СберБанк Онлайн» пришлёт автоматическое уведомление, в том случае, если подключённый к данному сервису пользователь захочет перевести кому-либо денежные средства. В случае бездействия в течение 12-ти часов доверителя приложение автоматически отклонит перевод²⁴⁶. В результате подобная технологическая разработка помогает защитить безналичные денежные средства от посягательств профессиональных дистанционных мошенников.

²⁴⁶ Проверка переводов близкого [Электронный ресурс]. URL: http://www.sberbank.ru/ru/person/dist_services/blizkie-ryadom (дата обращения 03.05.2024).

Также в качестве примера развития технических мер предупреждения хищений, совершаемых «профессионалами», можно привести внедрение и повсеместное распространение в разных приложениях мобильных банков возможности замены традиционного ввода цифрового пароля для получения доступа к безналичным денежным средствам системой опознавания пользователя и идентификацией его личности с помощью биометрических данных, к которым злоумышленнику в силу более совершенных систем контроля и защиты «подобраться» сложнее²⁴⁷. Это, в свою очередь, исключает (хотя и не полностью) вероятность совершения тайного хищения безналичных денежных средств дистанционным способом, активно используемого корыстными преступниками-профессионалами.

Однако, несмотря на значительное усовершенствование технических мер предупреждения профессиональной корыстной преступности в современности, преступники-профессионалы, как показывает практика, ещё более активно повышают свою криминальную квалификацию в данной сфере и используют всё более модернизированные технологии и инновации для достижения преступных целей. В связи с этим находим важным постоянное совершенствование автоматизированных технических механизмов противодействия совершения посягательств на собственность, в том числе посредством укрепления мер защиты операций по проведению «сомнительных» банковских расчётных операций в безналичной форме.

Переходя к дальнейшему анализу системы мер предупреждения профессиональной корыстной преступности, отметим, что важное значение в данной системе имеют *общесоциальные и идеологические* меры борьбы с преступниками-профессионалами.

Определим, что важнейшей предпосылкой надлежащего обеспечения качества реализации общесоциальных и идеологических мер предупреждения

²⁴⁷ Биометрия в банке – что такое ЕБС и зачем нужна [Электронный ресурс]. URL: <https://metallinvestbank.ru/articles/biometriya-v-banke-chto-takoe-ebs-i-zachem-nuzhna/> (дата обращения 03.05.2024).

любого вида преступности (в том числе и профессиональной корыстной) должна выступать эффективная социальная политика государства, направленная на укрепление материального и духовного благосостояния населения, снижения социальной напряжённости и повышения уровня правосознания, правовой культуры общества, воспитание негативного отношения к преступному поведению.

Особо выделим в данной сфере выстраивание систематической профилактической работы с населением, нацеленной на распространение информации о наиболее типичных преступных схемах, используемых корыстными «профессионалами» для совершения преступлений. С сожалением сегодня приходится констатировать, что столь важное направление предупреждения преступлений, совершаемых профессиональными преступниками, реализуется фрагментарно. Хотя отдельные мероприятия по виктимологической профилактике сегодня всё же осуществляются. Например, в настоящее время правоохранительными органами, органами государственной власти, заинтересованными организациями, достаточно успешно выполняется на основе анализа типичных схем совершения преступниками-профессионалами дистанционных хищений подготовка виктимологических рекомендаций «Как не стать жертвой преступника» в виде специального контента в форме визуальных, аудио-, аудиовизуальных материалов, который размещается в СМИ, социальных сетях, в сети Интернет, демонстрируется на тематических мероприятиях перед разными социальными группами населения и целевыми аудиториями²⁴⁸. Так, сотрудники УМВД России по Курской области ежегодно проводят беседы о типичных схемах совершения «профессионалами» дистанционных мошенничеств с обучающимися общеобразовательных организаций, студентами образовательных организаций среднего профессионального и высшего

²⁴⁸ Старостенко О. А. Алгоритм осуществления виктимологической профилактики дистанционных хищений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. С. 190–193.

образования²⁴⁹, а региональное Отделение Социального фонда России по Курской области на своём официальном сайте регулярно размещает информацию о мерах предосторожности, которые могут помочь незащищённым слоям населения противодействовать «уловкам» профессиональных дистанционных мошенников²⁵⁰.

Как видим, в общесоциальной и идеологической сферах предупреждения преступности также реализуются меры по минимизации последствий общественно опасной деятельности корыстных преступников-профессионалов. Однако, как показывает практика, этих мер, по-прежнему, недостаточно, и граждане регулярно ввиду низкого уровня правосознания, правовой культуры и прочих обстоятельств становятся жертвами профессиональных корыстных преступников. В связи с этим находим необходимым активизацию и дальнейшее совершенствование форм и методов профилактической работы с населением субъектами предупреждения этого вида преступности. При этом основным направлением проведения такой работы считаем активное распространение информации о наиболее типичных преступных схемах, используемых «профессионалами» для совершения общественно опасных посягательств. Также находим важным воспитание в обществе общего негативного отношения к преступному поведению и укрепление духовного благосостояния населения.

Таким образом, под системой предупреждения профессиональной корыстной преступности необходимо понимать упорядоченную совокупность объектов, субъектов, а также мер предупреждения указанной разновидности преступности, реализуемых в разных сферах жизни общества и государства и направленных на противодействие процессам детерминации преступной деятельности «профессионалов», имеющих цель предотвращения совершения

²⁴⁹ В Курске сотрудники полиции рассказали учащимся образовательных учреждений о мошеннических схемах [Электронный ресурс]. URL: <https://46.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/49544300> (дата обращения 04.05.2024).

²⁵⁰ Региональное Отделение СФР призывает курян не поддаваться на уловки мошенников! [Электронный ресурс]. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/kursk/news/~2024/04/15/262732> (дата обращения 04.05.2024).

преступлений потенциальными и «реальными» профессиональными корыстными преступниками. Для совершенствования системы предупреждения профессиональной корыстной преступности предложено: модернизация института специального рецидива путем придания ему уголовно-правового значения (внесение изменений в ст. 18 УК РФ); уточнение понятийно-категориального аппарата, используемого в ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, предоставляющих возможность привлечения к уголовной ответственности профессиональных корыстных преступников, посредством официальных разъяснений высшей судебной инстанцией; ужесточение уголовной ответственности за совершение закреплённых в УК РФ деяний, обладающих большим потенциалом применения криминального профессионализма; запрет распространения ценностей и норм криминальной субкультуры (внесение изменений в КоАП РФ); разработка федеральной государственной программы ресоциализации жизни профессиональных преступников, отбывших наказание в виде лишения свободы, и постпенитенциарного контроля за ними (в соответствии с положениями Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ (с изм. и доп.) и коррелирующих подзаконных актов); создание для служебного пользования единой базы криминологического учёта профессиональных преступников России (автоматизированной информационной системы – АИС «Профессионал»); модернизация автоматизированных технических механизмов противодействия совершения посягательств на собственность; организация субъектами предупреждения профессиональной корыстной преступности соответствующей систематической профилактической работы с населением; воспитание в обществе негативного отношения к преступному поведению и общее укрепление духовного благосостояния в социуме. Однако представленный перечень предлагаемых к реализации мер не является исчерпывающим, поскольку профессиональная корыстная преступность представляет собой сложное криминальное явление, которое постоянно

видоизменяется и трансформируется в новые формы в зависимости от конкретных условий.

§2. Предупреждение корыстной профессиональной киберпреступности

Как уже отмечалось ранее, современное общество характеризуется не иначе как цифровое или информационное. Виртуальное пространство и «цифра» сегодня проникли во все сферы жизни. И именно в эту сферу сейчас переместились экономические отношения. Общеизвестно, что именно в безналичной форме в настоящее время, чаще всего, производятся расчёты по выплате заработной платы, оформляются покупки, совершаются операции на биржах и т.п. Электронная (цифровая) экономика сегодня стала объективной реальностью. Новые технологии, позволяющие всё больше и больше «виртуализировать», а вследствие этого и упростить экономические операции, развиваются самыми высокими темпами. Однако средства и методы обеспечения безопасности цифровой среды за этими темпами, явно, не успевают. В связи с этим в настоящее время у преступников появился новый объект для осуществления общественно опасных посягательств, а учитывая тот факт, что этот объект самым прямым образом связан с возможностью фактически безнаказанно быстро обогащаться ввиду недостаточной защищённости виртуального пространства, современные преступники в освоении цифровой среды заметно преуспели.

Киберпреступность сегодня является такой же разновидностью преступности, как и насильственная, коррупционная, экономическая и т.п. В широком смысле её также именуют «компьютерной» или «цифровой» преступностью, «преступностью в сфере компьютерной информации» или «интернет-преступностью». Под киберпреступностью следует подразумевать совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве, а также с помощью различных средств доступа к киберпространству, в рамках

компьютерных сетей или систем и против компьютерных сетей, систем, компьютерных данных²⁵¹. При этом в структуру «цифровой» преступности можно включать не только общественно опасные посягательства в сфере компьютерной информации, но и иные запрещённые деяния, совершенные с помощью информационно-телекоммуникационных и компьютерных технологий, сети Интернет. Кроме того, особо следует подчеркнуть, что киберпреступность имеет высокий уровень латентности. По данным экспертных оценок Европола, в настоящее время выявляется лишь 30% киберпреступлений²⁵², а по сведениям Судебного департамента о судимых лицах в РФ за 2010-2016 гг., в среднем, из числа выявленных киберпреступников лишь третья часть подвергалась осуждению²⁵³. Как видим, современная «цифровая» преступность, действительно, наносит значительный вред интересам личности, общества и государства.

Отдельный вопрос – развитие в настоящее время не просто киберпреступности, а профессиональной корыстной киберпреступности, как одной из разновидностей профессиональной преступной деятельности. Как уже отмечалось ранее, современные экономические отношения давно «перекочевали» в виртуальное пространство. Число пользователей сети Интернет в настоящее время насчитывает, по данным отдельных экспертных оценок, около 62,5% мирового населения или 4,95 млрд человек²⁵⁴ (и это число растёт ежегодно в геометрической прогрессии²⁵⁵). При этом использование виртуального пространства и цифровых технологий населением происходит не просто для удовлетворения духовных, а, в первую очередь, материальных потребностей. Так, например, населением активно используются различные цифровые банковские

²⁵¹ Журавленко Н. И., Шведова Л. Е. Проблемы борьбы с киберпреступностью и перспективные направления международного сотрудничества в этой сфере // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 66–70.

²⁵² Филимонов С. А. Проблемы борьбы с компьютерным мошенничеством как потенциальной угрозой информационному сообществу / С.А. Филимонов // Современное право. 2014. № 9. С. 123–127.

²⁵³ Лакомов А. С. Киберпреступность: современные тенденции // Академическая мысль. 2019. № 2 (7). С. 53–56.

²⁵⁴ Global Digital 2022: вышел ежегодный отчёт об интернете [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html> (дата обращения 09.02.2023).

²⁵⁵ Антонян Е. А., Бархатова Е. В. Противодействие киберпреступности // Евразийский Союз Ученых. 2019. №7-4 (64). С. 54–57.

сервисы (в 2018-2023 гг. в России число пользователей такими сервисами выросло с 34% в 2018 г. до 70% в 2023 г.). Кроме того, россияне в обозначенный период в 2,5 раза больше совершали различные операции через интернет-банкинг (17% в 2018 г. и 43% в 2023 г.²⁵⁶), а, по сообщению Сбербанка России, в среднем, в настоящее время граждане РФ с банковских карт проводят около 60% расходных операций именно в безналичной форме, где общий объём переводов денежных средств с карты на карту клиентами Сбербанка составляет более 10 трлн. рублей²⁵⁷.

Данные обстоятельства указывают на то, что у современных профессиональных корыстных преступников, действительно, появился весьма «привлекательный» объект для посягательств, новая сфера деятельности, в которой можно ввиду несовершенства мер защиты виртуального пространства чувствовать себя достаточно безопасно.

Современные исследователи справедливо отмечают, что киберпреступность в последнее время существенно трансформировалась, приобрела не только трансграничный, транснациональный, организованный, но и высоколатентный, «профессиональный», экономически направленный характер²⁵⁸. Некоторые учёные также подчёркивают, что в современности киберпреступность трансформировалась в «большой, широко разветвленный бизнес с доходами, сопоставимыми с доходами от наркоторговли»²⁵⁹.

В п. 14 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утверждённой указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646, также отмечается, что в настоящее время «возрастают масштабы компьютерной преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере <...>. При этом

²⁵⁶ Доля пользователей мобильным банком выросла до 70% [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/dolya-polzovateley-mobilnym-bankom-vyroslo-do-70/> (дата обращения 09.04.2024).

²⁵⁷ Панферчева В. Е. Особенности уголовной ответственности за хищения с банковской карты // Наука, общество, государство. Т. 7. № 1 (25). 2019. С. 80–85.

²⁵⁸ Сляров С. В., Евдокимов К. Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 2. С. 322–330.

²⁵⁹ Гундерич Г. А. Состояние киберпреступности // Научный вестник Крыма. 2018. № 4 (15). С. 11.

методы, способы и средства совершения таких преступлений становятся всё изощрённее». Состояние информационной безопасности страны, в свою очередь, характеризуется постоянным повышением сложности²⁶⁰, вследствие чего выделяется необходимость повышения эффективности реализации соответствующих профилактических мероприятий в сфере предупреждения профессиональной корыстной киберпреступности.

Также в связи с особо активным развитием киберпреступности в системе официального статистического учёта преступности с 2017 г. среди преступлений экономической направленности отдельно стали выделять преступления, совершённые с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий²⁶¹ (ранее при анализе данной разновидности преступной деятельности за истекший период выделялись только тяжкие и особо тяжкие преступления, преступления коррупционной направленности и преступные посягательства, связанные с нарушением авторских и смежных прав²⁶²).

Кроме того, в системе аналитического учёта РФ появились более подробные сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Данные показатели формируются в соответствии с Перечнем № 25, введенным в действие указанием Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ № 361/11/1 от 30 июня 2022 г.²⁶³

Представленные нововведения в области статистического учёта также свидетельствуют об активизации киберпреступников в России, а значит, и о необходимости усиления работы органов государственной власти в сфере

²⁶⁰ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждённая указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 [Электронный документ]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460/page/2> (дата обращения 07.02.2023).

²⁶¹ Состояние преступности в РФ за январь – декабрь 2017 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987> (дата обращения 07.02.2023).

²⁶² Состояние преступности в РФ за январь – декабрь 2016 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/9338947/> (дата обращения 07.02.2023).

²⁶³ Указание от 30 июня 2022 года о введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный ресурс]. URL: <https://ukrfkod.ru/zakonodatelstvo/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-36111-mvd-rossii-n-1/> (дата обращения 07.02.2023).

предупреждения деятельности профессиональных корыстных преступников, осуществляющих свою противоправную деятельность в виртуальном пространстве. Хотя справедливости ради, стоит отметить, что, действительно, релевантной статистики, отражающей реальную картину состояния профессиональной корыстной киберпреступности в настоящее время, ввиду высокой латентности указанной разновидности преступной деятельности, не существует, равно как и надежных методов сбора этих данных.

Характеризуя систему предупреждения профессиональной корыстной киберпреступности, отметим, что в качестве первоочередных мер борьбы с этим опасным криминальным явлением следует выделить именно *правовые меры*. Современное российское законодательство в настоящее время находится в поиске оптимальной модели предупреждения преступлений, совершаемых в цифровой среде. Нормы Главы 28 действующего УК РФ прямо нацелены на борьбу с преступлениями в сфере компьютерной информации. Закон под угрозой наказания запрещает неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей и другое (ст. 272-274.2 УК РФ). В некоторых других статьях УК РФ законодатель также предусмотрел в качестве либо самостоятельного состава, либо специального квалифицирующего признака совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Подчеркнём, что многие из этих норм прямо нацелены на борьбу с преступностью именно корыстной направленности, что устанавливает прямую связь профессиональной корыстной преступной деятельности с киберпреступностью. К таким нормам закона следует отнести п. «г» ч. 3 ст. 158 (Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств), ст. 159.3 (Мошенничество с использованием электронных средств платежа), ст. 159.6 (Мошенничество в сфере компьютерной информации), п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ (Сбыт

наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)) и некоторые другие.

При этом несмотря на активное совершенствование отечественного законодательства в сфере противодействия киберпреступности (в том числе и корыстной профессиональной) современный уголовный закон всё ещё отличается противоречивостью, например, в использовании в данной сфере понятийно-категориального аппарата. Отдельные трудности связаны с предусмотрением соизмеримой характеру и степени общественной опасности уголовной ответственности за совершение в киберпространстве преступлений корыстной направленности, которые обладают высоким потенциалом применения криминального профессионализма, и унификацией соответствующей правоприменительной практики по ним.

К таким противоречивым новеллам современного законодательства относят, например, ст. 159.3 (Мошенничество с использованием электронных средств платежа) и 159.6 УК РФ (Мошенничество в сфере компьютерной информации»).

Состав преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ предполагает привлечение к ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа. Данная статья была введена в действие Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ. Этим же законом в ч. 3 ст. 158 УК РФ был введён квалифицирующий признак, предусматривающий привлечение к ответственности за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г», ч.3, ст. 158 УК РФ)²⁶⁴. И первый, и второй составы преступлений направлены на борьбу с хищениями электронных средств платежа, обладающими высоким потенциалом применения криминального профессионализма. Особо подчеркнём, что данные составы имеют схожие

²⁶⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 23.04.2018 № 111-ФЗ (последняя редакция) [Электронный документ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296451/ (дата обращения 12.12.2024).

элементы, в связи с чем у правоприменителей на практике возникают сложности с квалификацией. Современные исследователи-правоведы справедливо подчёркивают, что грань между данными составами преступлениями бывает условной²⁶⁵, отмечая, что существующая судебно-следственная практика в рассматриваемом вопросе тоже вызывает дискуссии.

Например, длительное время спорным вопросом считалась квалификация хищений денежных средств с банковской карты с функцией бесконтактной оплаты посредством оплаты бесконтактным способом товаров и услуг без ввода пароля. По утверждению отдельных исследователей, в рассматриваемом случае имел место быть факт «пассивного» заблуждения работника торговой точки, вследствие чего спорной является квалификация преступления именно по п. «г» ч. 3 ст. 158, а не по ст. 159.3 УК РФ. Пример – дело гражданина В.А. Пономарева, осуждённого за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, за незаконное завладение чужой банковской картой и хищение с неё посредством оплаты бесконтактным способом по терминалу в магазине покупок на сумму более 6 тыс. рублей²⁶⁶.

Для разъяснения спорных вопросов было разработано Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6²⁶⁷, а после – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 н. № 22²⁶⁸, устанавливающие основания для квалификации подобных хищений банковских карт с целью

²⁶⁵ Савченко М. М. Квалификационные ошибки применения ст. 159.3 и п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса РФ // Право и практика. 2022. №3. С. 138–141.

²⁶⁶ Приговор Ш. районного суда (Республика Хакасия) от 23 марта 2021 г. по делу №1-33/2021 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wOexgfzcyIrl/> (дата обращения: 16.07.2023).

²⁶⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 N 12-УДП20-5-К6 [Электронный документ]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29092020-n-12-udp20-5-k6/> (дата обращения 13.02.2023).

²⁶⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 н. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» в части исключения из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388946/ (дата обращения 13.02.2023).

последующей бесконтактной оплаты собственных покупок по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Вместе с этим, определённые трудности при квалификации преступлений по данным составам, несмотря на разъяснения высших судебных инстанций, по-прежнему выделяются. Так, современные исследователи справедливо отмечают проблемы формирования у правоприменителей единого понимания признаков указанных составов преступлений²⁶⁹, превращения ст. 159.3 УК РФ в связи с отсутствием судебных решений в фактически «мертвую» норму²⁷⁰, сложности с реальным определением степени социального риска и общественной угрозы при совершении указанных деяний²⁷¹, а также некоторые иные проблемы.

Не менее спорными для правоприменителя являются положения ст. 159.6 УК РФ. Под мошенничеством в сфере компьютерной информации здесь понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Несмотря на, казалось бы, высокую степень общественной опасности, ввиду наличия особой криминальной квалификации и специализации у субъекта преступления, санкция у ч. 1 ст. 159.6 УК РФ ниже, чем у «традиционного» мошенничества ст. 159 УК РФ, вследствие чего возникает вопрос: почему квалифицированное мошенничество наказывается менее строго, чем «простое»? В то время как такое наказание как лишение свободы даже не «предлагается» за совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 159.6 УК РФ. Считаем, что несмотря на либерализацию уголовной политики, в соответствии с принципами индивидуальности и справедливости наказания, введение данной

²⁶⁹ Байбарин А. А., Садчикова Д. Н. Кража безналичных и электронных денег: об актуальных проблемах правоприменения // Вестник СурГУ. 2022. № 1 (35). С. 60–68.

²⁷⁰ Третьякова Е. И., Трубкина О. В. Правовые проблемы расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 7.

²⁷¹ Колосов Н. Ф., Глебов В. Г., Слеженков В. В., Крутойров А. А. Актуальные проблемы судопроизводства по уголовным делам о мошенничестве // МНИЖ. 2023. № 1 (127). С. 118.

меры государственного воздействия в действующей редакции также не вполне оправдано.

Не углубляясь в особенности квалификации отдельных составов преступлений корыстной направленности, обладающих высоким потенциалом применения криминального профессионализма, совершаемых в «цифровой» среде или с её помощью, отметим, что эти и многие иные трудности квалификации могут быть «сняты» в результате уточнения понятийно-категориального аппарата, используемого в рассматриваемых статьях УК РФ. Кроме того, разъяснения требуют отдельные элементы законодательных конструкций указанных составов преступлений с целью верного определения квалификационных признаков преступных посягательств, что может стать направлением новых исследований в данной сфере. И, наконец, в настоящее время чётко обнаруживается необходимость ужесточения наказаний за криминализованные деяния, совершаемые в цифровой сфере и обладающие высоким потенциалом применения криминального профессионализма, унификации соответствующей правоприменительной практики по ним, установления, действительно, соизмеримой характеру и степени общественной опасности уголовной ответственности за совершение данных деяний.

Также обращает на себя внимание тот факт, что многие противоправные деяния, совершаемые в цифровой среде, остаются вне поля зрения отечественного законодательства. Так, например, в виртуальной сети в настоящее время достаточно популярны бестоварные сделки. Однако за счёт того, что подобные сделки влекут наступление лишь гражданско-правовых последствий, лиц, «промышляющих» такими «хозяйственными» операциями, нельзя привлечь к уголовной ответственности. Притом, что множественные фиктивные сделки в виртуальном пространстве в реальности приносят правонарушителям постоянный и значительный доход, вследствие чего подобная деятельность может быть оценена, как профессиональная преступная. Другой пример – совершение преступлений корыстной направленности с использованием искусственного

интеллекта, нейронных сетей, что, по справедливому замечанию отдельных исследователей, вообще не регламентируется нормами отечественного уголовного законодательства²⁷². В связи с этим в настоящее время возникает объективная потребность криминализации новых деяний, совершаемых в цифровой среде, имеющих профессиональный характер и корыстную направленность и представляющих реальную опасность для общества и государства.

Однако, справедливости ради, отметим, что обозначенный комплекс правовых мер не в состоянии решить проблему предупреждения профессиональной корыстной киберпреступности, учитывая её особую характеристику – трансграничность.

Общеизвестно, что сфера действия уголовно-правовых норм, как правило, ограничена территорией собственного государства. В соответствии со ст.11-12 УК РФ действие отечественного уголовного закона распространяется на пределы РФ, территориальное море, воздушное пространство РФ, континентальный шельф, исключительную экономическую зону, российские суда и т.д. При этом виртуальное пространство существует вне государственных границ. Технологические возможности информационно-телекоммуникационных сетей практически ничем не ограничены. Некоторые из них (например, технологии децентрализованных сетей обмена информацией и средств хранения «облачных» вычислений) существенно затрудняют возможности определения реального местонахождения конкретного компьютера, ноутбука, иного устройства, являющегося орудием совершения преступления. Так, совершать преступления в сети Интернет (в том числе на профессиональной основе) можно, находясь далеко от жертвы – в другом городе, государстве или даже на другом континенте, и при этом оставаться «незамеченным».

²⁷² Ерахтина Е. А., Тирранен В. А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 36–41.

Однако даже в случае обнаружения «цифрового следа» с правовой точки зрения экстерриториально получить данные о преступнике затруднительно. Расследуя трансграничные киберпреступления, необходимо соблюдать законодательство другого государства (где физически находится преступник), а также основные права и свободы человека и гражданина, охраняемые нормами международного права, в том числе право на неприкосновенность частной жизни. Это ещё больше затрудняет расследование подобных преступлений сотрудниками правоохранительных органов. Кроме того, в некоторых государствах киберпреступления и вовсе являются не наказуемыми, что ещё больше расширяет «горизонты» для деятельности «цифровых» преступников и особо профессиональной преступной деятельности.

Всё это в совокупности позволяет профессиональным корыстным киберпреступникам обладать высокой степенью неуязвимости к уголовному преследованию, что создаёт крайне «благоприятные» условия для развития криминального профессионализма данной «категории» лиц.

Как видим, правовые меры предупреждения указанной разновидности преступной деятельности отчасти «бессильны» перед трансграничностью. А учитывая то, что даже в пределах отдельно взятого государства данные меры противодействия на сегодняшний день недостаточно эффективны, существование киберпространства вне государственных границ в условиях отсутствия единого международного законодательного механизма сдерживания киберпреступности, априори делает разрабатываемые правовые меры предупреждения мало результативными.

Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что попытки создания единого международного соглашения по противодействию компьютерной преступности в мировом масштабе предпринимались (пример – Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 от 23 ноября 2001 г.²⁷³ (Будапешт));

²⁷³ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) [Электронный документ]. URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения 10.02.2023).

Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 г. (Шанхай)²⁷⁴). Однако данные нормативно-правовые акты ратифицировали только некоторые государства, вследствие чего единый правовой механизм сдерживания развития киберпреступности в целом и профессиональной корыстной киберпреступности, в частности, в мировом сообществе, по-прежнему, отсутствует.

Между тем, для комплексного решения проблем предупреждения профессиональной корыстной киберпреступности как в мире, так и в России, основываясь на анализе наиболее характерных проблем в данной сфере, находим важным согласование национально-правовых систем по ряду вопросов: выработки единых международных стандартов криминализации корыстных киберпреступлений, обладающих большим потенциалом применения криминального профессионализма; определения территориальной подсудности таких преступных посягательств в случае признания обвиняемыми по данным составам преступлений иностранных граждан; уточнения особенностей производства расследований, осуществления следственных действий, криминалистических экспертиз на территориях других государств при совершении профессиональных корыстных киберпреступлений, имеющих признаки трансграничности.

Кроме того, для преодоления проблемы трансграничности преступной деятельности корыстных профессионалов-киберпреступников (вне правового поля) в условиях всеобщей цифровизации, виртуализации экономических отношений, а также высокого уровня анонимности совершения таких преступлений²⁷⁵ укажем на необходимость создания для служебного пользования правоохранительными органами в рамках международного сотрудничества

²⁷⁴ Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [Электронный документ]. URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=28340> (дата обращения 10.02.2023).

²⁷⁵ Третьякова Е. И., Трубкина О. В. Правовые проблемы расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 7.

единой информационной базы с персональными данными пользователей сотовой связи, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Отметим, что это необходимо для оперативного фиксирования «цифровых следов» преступлений, имеющих признаки корыстной профессиональной преступной деятельности и трансграничности, которые в настоящее время, по справедливому замечанию отдельных исследователей, системно не сохраняются²⁷⁶. Это позволит своевременно обнаружить и идентифицировать профессиональных корыстных киберпреступников, тем самым, пресечь их общественно опасную деятельность, осуществляемую на систематической основе. Считаем, что это поможет не только технологически снять определённые трудности в процессе расследования киберпреступлений, совершаемых «профессионалами», но и снизить криминогенные риски в данной сфере в целом.

Как видим, меры предупреждения профессиональной корыстной киберпреступности требуют консолидации усилий всего мирового сообщества, а не только отдельно взятых государств, поскольку именно эта разновидность преступной деятельности отличается доминирующей трансграничностью, сопряжённой с высокой степенью общественной опасности данного вида преступности и значительным уровнем криминального профессионализма при совершении киберпреступлений.

Помимо прочего, одним из эффективных способов предупреждения профессиональной корыстной киберпреступности (уже на национальном уровне) являются *организационно-управленческие меры*, а именно – совершенствование некоторых функций, задач, методов работы сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих противодействие деятельности не только «традиционных» преступников, но и корыстных преступников-профессионалов, в том числе «промышляющих» в цифровом пространстве.

²⁷⁶ Бирюкова Ю. В. Проблемы, возникающие при расследовании хищений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 137–142.

В связи с высоким темпом развития новых компьютерных технологий, информационно-коммуникативных сетей, в том числе сети Интернет, сегодня возникает объективная потребность в совершенствовании умений и навыков следователей и дознавателей по киберпреступлениям, судебных экспертов по «цифровым» доказательствам и иных должностных лиц, занимающихся расследованием преступлений, совершаемых в виртуальной сфере. При этом в данном случае сотрудники правоохранительных органов должны учитывать все «новшества» «цифрового» мира, на что справедливо указывают как сами правоохранители²⁷⁷, так и учёные²⁷⁸.

С одной стороны, современные высшие учебные заведения занимаются подготовкой, действительно, высококвалифицированных сотрудников правоохранительных органов в сфере обеспечения кибербезопасности. Так, например, в ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» в настоящее время осуществляют подготовку специалистов по направлениям – информационная безопасность автоматизированных систем (специализация – создание автоматизированных систем в защищенном исполнении), безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере (специализация – информационно-аналитическое обеспечение правоохранительной деятельности, узкая специализация – оперативно-техническое обеспечение раскрытия и расследования киберпреступлений), безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере (специализация – компьютерная экспертиза при расследовании преступлений) и т.п.²⁷⁹ В ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

²⁷⁷ Международная конференция «AntiFraud Russia – 2013» успешно завершила свою работу [Электронный ресурс]. URL: http://club.cnews.ru/blogs/entry/mezhdunarodnaya_konferentsiya_antifraud_russia_ (дата обращения 12.02.2023).

²⁷⁸ Стоянов Р. В. Компьютерный фишинг – судебный приговор // Право и кибербезопасность. 2012. № 1. С. 20.

²⁷⁹ ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--11aeji.xn--b1aew.xn--plai/sveden/common> (дата обращения 15.02.2023).

осуществляется подготовка специалистов по направлениям: безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере (технологии защиты информации в правоохранительной сфере), безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере (компьютерная экспертиза)²⁸⁰. Во время обучения на данных направлениях подготовки изучаются специальные учебные дисциплины, позволяющие выработать необходимые умения и навыки по борьбе с киберпреступностью (в том числе и профессиональной). Курсанты и слушатели регулярно проходят практику в ведущих организациях, занимающихся противодействием компьютерной преступности, что позволяет обеспечить надёжную подготовку будущих специалистов правоохранительной деятельности.

Однако, с другой стороны, деятельность ведомственных учебных заведений не в состоянии в полной мере удовлетворить потребности современной системы правоохранительных органов, вследствие чего сегодня наблюдается «кадровый голод» специалистов в данной сфере. Как справедливо отмечают отдельные учёные, в настоящее время в системе организации системы предупреждения преступлений, совершаемых в цифровой среде, возникают существенные проблемы, связанные с повышением уровня образованности сотрудников, занимающихся противодействием этой разновидности преступной деятельности, необходимостью внедрения и расширения новых видов экспертных заключений, классификационных характеристик, а также криминалистических экспертиз в отношении компьютерных преступлений²⁸¹. По справедливому замечанию других исследователей, сегодня недостаточно просто подготовить правоохранителя для борьбы с киберпреступностью. Для расследования компьютерных преступлений нужен специалист, обладающий знаниями на стыке многих областей профессиональной деятельности и научных знаний: информатика и

²⁸⁰ ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1agajc0ayikbb.xn--b1aew.xn--p1ai/folder/19377678> (дата обращения 15.02.2023).

²⁸¹ Куликов Ю. Г., Медведев С. С. Криминологические проблемы борьбы с киберпреступностью // Отечественная юриспруденция. 2019. № 3 (35). С. 17–19.

вычислительная техника, информационная безопасность и юриспруденция²⁸², и осознающий, что киберпреступность – это быстро развивающийся наукоемкий вид преступности, который наносит существенный экономический ущерб обществу и государству²⁸³. Вследствие этого можно заключить, что проблема подготовки специалистов в сфере противодействия активно развивающейся киберпреступности в настоящее время объективно существует.

Отдельно подчеркнём, что сегодня наблюдается слабое взаимодействие правоохранительных органов с провайдерами, операторами сотовой связи и другими организациями, деятельность которых связана с обеспечением процесса осуществления дистанционным способом транзакций денежных средств. Как показывает практика, информационный обмен между правоохранителями и сторонними организациями, по справедливому утверждению экспертов, недостаточный, что в значительной степени затрудняет своевременное получение необходимых для раскрытия преступлений сведений²⁸⁴. Всё это также актуализирует необходимость изменения некоторых функций, задач, методов работы сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих предупреждение указанной разновидности преступности.

Для решения указанных проблем считаем необходимым в соответствии с новыми запросами времени выстраивание деятельности правоохранительных органов, занимающихся обнаружением и расследованием компьютерных преступлений, совершаемых «профессионалами», на основе меж- и внутриведомственного сотрудничества с компетентными специалистами из соответствующих областей цифровых знаний и технологий, а также общее

²⁸² Чукова Д. И., Медведев Д. А., Литвиненко М. В. Модель формирования компетенций специалиста в сфере расследования компьютерных преступлений // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 3 (31). С. 57–62.

²⁸³ Мещерякова Е. И., Панферкина И. С. Развитие инновационной культуры курсантов как основа формирования готовности к противодействию киберпреступности // Вестник УЮИ. 2020. № 3 (89). С. 191–198.

²⁸⁴ Бирюкова Ю. В. Проблемы, возникающие при расследовании хищений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 137–142.

улучшение качества межведомственного взаимодействия субъектов противодействия корыстной профессиональной киберпреступности. Полагаем, только такое тесное сотрудничество специалистов из разных сфер на фоне всеобщей стремительной цифровизации экономических отношений позволит более эффективно внедрять в работу правоохранителей новые информационные технологии, повысить квалификационный уровень сотрудников, а также значительно оптимизировать процесс расследования киберпреступлений и пресечения деятельности «цифровых» корыстных профессиональных преступников.

Кроме того, укажем на положительный опыт деятельности специального Управления по организации противодействия противоправным использованиям информационно-коммуникационных технологий МВД РФ (Управления «К»), созданного в структуре Министерства внутренних дел России в сентябре 2022 г. В основные задачи Управления «К» входит организация выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия преступлений, которые совершаются с использованием информационно-коммуникационных технологий, анализ криминалистически значимой для предупреждения таких преступлений информации, обеспечение взаимодействия с другими органами власти России и некоторые другие направления работы²⁸⁵. Также укажем, что данное ведомство имеет множество территориальных подразделений (например, в УБК ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области), вследствие чего противодействие противоправным использованиям информационно-коммуникационных технологий в стране, в целом, обеспечивается на должном уровне²⁸⁶.

²⁸⁵ Положение об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/mvd/structure1/Upravlenija/> (дата обращения 28.04.2024).

²⁸⁶ Управление по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://otdel-k.spb.ru/> (дата обращения 28.04.2024).

Однако, как уже неоднократно указывалось ранее, современная киберпреступность активно видоизменяется и часть её постепенно «перерастает» в профессиональную корыстную киберпреступность, представляющую реальную угрозу национальной безопасности государства. В связи с этим считаем, что структура Управления «К» с её территориальными подразделениями требует дальнейшей модернизации.

Для снижения роста профессиональной корыстной киберпреступности предлагаем создать в Управлении «К» отдел по борьбе с профессиональными корыстными киберпреступниками (далее – отдел) с выделением соответствующих территориальных подразделений.

К основным задачам отдела по борьбе с профессиональными корыстными киберпреступниками отнесём решение следующих вопросов: обеспечение международного сотрудничества по вопросам противодействия профессиональной корыстной киберпреступности; совершенствование нормативно-правового регулирования противодействия деятельности профессиональных корыстных киберпреступников; организация предупреждения, пресечения, выявления и раскрытия преступлений, совершаемых корыстными преступниками-профессионалами в сфере (с использованием) информационно-коммуникационных технологий; систематизация криминалистически значимой информации по вопросам деятельности отдела; координация деятельности подразделений отдела и территориальных органов МВД России по вопросам деятельности отдела; организационно-методическое обеспечение деятельности подразделений отдела и территориальных органов МВД России, их структурных подразделений.

Особое внимание также необходимо уделять *техническим мерам предупреждения* профессиональной корыстной киберпреступности, а именно – системам технической защиты средств передачи информации соответствующих баз данных, позволяющих злоумышленникам получить доступ к безналичным денежным средствам физических и юридических лиц.

Как справедливо отмечают исследователи, современные меры технической поддержки осуществления безопасности платежных услуг играют большую роль в деле предупреждения киберпреступности (в том числе и профессиональной)²⁸⁷, а улучшение качества осуществления дистанционных расчетов и внедрение современных и более прогрессивных форм платежных инструментов²⁸⁸, новаций на основе электронных технологий и реинжиниринга системы безналичных расчетов²⁸⁹ является важнейшей задачей всех субъектов данной системы правоотношений, поскольку именно с техническими средствами защиты преступники неизбежно сталкиваются при попытке проведения незаконных транзакций безналичных денежных средств и совершении иных преступных посягательств на расчётные счета граждан.

С целью противодействия таким преступным посягательствам банковские организации, например, фиксируют в договорах с клиентами требования по обязательному применению антивирусных средств защиты при использовании ими компьютера или различных гаджетов в условиях работы с системами дистанционного банковского обслуживания. Меры технической поддержки постоянно модернизируются в поисках совершенства, однако вследствие того, что профессиональные корыстные киберпреступники также регулярно повышают своё криминальное «мастерство», средства и приёмы совершения киберпреступлений, полагаем, что эта сфера предупреждения тоже требует постоянной модернизации и «осовременивания».

В связи с этим считаем необходимым усилить техническую защиту системы передачи информации и соответствующих баз данных, позволяющих получить доступ к безналичным денежным средствам, от несанкционированного доступа лиц, осуществляющих совершение преступлений в «цифровом» пространстве на

²⁸⁷ Байдукова Н. В., Орлова Н. С. Розничные клиенты на рынке платежных услуг: проблемы и безопасность клиентов // Известия СПбГЭУ. 2014. № 2 (86). С. 31–41.

²⁸⁸ Кравченко Л. Н., Ходоренко Е. О. Современное состояние и совершенствование системы безналичных расчетов в России // Вестник БГТУ имени В. Г. Шухова. 2017. №8. С. 233–239.

²⁸⁹ Разакова Ф. М., Асельдерова У. С. Платежная система: определение, структура, принципы организации // Наука и современность. 2013. №25-2. С. 137–142.

профессиональной основе. Полагаем, это позволит на техническом автоматизированном уровне сдержать рост криминального профессионализма в киберсреде и противодействовать «цифровым» преступникам-профессионалам.

Ещё одним важным направлением работы в сфере предупреждения профессиональной корыстной киберпреступности является совершенствование *виктимологической профилактики* в отношении граждан, находящихся в группе риска и наиболее подверженных преступным посягательствам киберпреступников, осуществляемых на постоянной основе, а равно общее повышение уровня цифровой грамотности населения. Считаем необходимым указать, что в зоне риска в данном случае находятся социально незащищённые лица, например, пожилые люди, которые в силу возраста и своего социального положения, как правило, имеют некоторые сбережения, хранят их в банке, но ввиду низкого уровня цифровой грамотности и высокой степени доверчивости, по справедливому замечанию А. В. Сычёвой, чаще других «попадают» на уловки профессиональных злоумышленников, а именно – профессиональных «цифровых» мошенников, осуществляющих преступное воздействие на жертв преступления посредством дистанционных технологий (чаще всего, через сотовую связь)²⁹⁰. Это обуславливает необходимость ведения в отношении пожилых граждан особо активной профилактической работы, позволяющей обезопасить эту незащищённую социальную группу населения от посягательств профессиональных корыстных киберпреступников.

При этом данная работа в настоящее время уже активно ведётся разными субъектами предупреждения. Например, одним из направлений работы Министерства внутренних дел России является регулярное правовое информирование граждан об ответственности за противоправное поведение, в числе которых разработка памяток с последующим доведением информации до граждан: «Управление “К” предупреждает», «Владельцам пластиковых

²⁹⁰ Сычева А. В. Некоторые вопросы криминалистической характеристики «дистанционных» мошенничеств, совершенных в отношении пожилых людей // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. №1 (60). С. 135–140.

банковских карт», «Не дай себя обмануть», «Памятка для пожилых граждан» и т.д.²⁹¹ В качестве позитивного опыта проведения виктимологической профилактики также можно привести практику размещения в подъездах многоквартирных домов г. Москвы информации о новых способах совершения киберпреступлений, а в общественном транспорте – о криминогенной обстановке в городе. Кроме того, можно отметить положительный опыт размещения информации о мерах предосторожности по защите банковских карт в онлайн-приложениях различных банков, защищающих от посягательств на безналичные денежные средства преступников-профессионалов и другое²⁹².

В связи с этим отметим, что реализация подобных мероприятий отвечает целям предупреждения не только преступности, в целом, но и отдельным её разновидностям, в частности, преступлениям, совершаемым профессиональными корыстными «цифровым» преступникам. При этом ещё раз подчеркнём, что особо важно в настоящее время не только общее повышение уровня цифровой грамотности всего населения, но и совершенствование виктимологической профилактики в отношении граждан, находящихся в группе риска, наиболее подверженных преступным посягательствам киберпреступников, осуществляемых на постоянной основе.

Таким образом, анализ криминологического состояния профессиональной корыстной киберпреступности, существующих практик противодействия этой разновидности преступной деятельности, приводит к пониманию необходимости разработки качественно новой системы предупреждения таких общественно опасных посягательств. Учитывая трансграничность данной разновидности преступной деятельности, представлена система соответствующих предупредительных мер на двух уровнях: международном и национальном.

На международном уровне:

²⁹¹ Памятки для граждан [Электронный ресурс] URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/booklets> (дата обращения 04.05.2024).

²⁹² Антонян Е.А., Клещина Е.Н. Киберпреступность на современном этапе: тенденции и направления противодействия // Вестник экономической безопасности. 2022. №5. С. 11-15.

согласование национально-правовых систем в вопросах а) выработки единых международных стандартов криминализации корыстных киберпреступлений, обладающих большим потенциалом применения криминального профессионализма; б) территориальной подсудности таких преступных посягательств в случае признания обвиняемыми по данным составам преступлений иностранных граждан; в) проведения расследования, осуществления следственных действий, криминалистических экспертиз на территориях других государств при совершении «профессионалом» корыстного киберпреступления, имеющего признаки трансграничности;

создание в рамках международного сотрудничества единой информационной базы с персональными данными пользователей сотовой связи, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с целью эффективного обмена информацией между интернет-провайдерами, операторами сотовой связи и правоохранительными органами для оперативного фиксирования «цифровых следов» преступлений, обнаружения и идентификации профессиональных корыстных киберпреступников и пресечения их общественно опасной деятельности в условиях трансграничности рассматриваемого вида преступности.

На национальном уровне:

совершенствование отечественного законодательства посредством ужесточения наказаний за криминализованные корыстные деяния, совершаемые в цифровой сфере и обладающие высоким потенциалом применения криминального профессионализма, унификация соответствующей правоприменительной практики по ним;

криминализация новых корыстных деяний, совершаемых в киберпространстве, имеющих профессиональный характер и представляющих опасность для общества и государства;

создание в специальном подразделении МВД России по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий – Управлении «К» – отдела по борьбе с профессиональными

корыстными киберпреступниками и соответствующих территориальных подразделений;

улучшение качества межведомственного взаимодействия субъектов противодействия профессиональной киберпреступности, в том числе посредством выстраивания сотрудничества правоохранительных органов с компетентными специалистами из соответствующих областей цифровых знаний и технологий;

усиление технической защиты системы передачи информации и соответствующих баз данных, позволяющих получить доступ к безналичным денежным средствам, от несанкционированного доступа лиц, осуществляющих совершение корыстных преступлений в «цифровом» пространстве на профессиональной основе;

повышение уровня цифровой грамотности населения и совершенствование виктимологической профилактики в отношении граждан, находящихся в группе риска.

§3. Криминологическое прогнозирование корыстной профессиональной преступности

Прогнозирование сегодня занимает важнейшее место в системе криминологического знания. Оно обладает значительной методологической базой, включающей в себя диалектический метод познания, а также многочисленные общенаучные и частнонаучные методы, среди которых особо выделяется метод математического моделирования в криминологии. Математическое моделирование в криминологии применяется для прогноза развития того или иного вида преступности. Оно представляет собой комплексную разработку математических формул, описывающих влияние различных факторов на движение преступности в заданных условиях. Математическое моделирование позволяет определить наиболее значимые факторы и отвлечься от несущественных свойств прогнозируемого объекта.

Однако несмотря на разработанность методологических установок и научного инструментария криминологии, в целом, специальное прогнозирование и планирование в предупреждении отдельных разновидностей преступности, в том числе профессиональной корыстной преступности затруднено. И обусловлено это рядом факторов.

В первую очередь, отметим, что сегодня преступники-профессионалы владеют такими криминальными умениями, навыками, которые позволяют им вообще не попадать «за решётку», что создаёт трудности в определении количественных характеристик развития профессиональной корыстной преступности. Общеизвестно, что многие преступники-профессионалы имеют не одну, а сразу несколько специализаций. Как справедливо замечал А. И. Гуров, тип профессионального преступника-универсала начал формироваться в России ещё в 1990-х гг.²⁹³ Кроме того, в настоящее время криминальные умения и навыки у преступников-профессионалов достигли достаточно высокого уровня развития. Современные профессиональные преступники как никогда «конкурируют» в своём «мастерстве» с сотрудниками правоохранительных органов, занимающимися противодействием профессиональной корыстной преступной деятельности. Общеизвестно, что методы предупреждения преступности сегодня значительно усовершенствовались. Как следствие, в настоящее время сложилась негативная зависимость: чем выше профессионализм правоохранителей, тем выше и криминальная квалификация преступников, позволяющая «профессионалам» скрыться от уголовного преследования (как в ситуации с созданием компьютерных вирусов и антивирусных систем), вследствие чего в отношении профессиональной корыстной преступности определяется высокий уровень латентности, значительно затрудняющий процесс криминологического прогнозирования и планирования.

²⁹³ Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Электронный документ]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/10.htm> (дата обращения 07.03.2022).

Отметим, что, согласно данным экспертных оценок, среди латентных преступников обнаруживается значительное число именно преступников-профессионалов и рецидивистов, совершающих ежегодно не одно, а несколько преступлений²⁹⁴. Ю. М. Антонян также справедливо подчёркивает, что современная профессиональная корыстная преступность растёт в силу безнаказанности, отмечая её высокий уровень латентности²⁹⁵. А. А. Забелич, развивая данную мысль, указывает, что из-за высокого уровня латентности указанных преступлений сегодня затруднено установление виновных и привлечение их к уголовной ответственности²⁹⁶. Это даёт основание заключить, что выводы относительно тенденций развития указанной разновидности преступной деятельности в будущем, ввиду определённых погрешностей в количественном измерении и невозможности достоверного определения реального уровня профессиональной корыстной преступности отчасти субъективны, в связи с чем возможны неточности в криминологическом прогнозировании.

Другая опасность прогнозирования и планирования связана с тем, что современный криминальный мир больше «не живёт» по строгим «внутренним законам», которые в недавнем прошлом были хоть довольно жёсткими, но отлично известными правоохранительным органам. В настоящее время даже «воры в законе» – преступная «элита» – придерживаются лишь некоторых, принятых в преступном мире правил поведения, а бороться с разорганизованной системой, живущей по «неведомым» им самим принципам, и, тем более, прогнозировать развитие этой системы крайне проблематично. В подтверждении этому заметим, что современные «воры в законе» могут купить себе это «звание» за деньги, хотя ранее этот статус в криминальной среде необходимо было «заслужить». В качестве примера можно привести беспрецедентный случай

²⁹⁴ Иншаков С. М. Исследование криминальной латентности и парадоксы социального отрицания преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2008. № 4. С. 5–10.

²⁹⁵ Антонян Ю. М. Что такое преступность // Пенитенциарная наука. 2019. № 4. С. 461–467.

²⁹⁶ Забелич А. А. Криминологические и правовые аспекты понятия рецидивной и профессиональной преступности // Вестник Кузбасского института. 2013. № 1 (14). С. 50–55.

массового «коронования» в Москве за соответствующую плату сразу 10 «воров», произошедший на «сходке» «воров в законе» в 6 ноября 2008 г. под руководством преступного авторитета по кличке «дед Хасан». Также современные «воры в законе» всё чаще используют «воровской общак» в личных целях, взаимодействуют с сотрудниками правоохранительных органов и имеют семьи²⁹⁷, хотя в прошлом за такое поведение «вора» могли не просто «раскороновать», но и убить. Кроме того, заметим, в прошлом, когда преступный мир «профессионалов» существовал по своим собственным законам, хорошо известным сотрудникам правоохранительных органов, сами правоохранители умело использовали для достижения цели противодействия преступникам-профессионалам их собственные принципы и правила поведения. Например, излюбленным приёмом сотрудников исправительных учреждений в 1940-х гг. было так называемое «трюмление» (доведение «вора в законе» до отказа от своих преступных идей насильственным способом). Этому добивались, заставляя «вора» выполнять какие-либо действия, запрещённые их криминальным «законом». Сотрудники исправительных учреждений «мягко» просили того или иного представителя криминальной «элиты», к примеру, вскопать запретную зону или помыть полы, за что «коллеги» изгоняли «вора» из высшего круга²⁹⁸. Так, у правоохранителей существовал ещё один эффективный «рычаг воздействия» на представителей высшего криминального круга, который сегодня отсутствует.

Вследствие этого можно констатировать, что некогда монолитная структура профессиональной корыстной преступности, живущая по строгим «законам» высшего криминалитета, в настоящее время постепенно превращается в некое аморфное образование, активно «подстраивающееся» под внешние изменения, что несколько затрудняет процесс предупреждения профессиональной корыстной преступности, а также криминологического прогнозирования её развития. Тем не

²⁹⁷ Морозов А. С., Бабкина Е. В. Развитие норм криминальной субкультуры в России с начала XX века по настоящее время // Вестник Кузбасского института. 2022. № 2 (51). С. 73–89.

²⁹⁸ Клейменов М. П., Корнеев Д. В. Криминальные лидеры вчера и сегодня // Вестник ОмГУ. 2012. № 3 (65). С. 404–414.

менее, имеющиеся данные судебной практики и современные методы криминологического исследования позволяют прийти к отдельным выводам и дать прогноз динамики профессиональной корыстной преступности на ближайшую перспективу.

Первоначально определим, что именно в современности наблюдается заметное усиление корыстной мотивации в совершении преступлений «профессионалами». Как уже указывалось ранее, сегодня преобладают преступники-профессионалы, так называемого, корыстного типа. Согласно статистическим исследованиям, установлено, что сегодня 78% преступников-профессионалов относятся именно к корыстному типу преступников, а 22% – к корыстно-насильственному типу²⁹⁹. В продолжение укажем, что с недавнего времени профессиональные преступники активно превращают ранее не корыстно направленные преступления в криминальное «ремесло». Яркий пример – промысел киллеров, которые в современной России обладают высокой квалификацией, хорошо готовятся к совершению преступлений и «зарабатывают» на этом неплохие средства. Ю. М. Антонян справедливо использует для обозначения данной категории преступников термин «профессиональные убийцы», которые сделали убийство по найму своей «профессией»³⁰⁰. Одно из недавних резонансных событий – заказное убийство заместителя начальника отдела по мобилизационной работе г. Краснодара Станислава Ржицкого, произошедшее 10 июля 2023 г.³⁰¹, совершённое настоящим профессиональным киллером (по-видимому, за большое «вознаграждение»). Так, в структуру профессиональной преступности «проникло» наёмничество, как одна из форм заработка. На особую корыстную направленность современной профессиональной преступности также указывает описываемая ранее заметная

²⁹⁹ Судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 30.01.2025).

³⁰⁰ Антонян Ю. М. Наемные убийцы как особо опасные преступники // Человек: преступление и наказание. 2010. № 2. С.82–86.

³⁰¹ Раскрыты подробности убийства бывшего командира подлодки «Краснодар» [Электронный документ]. URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/10/krasnodar/> (дата обращения 12.07.2023).

универсализация преступных умений и навыков, занятие преступниками сразу несколькими видами криминальной деятельности, освоением ими наиболее «прибыльных» преступных специализаций (например, кибермошенничеством) и другое.

Давая прогноз развития корыстной мотивации в промысле преступников-профессионалов, проведём результаты математического моделирования в криминологии. Математическое моделирование факторов, характеризующих текущее и прогнозируемое состояние профессиональной корыстной преступности производили методом крутого восхождения (Бокса-Уилсона), позволяющим на основании имеющихся статистических данных, построить прогнозные математические зависимости, характеризующие развитие профессиональной корыстной преступности.

В целях сокращения числа исследуемых преступлений, совершенных преступниками-профессионалами, математическое моделирование проводили постановкой дробного факторного эксперимента (далее – ДФЭ). ДФЭ позволяет значительно уменьшить количество исследуемых фактов (в данном случае – уголовных дел) и при этом получить уравнения, позволяющие производить адекватные прогнозирование и оценку полученных результатов. В качестве исходных данных использовались уголовные дела, находящиеся в производстве подразделений дознания и следствия УМВД России и имеющие признаки применения криминального профессионализма. Количественные «измерения» производились за аналогичные периоды с 2019 по 2024 гг. Для построения уравнения регрессии использовался метод крутого восхождения. Для математического описания процесса прогнозирования развития корыстной мотивации в промысле преступников-профессионалов была использована модель первого порядка, представленная в следующем виде:

$$\hat{y} = b_0 + b_1X_1 + b_2X_2 + b_{12}X_1X_2, \quad (1)$$

где X_1 – преступления корыстной направленности, совершенные преступниками-профессионалами; X_2 – преступления корыстно-насильственной

направленности, совершенные преступниками-профессионалами; y – исследуемая величина (значение профессиональной преступности в усл. ед.).

На основании исследуемых данных была составлена матрица планирования эксперимента (Таблица 1).

Таблица 1 – Матрица планирования эксперимента № 1

№	X_1	X_2	X_1X_2	y_1	\bar{y}_i	$S_{\text{воспр}_i}^2$
1	-	-	+	29,3	28	1,33
2	+	-	-	47,4	46	1,08
3	-	+	-	36,6	37	0,49
4	+	+	+	96,4	95	0,73
5	-	-	+	15,3	15	0,03
6	+	-	-	74,6	75	1,71
7	-	+	-	42,8	41	1,83
8	+	+	+	86,1	87	2,51

Рассчитываем коэффициенты уравнения:

$$b_i = \frac{1}{N} \sum_1^N X_{in} \bar{y}_i, \quad b_0 = \frac{1}{N} \sum_1^N \bar{y}_i, \quad b_{ij} = \frac{1}{N} \sum_1^N X_{in} X_{jn} \bar{y}_i \quad (2)$$

После расчета всех коэффициентов уравнение (1) принимает вид:

$$\hat{y} = 8,71 + 0,3214X_1 + 0,0123X_2 + 0,098X_1X_2, \quad (3)$$

Полученное уравнение проверялось на адекватность по критерию Фишера. Данная проверка проводится с целью доказательства пригодности уравнения регрессии для описания исследуемых зависимостей с заданной точностью. Для этого оцениваем отклонения вычисленных по уравнениям регрессии значений функции оптимизации \hat{y} от фактически установленных \bar{y} . В рассматриваемом примере значение $F_{\text{расч}}$ составило 0,552, что меньше табличного значения 4,49,

следовательно, полученное уравнение можно считать адекватным. На основании полученной математической зависимости был построен прогнозный график изменения (до 2030 г.) числа преступлений, совершённых «профессионалами» корыстного и корыстно-насильственного типа.

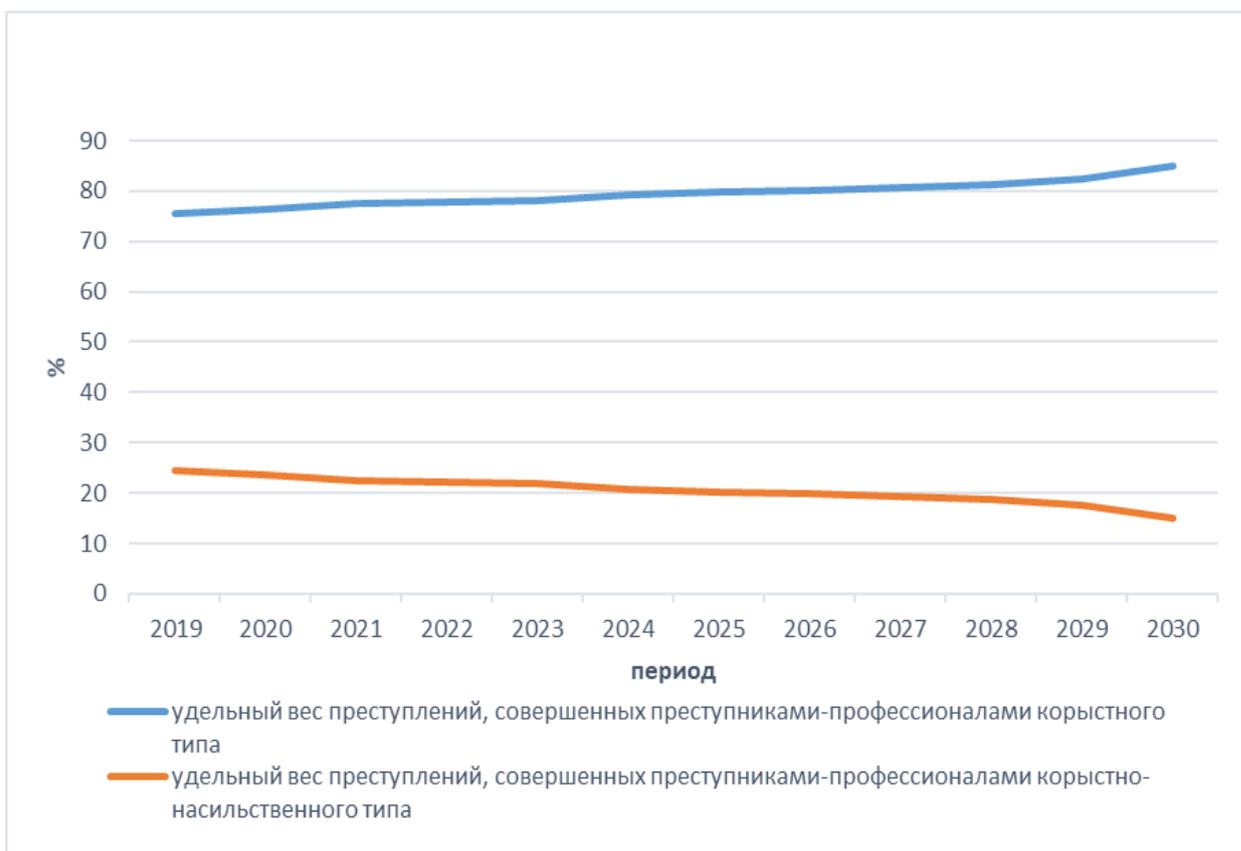

Рисунок 14 – Прогноз развития преступной деятельности «профессионалов» в России в зависимости от мотивации (до 2030 г.)³⁰²

На основании анализа результатов графического представления итогов математического моделирования видно, что к 2030 г. значение преступлений корыстной направленности, совершённых преступниками-профессионалами, вырастет, а корыстно-насильственной – сократится (корыстной – с 70,2% в 2024 г. до 84,9% в 2030 г., корыстно-насильственной – с 29,8% в 2024 г. до 15,1% в 2030 г.). Представленные расчёты подтверждают выдвинутое ранее положение о

³⁰² Состояние преступности в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения 20.01.2025).

формировании устойчивой тенденции увеличения доли преступников-профессионалов корыстного типа.

Далее, определяя современные тенденции развития профессиональной корыстной преступности, определим, что со временем её структура (по видам и способам осуществления общественно опасной деятельности) будет заметно трансформироваться, а деятельность преступников-профессионалов активнее перемещаться в киберпространство³⁰³. Общеизвестно, что современные профессиональные корыстные преступники используют кибертехнологии для незаконного оборота наркотиков, незаконных азартных игр, вымогательства, мошенничества и другого³⁰⁴. Как уже многократно упоминалось ранее, киберпространство привлекает внимание «профессионалов», поскольку оно позволяет преступникам оставаться неуязвимыми от уголовного преследования. Этому, как замечают Н. И. Журавленко и Л. Е. Шведова, способствуют сложность инфраструктуры, развитость механизмов анонимности, многообразие и постоянное обновление способов совершения преступлений, трудность в получении и анализе доказательств по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации и т.п.³⁰⁵ Всё это в совокупности предоставляет широкие возможности для дальнейшего развития профессиональной корыстной преступной деятельности в цифровой среде.

Для подтверждения указанного тезиса определим зависимость изменения значений профессиональной корыстной преступности от способов ведения преступной деятельности. В качестве факторов были выбраны преступления, совершенные различными типами современных корыстных преступников-профессионалов, а именно – «цифровыми», «беловоротничковыми», «традиционными» профессиональными корыстными преступниками, а также

³⁰³ Гундериц Г. А. Состояние киберпреступности // Научный вестник Крыма. 2018. № 4 (15). С. 11.

³⁰⁴ Пучков Д. В. К вопросу взаимосвязи кибернетических технологий и уголовного права // Социально-политические науки. 2017. № 6. С. 130–135.

³⁰⁵ Журавленко Н. И., Шведова Л. Е. Проблемы борьбы с киберпреступностью и перспективные направления международного сотрудничества в этой сфере // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 66–70.

преступниками, действующими организованно и прикрывающими свою криминальную деятельность корыстной направленности, реализуемую на профессиональной основе, другим видом противоправной деятельности (например, экстремисткой и террористической деятельностью).

На основе проверки степени влияния вышеуказанных факторов по критерию Стьюдента установлено, что последний тип преступников-профессионалов не оказывает значительного воздействия на общее развитие профессиональной корыстной преступности и носит случайный характер. Соответственно для оценки влияния приведённых факторов и математического описания процесса развития и прогнозирования профессиональной преступности будет использована модель первого порядка, представленная в следующем виде:

$$\hat{y} = b_0 + b_1X_1 + b_2X_2 + b_3X_3 + b_{12}X_1X_2 + b_{13}X_1X_3 + b_{23}X_2X_3 + b_{123}X_1X_2X_3, \quad (3)$$

где X_1 – «цифровые» корыстные преступники-профессионалы, X_2 – «беловоротничковые» профессиональные корыстные преступники, X_3 – «традиционные корыстные профессионалы»; y – исследуемая величина (значение профессиональной преступности в усл. ед.).

Значения выбранных уровней варьируемых факторов даны в таблице 2.

Таблица 2 – Уровни и интервалы варьирования

Уровень варьируемых факторов	Обозначение кодовое	X_1	X_2	X_3
Основной уровень	0	35	21	16
Интервал варьирования	Δx_i	5	3	2
Верхний уровень	+1	50	33	24
Нижний уровень	-1	20	9	8

Матрица планирования эксперимента и результаты расчётов представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Матрица планирования эксперимента № 2

№	X 0	X 1	X 2	X 3	X ₁ X 2	X ₁ X 3	X ₂ X 3	X ₁ X ₂ X 3	y ₁	y ₂	y ₃	\bar{y}_i	S ² _{воспр<i>i</i>}
1	+	-	-	-	+	+	+	-	12,2 1	11,2 9	11,6 7	11,7 2	1,33
2	+	+	-	-	-	-	+	+	19,7 5	18,9 2	19,1 3	19,2 6	1,08
3	+	-	+	-	-	+	-	+	15,2 5	15,5 8	15,8 3	15,5 6	0,49
4	+	+	+	-	+	-	-	-	40,1 7	39,5 0	40,0 4	39,9 0	0,73
5	+	-	-	+	+	-	-	+	6,38	6,42	6,29	6,36	0,03
6	+	+	-	+	-	+	-	-	31,0 8	32,1 3	31,3 3	31,5 1	1,71
7	+	-	+	+	-	-	+	-	17,8 3	16,7 1	17,2 5	17,2 6	1,83
8	+	+	+	+	+	+	+	+	35,8 8	37,1 7	36,2 9	36,4 4	2,51

На основании данных таблицы 3 производим расчет коэффициентов уравнения регрессии по формуле 2. После расчета уравнение приобретает следующий вид:

$$\hat{y} = 53,4 + 22,9X_1 + 12,1X_2 + 1,48 X_3 + 3,26X_1X_2 + 3,73X_1X_3 - 2,6 X_2X_3 - 6.8X_1X_2X_3 \quad (4)$$

После проверки уравнения на адекватность по критерию Фишера построим графическое изображение прогнозной модели развития профессиональной

корыстной киберпреступности до 2030 г. Данная модель представлена на Рисунке 15.

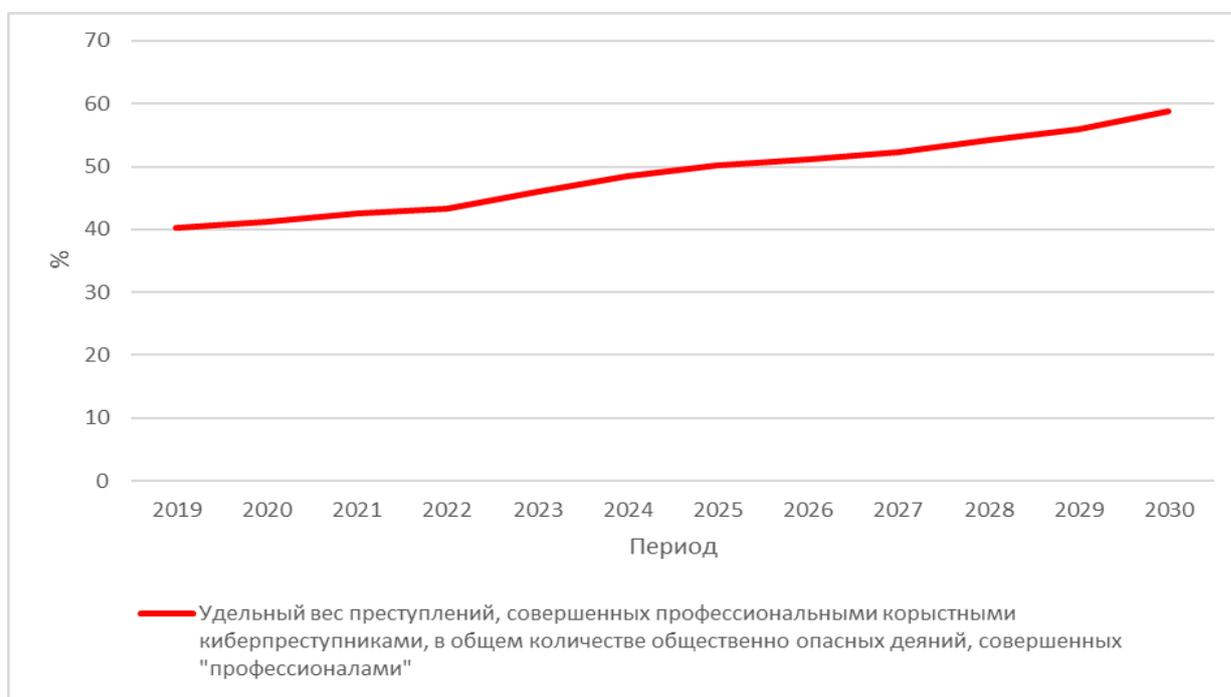

Рисунок 15 – Прогноз развития профессиональной корыстной киберпреступности среди профессиональной корыстной преступности в России (до 2030 г.)³⁰⁶

На основании анализа математического моделирования развития профессиональной корыстной киберпреступности можно спрогнозировать, что к 2030 г. доля «цифровых» профессиональных преступников среди всех «профессионалов» будет составлять 59% (с 46% в 2024 г.). Самый значительный рост наблюдается с 2022 по 2025 гг. Проведенные расчёты подтверждают выдвинутое ранее предположение о наличии в настоящее время широких возможностей для дальнейшего развития профессиональной корыстной преступной деятельности в киберпространстве.

Ещё одна важная тенденция в развитии профессиональной корыстной преступности – это постепенное сращивание организованной и профессиональной преступной деятельности. Некоторые исследователи справедливо подчеркивают,

³⁰⁶ Состояние преступности в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения 20.01.2025).

что в настоящее время отмечается трансформация профессиональной преступной деятельности в организованную: когда организованная преступная группировка (далее – ОПГ) «нанимает» преступников-профессионалов для выполнения тех или иных функций (например, приглашение лидерами ОПГ профессиональных автоугонщиков или квартирных воров для реализации их «криминальных планов»), или когда ОПГ действуют сообща, как «конвейер» (к примеру, одна ОПГ занимается похищением машин, другая – «перебивает номера», третья – подготавливает необходимые для продажи документы, а четвёртая – реализует краденые авто на рынке)³⁰⁷. Другие, развивая данное утверждение, уточняют, что современный быстрый рост организованной преступности происходит, как правило, за счёт корыстных преступников-профессионалов, что позволяет отдельным организованным преступным группам (сообществам) занять в криминальном мире ведущее положение, качественно изменяя его структуру³⁰⁸. А д.ю.н., профессор В. Н. Фадеев вовсе выделяет в структуре преступности её новую разновидность – профессионально-организованную преступность, как антиобщественное, противоправное явление антигосударственной и социально-политической направленности в социальной среде, экономике и государственном управлении, которое развивает преступные технологии и контролирует криминальную среду, выступая основным индикатором преступного развития общества³⁰⁹.

Соглашаясь с указанными утверждениями, подчеркнём, что уже сегодня существует новая разновидность преступности – профессионально-организованная корыстная преступность³¹⁰, и если ранее выделялись

³⁰⁷ Михайлов Б. П., Воронцов А. В., Завьялов И. А. Особенности криминальной среды России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 186–190.

³⁰⁸ Абакумов О. Б., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Причины и условия появления и распространения профессиональной, рецидивной и организованной преступности в России // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № (7). С. 216–223.

³⁰⁹ Фадеев В. Н. Нерегулируемый переход к рынку – угроза национальной безопасности России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2-2. С. 267–271.

³¹⁰ Фадеев В. Н., Тэсс Л. В. Профессионально-организованная преступность // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № (6). С. 166–172.

профессиональные виды преступности «с некоторой долей организованности»³¹¹, то в настоящее время отмечается постепенное «сращивание» этих видов преступности на фоне общей трансформации отечественного преступного мира. Подтвердим представленное утверждение данными математического моделирования.

В связи с большим количеством факторов воспользуемся математической моделью на основе полинома второй степени, представленной в следующем виде:

$$\hat{y} = b_0 + b_1X_1 + b_2X_2 + b_{12}X_1X_2 + b_{11}X_1^2 + b_{22}X_2^2 + b_3X_3 + b_4X_4 + b_{34}X_3X_4 + b_{33}X_3^2 + b_{44}X_4^2, \quad (5)$$

где y – исследуемая величина (значение профессиональной корыстной преступности в усл. ед.);

X_1 – значение профессиональных корыстных преступлений, совершенных в составе организованного преступного формирования «цифровыми» преступниками;

X_2 – значение профессиональных корыстных преступлений, совершенных в составе организованного преступного формирования «беловоротничковыми» преступниками;

X_3 – значение профессиональных корыстных преступлений, совершенных в составе организованного преступного формирования «традиционными» преступниками;

X_4 – значение профессиональных корыстных преступлений, совершенных в составе организованного преступного формирования преступниками, действующими организованно и прикрывающими свою криминальную деятельность корыстной направленности, реализуемую на профессиональной основе, другим видом противоправной деятельности (например, экстремисткой и террористической деятельностью).

³¹¹ Биркин М. М. Организованная и профессиональная преступность в России // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 1 (22). С.7–15.

Таблица 4 – Матрица планирования эксперимента № 3

№	X_1	X_2	X_1X_2	X_1^2	X_2^2	Y	\bar{y}_i	Δ
1	17	14	238	289	196	120	121,4	-1,4
2	23	13	299	529	169	109	108,7	0,3
3	10	12	120	100	144	89	87,6	1,4
4	14	17	238	196	289	153	154,9	-1,9
5	27	34	918	729	1156	125	125,2	-0,2
6	26	32	832	676	1024	95	94,6	0,4
7	29	37	1073	841	1369	88	89,5	-1,5
8	33	41	1353	1089	1681	141	143,7	-2,7
9	37	46	1702	1369	2116	155	153,6	1,4
10	40	50	2000	1600	2500	172	173,5	-1,5
11	44	55	2420	1936	3025	189	187,3	1,7
12	48	60	2880	2304	3600	190	192,1	-2,1
13	21	27	567	441	729	94	93,2	0,8
14	50	27	1350	2500	729	135	134,3	0,7
15	20	33	660	400	1089	103	101,6	1,4
16	22	36	792	484	1296	109	109,5	-0,5

Таблица 5 – Дополнительная матрица планирования эксперимента № 3

№	X_3	X_4	X_3X_4	X_3^2	X_4^2	Y	\bar{y}_i	Δ
1	120	1	51	2601	1	120	121,4	-1,4
2	49	3	207	4761	9	109	108,7	0,3

3	101	4	120	900	16	89	87,6	1,4
4	51	7	294	1764	49	153	154,9	-1,9
5	69	8	648	6561	64	125	125,2	-0,2
6	30	6	468	6084	36	95	94,6	0,4
7	42	4	348	7569	16	88	89,5	-1,5
8	81	10	990	9801	100	141	143,7	-2,7
9	78	3	333	12321	9	155	153,6	1,4
10	87	6	720	14400	36	172	173,5	-1,5
11	99	7	343	2401	49	189	187,3	1,7
12	111	8	808	10201	64	190	192,1	-2,1
13	63	2	126	3969	4	94	93,2	0,8
14	98	6	588	9604	36	135	134,3	0,7
15	60	4	240	3600	16	103	101,6	1,4
16	66	8	528	4356	64	109	109,5	-0,5

В результате расчетов регрессионное уравнение имеет вид:

$$\bar{y}_i = 11,2 + 0,0235X_1 - 0,1354X_2 + 0,04875X_1X_2 + 0,0142X_1^2 + 0,00164X_2^2 + 0,02345X_3 - 0,00524X_4 + 0,00023X_3X_4 + 0,0215X_4^2 + 0,00014X_4^2 \quad (6)$$

Оценка значимости коэффициентов регрессионного уравнения производится по критерию Стьюдента. Табличное значение критерия при степени свободы $f = 16 - 5 - 1 = 10$ и доверительной вероятности $0,95$ равно $(0,95; 10)_{\text{табл}} = 1,99$.

Все расчетные значения критерия Стьюдента по факторам X_1, X_2, X_3, X_4 больше табличных. Исходя из найденных значений $f_{ад}, f_{восп}$ находим по таблице $F_{\text{табл}} = 4,49$. Если $F_{\text{расч}} < F_{\text{табл}}$, то уравнение считаем адекватным. В

рассматриваемых примерах $0,113 < 4,49$, $0,148 < 4,49$, значит уравнения адекватны. На основании полученных уравнений 4 и 6 построим зависимости увеличения доли преступлений в составе организованного преступного формирования среди преступников-профессионалов (Рисунок 16) и изменения степени организованности преступной деятельности в зависимости от способов (направленности) ведения этой деятельности (Рисунок 17).

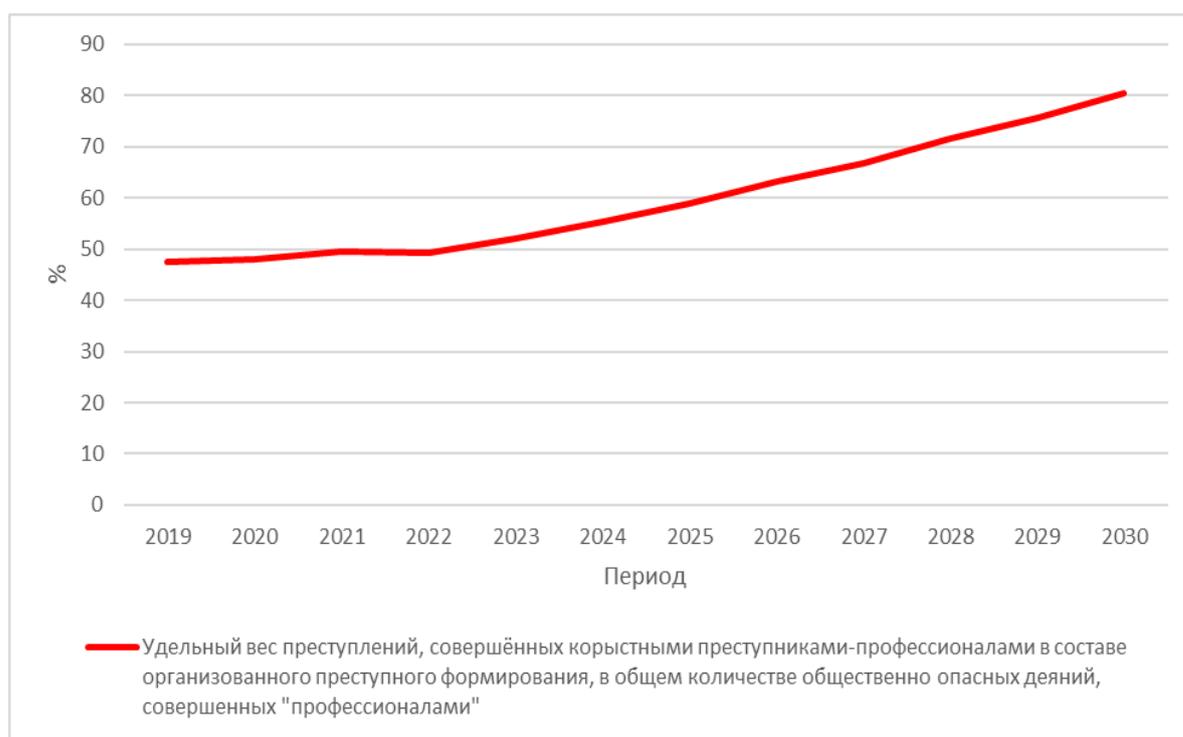
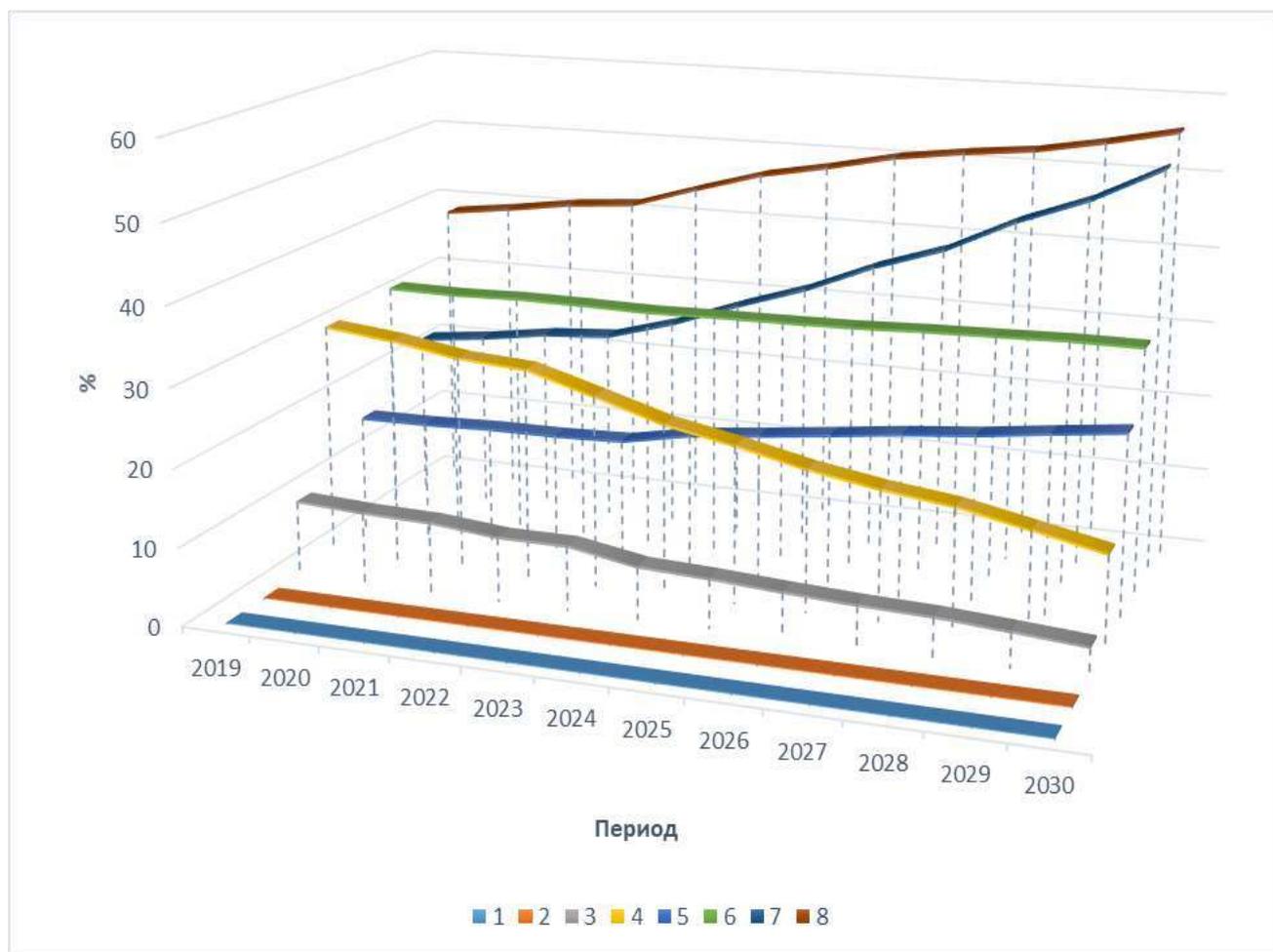

Рисунок 16 – Прогноз изменения удельного веса преступлений, совершённых корыстными преступниками-профессионалами в составе организованного преступного формирования, среди всех преступлений, совершённых корыстными «профессионалами» в России (до 2030 г.)³¹²

Отдельно укажем, что в структуре профессиональной корыстной преступности, в свою очередь, также происходят качественные изменения, связанные с вовлеченностью преступников-профессионалов в различные рода преступные формирования (организованную преступную деятельность).

³¹² Состояние преступности в России URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения 20.01.2025).

- 1 – доля профессиональных корыстных преступлений, совершенных в составе организованного преступного формирования преступниками, действующими организованно и прикрывающими свою криминальную деятельность корыстной направленности, реализуемую на профессиональной основе, другим видом противоправной деятельности (например, экстремисткой и террористической деятельностью);
- 2 – доля профессиональных корыстных преступлений, совершенных преступниками, действующими организованно и прикрывающими свою криминальную деятельность корыстной направленности, реализуемую на профессиональной основе, другим видом противоправной деятельности (например, экстремисткой и террористической деятельностью);
- 3 – доля преступлений, совершенных в составе организованного преступного формирования «традиционными» профессиональными корыстными преступниками;
- 4 – доля преступлений, совершенных «традиционными» профессиональными корыстными преступниками;
- 5 – доля преступлений, совершенных в составе организованного преступного формирования «беловоротничковыми» профессиональными корыстными преступниками;
- 6 – доля преступлений, совершенных «беловоротничковыми» профессиональными корыстными преступниками;
- 7 – доля преступлений, совершенных в составе организованного преступного формирования «цифровыми» профессиональными корыстными преступниками;
- 8 – доля преступлений, совершенных «цифровыми» профессиональными корыстными преступниками.

Рисунок 17 – Прогноз изменения степени организованности преступной деятельности корыстных «профессионалов» в зависимости от способов (направленности) ведения этой деятельности в России (до 2030 г.)³¹³

³¹³ Состояние преступности в России URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения 20.01.2025).

На основании анализа математического моделирования процесса изменения структуры профессиональных преступлений в зависимости от способов (направленности) ведения этой деятельности и вовлечения в данную деятельность организованных преступных формирований можно спрогнозировать, что к 2030 г. среди преступлений, совершенных «профессионалами», до 80 % (с 56,7% в 2024 г.) будет совершено в составе организованных преступных формирований, что подтверждает тезис, выделяющий новую разновидность – профессионально-организованную преступность.

Отдельно укажем, что значение удельного веса преступлений, имеющих признаки криминального профессионализма, совершённых в составе организованных преступных формирований, по разным видам корыстных «профессионализированных» общественно опасных деяний станет меняться. Удельный вес преступлений, совершённых профессиональными «цифровыми» корыстными преступниками в составе организованных преступных формирований, составил в 2024 г. 65,2% ($30,67/46,97*100\%$) и в 2030 г. составит 94% ($52,72/56,08*100\%$). Удельный вес преступлений, совершённых профессиональными «беловоротничковыми» корыстными преступниками в составе организованных преступных формирований, составил в 2024 г. 57,4% ($18/31,35*100\%$) и в 2030 г. составит 71,2% ($23,08/32,4*100\%$). Так, с течением времени более организованный характер будет иметь профессиональная корыстная киберпреступность и «беловоротничковая».

Общая структура профессиональной корыстной преступности, основываясь на данных математического моделирования, будет выглядеть следующим образом.

Количество общественно опасных посягательств, совершённых «цифровыми профессионалами» составит 59% в 2030 г. (46% в 2024 г.), совершённых «традиционными» профессиональными преступниками – 11,93% в 2030 г. (25,4% в 2024 г.), преступниками, действующими организованно и прикрывающих свою криминальную деятельность корыстной направленности,

реализуемую на профессиональной основе, другим видом противоправной деятельности – 1,42% в 2030 г. (1,3% в 2024 г.), «беловоротничковыми» профессиональными корыстными преступниками – 27,65% в 2030 г. (27,3% в 2024 г.).

В целом, в ближайшей перспективе (к 2030 г.), основываясь на данных математического моделирования, будут обнаруживаться следующие изменения в динамике развития и структуре профессиональной корыстной преступности России:

станут преобладать общественно опасные посягательства корыстной направленности и постепенно сокращаться корыстно-насильственной направленности;

вырастет число общественно опасных посягательств, совершённых «цифровыми профессионалами» среди преступлений, совершённых иными «категориями» преступников-профессионалов;

увеличится количество преступлений, совершённых «профессионалами» в составе организованных преступных формирований с преобладанием таких преступных посягательств – в киберпространстве и в «беловоротничковой» среде.

Таким образом, с целью противодействия указанным изменениям система предупреждения данной разновидности преступности должна включать в себя комплекс мероприятий по противодействию активности корыстных преступников-профессионалов с учётом криминологического прогноза. При этом полагаем, что, действительно, эффективные мероприятия по профилактике и борьбе с профессиональной корыстной преступностью должны быть связаны с реализацией не столько уголовно-правовых, сколько иных мер предупреждения, а достижение стратегической цели противодействия этому системообразующему сегменту всей отечественной преступности возможно лишь путем проведения комплексной работы, предполагающей концентрацию усилий различных государственных и социальных институтов, и отдельных граждан.

Заключение

Профессиональная корыстная преступность в России прошла длительный эволюционный путь развития. Первые признаки криминального профессионализма стали обнаруживаться в деятельности преступников ещё в дореволюционный период. В первых памятниках русского права таких как Псковская судная, Двинская Уставная грамоты, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное Уложение 1649 г., Военский артикул 1715 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и других важнейших нормативных правовых актах содержались сведения об ужесточении уголовной ответственности за повторное совершение отдельных корыстно направленных преступлений. Со временем у преступников появляется специализация и квалификация, формируется система криминальных норм и ценностей.

Генезис признаков криминального профессионализма окончательно завершился к началу XX в., вследствие чего уже в первые годы утверждения советской власти отечественный корыстный профессиональный криминалитет представлял собой монолитную, хорошо организованную преступную среду, способную самодетерминироваться и контролировать жизнь всего уголовного мира. Между тем, слом традиционных ценностей и систем в буре революций 1917 г. привёл к качественному изменению структуры и механизмов функционирования высшего профессионального криминалитета.

В советский период криминальный мир заметно преобразился. Впервые в отечественном законодательстве нормативно закрепляется понятие «профессиональный преступник» (п. «е» ст. 25 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.). Специализация преступников-профессионалов становится более узкой, а квалификация – высокой, формируется новая криминальная иерархия, появляется особая преступная «каста» – «воров в законе». Визитной карточкой профессиональных преступников становятся криминальные татуировки, наличие которых характеризовало, как и использование «тайного» языка, внутренний мир

преступников, их отношение к различным ценностям, нормам морали, образ жизни и принадлежность к определённой криминальной «касте». Также именно в советский период «профессионалы» начинают активно «обогащаться», на что указывает множество фактов: от заметок самих преступников об их значительных «заработках», до появления «касс взаимопомощи» («общаков»). Кроме того, в это время между преступниками ещё больше укрепляются криминальные связи, а «профессионалы» начинают управлять не только своим собственным «сообществом», но и многими иными сферами жизни общества и государства.

Сегодня профессиональная корыстная преступность представляет собой вид преступности, характеризующейся исторической изменчивостью, протяжённостью во времени и пространстве, высокой степенью самодетерминации и опасности для национальной безопасности государства и имеющей признаки криминального профессионализма.

К числу признаков криминального профессионализма в современных условиях отнесено обладание такими преступниками отрицательно направленным мировоззрением, высокой степенью неуязвимости к уголовному преследованию, необходимой криминальной специализацией, квалификацией, связями с преступной средой, позволяющими данным лицам извлекать постоянную и значительную прибыль от совершения преступлений.

Современных корыстных преступников-профессионалов можно классифицировать на группы по уровню криминального «мастерства», наличию и характеру связей в криминальном мире «профессионалов». Особо выделяется классификация по способам ведения преступной деятельности.

Так, в настоящее время можно выделить следующие «категории» корыстных «профессионалов»: «цифровые» профессиональные корыстные преступники; преступники, действующие организованно и прикрывающие свою криминальную деятельность корыстной направленности, реализуемую на профессиональной основе, другим видом противоправной деятельности;

«беловоротничковые» профессиональные корыстные преступники; «традиционные корыстные профессионалы».

Детерминанты указанной разновидности преступности можно условно разделить на две группы: детерминанты, порождающие развитие как профессиональной, так и иной преступной деятельности и способствующие совершению первого преступления; специфические детерминанты профессиональной корыстной преступности, порождающие совершение повторного преступления и установление восприятия преступной деятельности как средства извлечения постоянного и значительного дохода. Также указанные детерминанты можно классифицировать по разным сферам деятельности: социально-экономической, политической, правовой и духовной.

Под системой предупреждения профессиональной корыстной преступности необходимо понимать упорядоченную совокупность объектов, субъектов, а также мер предупреждения указанной разновидности преступности, реализуемых в разных сферах жизни общества и государства и направленных на противодействие процессам детерминации преступной деятельности корыстных «профессионалов».

Меры предупреждения современной профессиональной корыстной преступности, в свою очередь, также можно разделить на группы в зависимости от сферы реализации. К числу таких мер относят правовые, организационно-управленческие, технические, идеологические и общесоциальные меры.

С учётом исторического опыта и современного состояния системы предупреждения профессиональной корыстной преступности предложены меры совершенствования данной системы в условиях угроз и вызовов современности.

В нормативно-правовой сфере: модернизация института специального рецидива путем придания ему уголовно-правового значения; уточнение понятийно-категориального аппарата, используемого в ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ; ужесточение уголовной ответственности за совершение закреплённых в УК РФ деяний, которые обладают большим потенциалом применения криминального

профессионализма; запрет распространения криминальной субкультуры в обществе.

В организационно-управленческой: разработка федеральной государственной программы ресоциализации жизни профессиональных преступников, отбывших наказание в виде лишения свободы, и постпенитенциарного контроля за ними; создание для служебного пользования сотрудниками правоохранительных органов единой базы криминологического учёта корыстных профессиональных преступников России.

В технической: модернизация автоматизированных технических механизмов противодействия совершению посягательств на собственность.

В духовной: организация субъектами предупреждения профессиональной корыстной преступности соответствующей систематической профилактической работы с населением; воспитание в обществе негативного отношения к преступному поведению, а также общее укрепление культуры и духовности.

В процессе исследования определено, что одной из разновидностей профессиональной корыстной преступности является активно развивающаяся сегодня профессиональная корыстная киберпреступность, которая характеризуется рядом отличительных свойств: динамичность развития, трансграничность, высокоинтеллектуальная криминальная квалификация преступников, многообразие способов совершения преступлений, дистанционность преступной деятельности, обеспечиваемая отсутствием физического контакта потерпевшего и преступника, высокая анонимность и латентность совершения преступлений, обусловленные недостатками в системе организационно-правовой и технической защиты цифрового пространства.

Для совершенствования мер предупреждения данной разновидности преступной деятельности с учётом её трансграничности предложена система соответствующих предупредительных мер на двух уровнях: международном и национальном.

На международном уровне выделим необходимость согласования национально-правовых систем по ряду проблемных вопросов в данной сфере, а также создания единой международной базы криминалистически значимой для пресечения деятельности корыстных профессиональных киберпреступников информации.

На национальном уровне определена необходимость совершенствования отечественного уголовного законодательства в сфере предупреждения профессиональной корыстной киберпреступности. Также установлена важность создания в Управлении «К» МВД России отдела по борьбе с профессиональными корыстными киберпреступниками. Предложено улучшить качество межведомственного взаимодействия субъектов противодействия корыстной профессиональной преступности, а также модернизировать в «цифровом» пространстве систему технической защиты от посягательств преступников-профессионалов, повысить уровень цифровой грамотности населения.

С целью осуществления контроля за развитием профессиональной корыстной преступности в России и обеспечения защищённости национальной безопасности государства дан криминологический прогноз развития данного вида преступности. Установлено, что в ближайшей перспективе (к 2030 г.) будут обнаруживаться следующие изменения в состоянии и структуре отечественной профессиональной корыстной преступности: среди «профессионализированных» преступлений станут преобладать общественно опасные посягательства корыстной направленности и постепенно сокращаться корыстно-насильственной; вырастет количество преступлений, совершённых «цифровыми корыстными профессионалами» среди иных посягательств профессиональных корыстных преступников; увеличится число преступлений, совершённых корыстными «профессионалами» в составе организованных преступных формирований с преобладанием таких преступных посягательств в киберпространстве, а также в «беловоротничковой» среде.

В результате, основываясь на данных криминологического прогноза динамики развития указанного вида преступности и эволюции системы предупреждения этого опасного явления в прошлом и настоящем, можно заключить, что архитектура профессионального корыстного преступного мира меняется в соответствии с теми условиями, в которых ему приходится существовать, поэтому борьба с корыстной профессиональной преступностью должна базироваться на комплексном анализе её характеристик в конкретных пространственно-временных реалиях. В свою очередь, предупреждение этого вида преступности в настоящем стало самостоятельной, многоплановой, комплексной задачей программно-целевого стратегического планирования, которая должна решаться усилиями всего общества и государства.

Список литературы

Нормативные акты и официальные документы

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/#dst100102 (дата обращения 16.03.2021).

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/#dst100382 (дата обращения 16.03.2021).

3. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23.11.2001) [Электронный документ]. URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения 10.02.2023).

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный документ]. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 16.01.2025).

5. Уголовный кодекс РФ (первая редакция от 13 июня 1996 г.) [Электронный документ]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/kodeksru/uk/19960613/raz09.htm> (дата обращения 27.01.2025).

6. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с доп. и изм.) [Электронный документ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 27.01.2025).

7. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (с доп. и изм.) [Электронный документ]. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения 27.01.2025).

8. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с доп. и изм.) [Электронный документ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 27.01.2025).

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный документ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 27.01.2025).

10. Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» [Электронный документ]. URL: http://base.garant.ru/72210300/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_141 (дата обращения 30.01.2020).

11. Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный документ]. URL: http://base.garant.ru/12170605/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_14 (дата обращения 30.01.2020).

12. Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный документ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296451/ (дата обращения 12.12.2024).

13. Федеральный закон от 06 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (с доп. и изм.) [Электронный документ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/ (дата обращения 28.09.2023).

14. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 – 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения 16.03.2021).

16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 н. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» в части исключения из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388946/ (дата обращения 13.02.2023).

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (с доп. и изм.) [Электронный документ]. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-28041994_1/ (дата обращения 13.08.2020).

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (с доп. и изм.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный документ]. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения 08.12.2023).

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [Электронный документ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/ (дата обращения 27.01.2024).

20. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 [Электронный документ]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29092020-n-12-udp20-5-k6/> (дата обращения 13.02.2023).

21. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ “О пробации в Российской Федерации”» [Электронный документ]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300040> (дата обращения 27.01.2025).

Материалы судебной практики

22. Приговор № 1-115/2012 1-13/2013 1-13/2013(1-115/2012) от 26 апреля 2013 г. [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hZ2sfOv30W5P/> (дата обращения 15.07.2023).

23. Решение от 4 марта 2011 г. А. районный суд г. Тольятти (Самарская область) [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PHLK0C1hXHZ3/> (дата обращения 16.07.2023).

24. Приговор № 1-99//12 от 22 февраля 2012 г. Ц. районного суда г. Хабаровска. [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wTjGDldHTNL5/> (дата обращения 08.12.2023).

25. Приговор № 1-1/2014 1-1/2014(1-55/2013) 1-1-14 1-55/2013 от 12 февраля 2014 г. [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ESthyvdXwf54/> (дата обращения 17.07.2023).

26. Приговор № 1-352/2014 от 8 августа 2014 г. [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tiO9I4eFimQW/> (дата обращения 27.07.2021).

27. Приговор № 1-55/2015 1-7/2016 от 26 февраля 2016 г. по делу № 1-55/2015 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UJKXPKI3RAYq/> (дата обращения 07.10.2021).

28. Приговор № 1-101/2019 от 30 июля 2019 г. по делу № 1-101/2019 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VynefhxWrPJp/> (дата обращения 27.09.2021).

29. Приговор № 1-64/2019 от 19 сентября 2019 г. по делу № 1-64/2019 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CPRtdQcuitgG/> (дата обращения 27.06.2024).

30. Приговор № 1-417/2019 от 5 ноября 2019 г. по делу № 1-417/2019 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NrJVsfDvb6jor/> (дата обращения 07.10.2021).

31. Приговор № 1-562/2019 1-76/2020 от 3 февраля 2020 г. по делу № 1-562/2019 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2RUOYgJCUqog/> (дата обращения 17.07.2023).

32. Приговор № 22-190/2020 22-7659/2019 от 3 февраля 2020 г. по делу № 1-264/2019 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/26w2ggns0DNX/> (дата обращения 15.07.2023).

33. Приговор № 1-113/2020 от 13 апреля 2020 г. по делу № 1-113/2020 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4InJdDCsINJv/> (дата обращения 27.09.2021).

34. Приговор № 1-86/2020 от 2 июля 2020 г. по делу № 1-86/2020 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QuHKzuRQN4gh/> (дата обращения 15.07.2023).

35. Приговор № 1-482/2020 от 16 июля 2020 г. по делу № 1-482/2020 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dnN3OerlvDIT/> (дата обращения 16.01.2024).

36. Приговор № 1-453/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-453/2020 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AIVm5WeofNNx/> (дата обращения 17.07.2023).

37. Приговор № 1-73/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-73/2020 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hLeXvXSFqgHU/> (дата обращения 16.01.2024).

38. Приговор № 1-573/2020 от 8 сентября 2020 г. по делу № 1-573/2020 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/x4yF5QuhexHV/> (дата обращения 27.09.2024).

39. Приговор от 23 марта 2021 г. по делу №1-33/2021 [Электронный документ]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/wOexgfzcyIrl/](https://sudact.ru/regular/doc/wOexgfzcyIrl/) (дата обращения: 16.07.2023).

40. Приговор № 1-38/2023 от 10 августа 2023 г. по делу № 1-38/2023 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J1xsDUul9SWC/> (дата обращения 22.11.2024).

41. Приговор № 1-617/2023 от 5 сентября 2023 г. по делу № 1-617/2023 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e82eh3iuUxbK/> (дата обращения 27.09.2024).

42. Приговор № 1-11/2024 1-183/2023 от 8 февраля 2024 г. по делу № 1-11/2024 [Электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JUeqc9u64Kmn/> (дата обращения 22.11.2024).

43. Судебная практика по уголовным делам [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения 30.01.2025).

Научная, учебная и справочная литература

44. Hindelang M. Victims of personal crime: an empirical foundation for a theory of personal victimization / M. Hindelang. – Cambridge, MA: Ballinger Publishing Co, 1978. – 324 p.

45. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания. Монография / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. – М.: Издательство Проспект, 2017. – 428 с.

46. Балдаев, Д.С. Словарь блатного воровского жаргона: от П до Я. «Кампана» / Д.С. Балдаев. – М, 1997 – 525 с.

47. Белогриц-Котляревский, Л.С. О воровстве и краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование / Л.С. Белогриц-Котляревский. – Выпуск 1. – Киев, 1880. – 380 с.

48. Белозеров, Б.П. Фронт без границ, 1941–1945 гг. историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла северо-запада: монография / Б.П. Белозеров. – М.: Издательство РДКпринт, 2001. – 218 с.

49. Белоус, А.И., Солодуха, В.А. Основы кибербезопасности. Стандарты, концепции, методы и средства обеспечения / А.И. Белоус, В.А. Солодуха. – М.: Техносфера, 2020. – 482 с.

50. Гартевельд, В.Н. Песни каторжан / В.Н. Гартевельд. – М.: Об-во «Грамофон», 1911. – 72 с.

51. Гернет, М.Н. Социальные факторы преступности / М.Н. Гернет. – М.: Университетская типография, 1905. – 214 с.

52. Гернет, М.Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств) / М.Н. Гернет. – М.: издание ЦСУ РСФСР, 1922. – 93 с.

53. Гишинский, Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гишинский. – Санкт-Петербург, 2002. – 259 с.

54. Глonti, Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе). Монография / Г. Глonti. – Тбилиси, 2004. – 132 с.

55. Греков, Б.Д. Судебник 1497 года. Издание Судебники XV-XVI веков / Б.Д. Греков. – М.-Л, 1952. – 615 с.

56. Гуров, А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А.И. Гуров [Электронный документ]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/10.htm> (дата обращения 07.03.2022).

57. Дорошевич, В.М. Сахалин / В.М. Дорошевич. – М.: Издательство пресса (год первого издания 1903), 1996. – 284 с.

58. Дроздовский, М.Г. Дневник / М.Г. Дроздовский. – Берлин: Отто Кирхнер и Ко, 1923. – 187 с.

59. Жбанков, В.А. Транснациональная организованная наркопреступность и наркоконтрабанда как ее составляющая: современное состояние и основные тренды. Монография / В.А. Жбанков. – М.: РИО Российской таможенной академии, 2017. – 180 с.

60. Ильин, И.А., Лисица, Ю.Т. Собрание сочинений, Том 5: [Основное нравственное противоречие войны; О сопротивлении злу силою; Статьи. Письма. Выступления] / И.А. Ильин, Ю.Т. Лисица. – М.: Русская книга, 1996. – 374 с.

61. История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 2: Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV – 70-е годы XVII века): монография / отв. ред. Н.М. Золотухина, В.М. Сырых. – М, 2017. – 688 с.

62. Криминология. Под ред. Кузнецовой Н.Ф., Лунеева В.В. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: 2004. – 912 с.

63. Лебедев, С.Я. Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа / С.Я. Лебедев. – М.: Межрегиональный центр коммерческой безопасности, 1995. – 167 с.

64. Лунеев, В.В. Преступность XX века / В.В. Лунев. – М., 1997. – 528 с.

65. Максимовский Е.Г., Кашуба Г. Империя страха – преступный мир, мафия, воры в законе, рэкет, шулеры, стукачи: незащищенный мир, христианское слово, поэзия лагерей, погубленные судьбы / Е.Г. Максимовский, Г. Кашуба. – М.: Изд-во Зеленый Парус, 1992. – 256 с.

66. Малков, В.Д. Криминология 2-е изд., перераб. и доп. / В.Д. Малков – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. – 387 с.

67. Мартысевич, И.Д. Псковская судная грамота: историко-юридическое исследование / И.Д. Мартысевич. – М.: Изд-во Московского университета, 1951. – 127 с.

68. Мацкевич, И.М. Мифы преступного мира / И.М. Мацкевич. – М.: Проспект, 2014. – 365 с.

69. Мильяненко, Л.А. По ту сторону закона: Энцикл. преступного мира / Л.А. Мильяненко. – СПб: Ред. журн. «Дамы и господа», 1992. – 316 с.

70. Миненок, М.Г. Корысть: криминологические и уголовно-правовые проблемы / М.Г. Миненок. – М.: Юридический центр Пресс, 2001. – 151 с.

71. Минин, А.Я. Актуальные проблемы цифрового права / А.Я. Минин. – М.: МГПУ, 2021. – 132 с.

72. Мухин, А.А. Российская организованная преступность и власть: история взаимоотношений / А.А. Мухин. – М.: Центр политической информации, 2003. – 383 с.

73. Мюллер, Р.Б., Черепнина, Л.В. Судебники XV-XVI веков / коммент. А.И. Копанева, Б.А. Романова, Л.В. Черепнина; под общ. ред. Б.Д. Грекова. – СПб.: Наука, 2015. – 246 с.

74. Овчинский, В.С. Мафия: новые мировые тенденции («Коллекция Изборского клуба») / В.С. Овчинский. – М.: Книжный мир, 2016. – 384 с.

75. Организованная преступность / под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. – М.: Юрид. Лит, 1989. – 352 с.

76. Пионтковский, А.А. Об условном осуждении или системе испытания. Уголовно-политическое исследование / А.А. Пионтковский. – Одесса, 1894. – 191 с.

77. Познышев, С.В. Криминальная психология. Преступные типы / С.В. Познышев. – Ленинград, 1926. – 159 с.

78. Познышев, С.В. Очерки тюрьмоведения / С.В. Познышев. – М.: Г.А. Леман и Б.Д. Плетнев, 1915. – 295 с.

79. Приемышева, М.А. Тайные и условные языки в России XIX в. / М.А. Приемышева. – М.: Litres, 2019. – 458 с.

80. Профиль общество // Деловой ежедневник. № 34 от 21 сентября 2015 года. – С.48–51.

81. Путилин, И.Д. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем “Музыки” или “Байкового языка”. Записки И.Д. Путилина / И.Д. Путилин. – СПб., 1904. – 187 с.

82. Самощенко, И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И.С. Самощенко. – М.: Юридическая литература, 1963. – 286 с.

83. Сахаров, А.Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел: лекция / А.Б. Сахаров. – М., 1984. – 42 с.

84. Свирский, А.И. По тюрьмам и вертепам: очерки / А.И. Свирский. – М.: изд. Д.А. Александрова, 1895. – 282 с.

85. Сидоров, А.А. Жиганы, уркаганы, блатари: подлинная история воровского братства, 1917-1940 / А.А. Сидоров. – М.: Эксмо, 2005. – 384 с.

86. Сидоров, А.А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга первая (1917–1940 гг.) / А.А. Сидоров. – Ростов-на-Дону: МарТ, 1999. – 65 с.

87. Словарь воровского языка: слова, выражения, жесты, татуировки. – Нильпо, 1991. – 170 с.

88. Собрание выражений и фраз, употребляемых в разговоре Санкт-Петербургскими мошенниками / Примечания В. Козловского // Северная пчела. – № 282. – 1859. – С. 1129–1130.

89. Стрижова, И.М. Великая Русская Смута. Причины возникновения и выход из государственного кризиса в XVI–XVII вв. / И.М. Стрижова. – М.: Дарь, 2007. – 864 с.

90. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издание седьмое, переработанное и дополненное / Н.С. Таганцев. – СПб, 1892. – 714 с.

91. Уголовное Уложение 1903 года. – СПб: Сенатская типография, 1903. – 253 с.

92. Уголовный кодекс: Практический комментарий. С дополнениями и изменениями по 1 июня 1925 г. / под ред. М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. – М.: Издательство «Право и жизнь», 1925. – 390 с.

93. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И.Я. Фойницкий. – СПб, 1889. – 504 с.

94. Хукка, В.С. Жаргон и аббревиатура татуировок преступного мира: словарь / В.С. Хукка. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД России, 1992. – 236 с.

95. Чистяков, О.И. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / О.И. Чистяков. – М.: Юрид. лит-ра, 1994. – 260 с.

96. Чубинский, М.П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве / М.П. Чубинский. – Ярославль: Типография Э.Г. Фалька, 1900. – 351 с.

Статьи и материалы конференций

97. Hobbs, D. Professional crime: change, continuity and the enduring myth of the underworld / D. Hobbs // *Sociology*. – 1997. – Т. 31. – № 1. – pp. 57–72.

98. *Journal of Advanced Research in Law and Economics* / Editor in Chief: Ph.D. Madalina. – 2015. – Т. 6. – № 2. – pp. 346–353.

99. Junninen M., Aromaa K. Professional crime across the finnish-estonian border / M. Junninen, K. Aromaa // *Crime, Law and Social Change*. – 2000. – Т. 34. – № 4. – pp. 319–347.

100. Makarenko, N.K. Criminological portrait of a professional criminal / N.K. Makarenko // *Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ*. – 2023. – Т. 102. – № 3 (Part 1). – С.121–129.

101. Rakhimberlin, O.N. The issues of the professional crime prevention in the republic of Kazakhstan / O.N. Rakhimberlin // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2015. – Т. 6. – № 2. – pp. 346–353.

102. Shover N., Coffey G.S., Hobbs D. Crime on the line. telemarketing and the changing nature of professional crime / N. Shover, G.S. Coffey, D. Hobbs // British Journal of Criminology. – 2003. – Т. 43. – № 3. – pp. 489.

103. Абакумов О.Б., Богданов А.В., Хазов Е.Н. Причины и условия появления и распространения профессиональной, рецидивной и организованной преступности в России / О.Б. Абакумов, А.В. Богданов, Е.Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № (7). – С. 216–223.

104. Агильдин В.В., Ловцевич С.Е., Лохова А.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации / В.В. Агильдин, С.Е. Ловцевич, А.А. Лохова // Молодой ученый. – 2019. – № 24. – С. 165–169.

105. Акельев, Е.В. Профессиональные преступники Парижа и Москвы первой половины XVIII в.: механизмы криминализации / Е.В. Акельев // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.): сборник статей. – СПб.: Европейский университет в Санкт–Петербурге, 2011. – С. 217–228.

106. Акельев, Е.В. Московские мошенники в XVIII в.: клички, язык, развлечения / Е.В. Акельев // Живая старина. – № 1 (53). – 2007. – Москва. – С. 46.

107. Акиндеева, А.В. Кардинг в сфере оборота банковских карт / А.В. Акиндеева // Ученые записки Санкт–Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2005. – № 2 (24). – С. 263–271.

108. Антонова, Е.Ю. Понятие корпоративной преступности / Е.Ю. Антонова // Всероссийский криминологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 51–59.

109. Антонян Е.А., Бархатова Е.В. Противодействие киберпреступности / Е.А. Антонян, Е.В. Бархатова // Евразийский Союз Ученых. – 2019. – № 7–4 (64). – С. 54–57.

110. Антонян Е.А., Борисов Е.А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи / Е.А. Антонян, Е.А. Борисов // *Lex Russica*. – 2017. – № 12 (133). – С. 183.

111. Антонян Е.А., Клещина Е.Н. Киберпреступность на современном этапе: тенденции и направления противодействия / Е.А. Антонян, Е.Н. Клещина // *Вестник экономической безопасности*. – 2022. – № 5. – С. 11–15.

112. Антонян, Ю.М. Наемные убийцы как особо опасные преступники / Ю.М. Антонян // *Человек: преступление и наказание*. – 2010. – № 2. – С.82–86.

113. Антонян, Ю.М. Что такое преступность / Ю.М. Антонян // *Пенитенциарная наука*. – 2019. – № 4. – С. 461–467.

114. Артемьев Н.С., Забелич А.А. Характеристика профессиональной преступности и личности профессионального преступника / Н.С. Артемьев, А.А. Забелич // *АВБсП*. – 2017. – № 1. – С.32–37.

115. Асланян, М.М. Совершенствование института рецидива преступлений как легальной формы профессиональной преступности / М.М. Асланян // *Общество и право*. – № 2 (20). – Краснодар, 2008. – С.102–104.

116. Ахьядов, Э.С. Криминологическая характеристика профессиональной преступности, причины и условия, а также меры по их предупреждению / Э.С. Ахьядов // *Молодой ученый*. – 2013. – № 12. – С. 619–620.

117. Баев В.В., Бигалиева Я.Г., Исаенко А.С., Плутенко Д.С. Преступность несовершеннолетних / В.В. Баев, Я.Г. Бигалиева, А.С. Исаенко, Д.С. Плутенко // *Кронос*. – 2021. – № 1 (51). – С.86–91.

118. Байбарин А.А., Садчикова Д.Н. Кража безналичных и электронных денег: об актуальных проблемах правоприменения / А.А. Байбарин, Д.Н. Садчикова // *Вестник СурГУ*. – 2022. – № 1 (35). – С. 60–68.

119. Байдукова Н.В., Орлова Н.С. Розничные клиенты на рынке платежных услуг: проблемы и безопасность клиентов / Н.В. Байдукова // *Известия СПбГЭУ*. – 2014. – № 2 (86). – С. 31–41.

120. Бердникова, О.П. Криминалистические особенности и типология личности преступника, совершающего кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем / О.П. Бердникова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 4 (87). – С.173–179.

121. Биркин, М.М. Организованная и профессиональная преступность в России / М.М. Биркин // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2013. – № 1 (22). – С.7–15.

122. Бирюкова, Ю.В. Проблемы, возникающие при расследовании хищений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, и пути их решения / Ю.В. Бирюкова // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С.137–142.

123. Богданов А.В., Егоров С.А., Хазов Е.Н. Коррупция как один из элементов организованной преступности / А.В. Богданов, С.А. Егоров, Е.Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С.67–71.

124. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Карманные кражи: история и реальность / А.В. Богданов, Е.Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 3. – С.20–22.

125. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Особенности выявления и раскрытия подразделениями уголовного розыска карманных краж, совершаемых на территории современного мегаполиса / А.В. Богданов, Е.Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 8. – С.46–48.

126. Борисов, Е.А. Распространение криминальной субкультуры АУЕ среди молодёжи: ключевые факторы, угрозы, меры воздействия / Е.А. Борисов // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – № 1 (85). – С.16–21.

127. Борисова, С.Е. Психологические особенности личности преступника / С.Е. Борисова // Юридическая психология. – 2007. – № 3. – С. 26–32.

128. Буданов С.А., Дорохова О.В. Организованная преступность и ее связь с рецидивной и профессиональной преступностью / С.А. Буданов, О.В. Дорохова // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2018. – № 4. – С. 123–126.

129. Буз, С.И. Личность корыстного преступника и криминальный профессионализм / С.И. Буз // Современные проблемы уголовной политики: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. – Т. 1. – 2015. – С. 301–304.

130. Важенин, В.В. Закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России / В.В. Важенин // Общество и право. – 2015. – № 4 (54). – С.18–22.

131. Вакуленко, Н.А. Изучение криминологических параметров личности карманного вора как основа для организации превентивной деятельности / Н.А. Вакуленко // ЮП. – 2020. – № 3 (94). – С. 48–53.

132. Волынкин, Е.Н. О некоторых мерах по противодействию карманным кражам в Республике Тыва / Е.Н. Волынкин // Научный компонент. – 2019. – № 1 (1). – С. 58–64.

133. Воронин, Ю.А. Криминальный профессионализм: современные тенденции / Ю.А. Воронин // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2018. – № 1. – С. 13–17.

134. Воронцов, А.В. К вопросу о структуре криминальной среды России / А.В. Воронцов // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – № 2 (18). – С.119–123.

135. Гайфутдинов, Р.Р. Типы компьютерных мошенников / Р.Р. Гайфутдинов // ВЭПС. – 2017. – № 2. – С. 54–58.

136. Гедеонов, Н.Н. Грабители и бандиты / Н.Н. Гедеонов // Преступный мир Москвы: сборник статей. Под ред. проф. М.Н. Гернета. – М.: Издательство «Право и жизнь», 1924. – С.31.

137. Гилязов, Р.Р. К некоторым особенностям способов совершения мошенничеств с использованием средств сотовой связи / Р.Р. Гилязов // Вестник УЮИ. – 2014. – № 1 (63). – С.60–65.

138. Глазкова, Л.В. Взаимодействие систем организованной преступности и коррупции / Л.В. Глазкова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 7 (104). – С. 77–86.

139. Глушкова, Е.М. Тенденции профессиональной преступности в России / Е.М. Глушкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2016. – № 1. – С. 101–105.

140. Гончарова, М.В. Особенности современной криминальной ситуации, связанной с рецидивом корыстных преступлений / М.В. Гончарова // Вестник ВИ МВД России. – 2013. – №1. – С. 102–108.

141. Гончарова, М.В. Рецидив корыстных преступлений в криминальных процессах России / М.В. Гончарова // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 1. – С. 87–90.

142. Грачёв, М.А. Интервенция криминального языка / М.А. Грачёв // Наука и жизнь. – 2009. – № 4. – С.128–132.

143. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? / Д.А. Григорьев, В.И. Морозов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 4 (30). – С.50–58.

144. Гринберг, С.А. Классификация организованных форм профессиональной преступной деятельности / С.А. Гринберг // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 4. – С. 110–114.

145. Гришко, А.Я. Уголовная ответственность лидеров преступного мира: вопросы реализации / А.Я. Гришко // Вестник УЮИ. – 2020. – № 1 (87). – С. 46–51.

146. Гришко, А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации) / А.Я. Гришко // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 3 (94). – С.84–88.

147. Гришко, А.Я. Особо квалифицирующий признак создания преступного сообщества (преступной организации) / А.Я. Гришко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С.82–85.

148. Гродзинский, М.М. Привычная и профессиональная преступность / М.М. Гродзинский // Вестник советской юстиции. – 1924. – № 12 (22). – С. 339.

149. Грязнова Е.В., Шалатонов А.С., Шалатонова В.Н. Духовный кризис и цифровая культура / Е.В. Грязнова, А.С. Шалатонов, В.Н. Шалатонова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2021. – № 5 (55). – С. 215–220.

150. Гундерич, Г.А. Состояние киберпреступности / Г.А. Гундерич // Научный вестник Крыма. – 2018. – № 4 (15). – С. 11.

151. Данчева, С.Н. Профессиональная преступность в современной России / С.Н. Данчева // Чиновник. – 2007. – № 5. [Электронный документ]. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1277275> (дата обращения 05.02.2020).

152. Дзиковская С.Г., Грабчак О.О. Субкультура «АУЕ» – Основные подходы к пониманию / С.Г. Дзиковская, О.О. Грабак // Сборник статей XIII Международного научно-практического конкурса: в 2 частях. – Ч. 1 – Пенза, 2017. – С. 151–155.

153. Елисеев, С.А. Общие черты имущественных преступлений в царской России / С.А. Елисеев // Вестник ТГПУ. – 2006. – Выпуск 11 (62). – С.37–40.

154. Ерахтина Е.А., Тирранен В.А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования / Е.А. Ерахтина, В.А. Тирранен // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (35). – С. 36–41.

155. Ефимкин, М.С. Роль «Воров в законе» в организации преступной деятельности / М.С. Ефимкин // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 4. – С.98–99.

156. Жаров, С.Н. Оперативно–розыскная деятельность уголовного сыска Российской империи / С.Н. Жаров // ЮП. – 2007. – № 4. – С. 56–61.

157. Жиделев, В.Г. Некоторые аспекты квалификации преступлений в сфере компьютерной информации в российском и зарубежном законодательстве / В.Г. Жиделев // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 2. – С.23–25.

158. Журавленко Н.И., Шведова Л.Е. Проблемы борьбы с киберпреступностью и перспективные направления международного сотрудничества в этой сфере / Н.И. Журавленко, Л.Е. Шведова // Общество и право. – 2015. – № 3 (53). – С. 66–70.

159. Жукова О.И., Пушненкова С.А. Аксиологический кризис и поиск общечеловеческих ценностей в современном социокультурном пространстве / О.И. Жукова, С.А. Пушненкова // СибСкрипт. – 2012. – № 1. – С. 238–243.

160. Забелич, А.А. Криминологические и правовые аспекты понятия рецидивной и профессиональной преступности / А.А. Забелич // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 1 (14). – С. 50–55.

161. Забелич, А.А. Уголовно–правовые характеристики личности профессионального преступника, отбывающего наказание в исправительной колонии строгого режима / А.А. Забелич // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 1. – С. 146–152.

162. Загайнов, В.В. Типологизация личности фальшивомонетчика в современной криминологии / В.В. Загайнов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2010. – № 4 (55). – С.10–15.

163. Зарубина К.А., Петрищева Н.С. «Денежные воры» в России: об истории развития фальшивомонетничества в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века. по архивным материалам / К.А. Зарубина, Н.С. Петрищева // Вестник архивиста. – 2023. – № 4. – С. 1225–1237.

164. Зарубина К.А., Петрищева Н.С. О задачах уголовного права в современной России / К.А. Зарубина, Н.С. Петрищева // Ценности и нормы правовой культуры в новой цифровой реальности: сборник научных статей по

материалам всероссийской научно-практической конференции: под редакцией О.Г. Лариной. – Курск, 2019. – С. 273–275.

165. Зарубина К.А., Чапчиков С.Ю. Институт множественности как легальное средство борьбы с профессиональной преступностью в дореволюционной России / К.А. Зарубина, С.Ю. Чапчиков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 3 (79). – С. 137–145.

166. Зарубина К.А., Шевелёва С.В. Профессиональная преступность в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в. По материалам Государственного архива Курской области / К.А. Зарубина, С.В. Шевелёва // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 130–140.

167. Зарубина К.А., Шевелёва С.В. Трудности применения ст. 210¹ УК РФ на практике / К.А. Зарубина, С.В. Шевелёва // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2021. – № 2 (87). – С. 43–50.

168. Зарубина, К.А. Возникновение и развитие карманничества как профессиональной преступной деятельности в России: история и современность / К.А. Зарубина // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции: под редакцией Н.А. Вакуленко [и др.]. – Ростов-на-Дону, 2021. – С. 49–61.

169. Зарубина, К.А. Движение «АУЕ» как криминальное явление, детерминирующее развитие профессиональной преступности: сущность и способы борьбы / К.А. Зарубина // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 2 (93). – С. 72–79.

170. Зарубина, К.А. Детерминанты роста и меры предупреждения профессиональной преступности в России в 1917 – начале 1920-х годов / К.А. Зарубина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2024. – Т. 14. – № 4. – С. 115–124.

171. Зарубина, К.А. История развития профессионального мошенничества в дореволюционной России / К.А. Зарубина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 3 (54). – С. 249–253.

172. Зарубина, К.А. К вопросу о детерминантах профессиональной преступности в современной России / К.А. Зарубина // Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 3 (43). – С. 83–91.

173. Зарубина, К.А. К вопросу о формировании криминального профессионализма в деятельности мошенников дореволюционной России / К.А. Зарубина // Актуальные проблемы государства и права. – 2024. – Т. 8. – № 3 (31). – С. 349–356.

174. Зарубина, К.А. К вопросу об условиях формирования и развития профессиональной преступности в дореволюционной России / К.А. Зарубина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 1 (77). – С. 156–164.

175. Зарубина, К.А. Конокрадство, как опасный криминальный промысел в дореволюционной России, или как наказывали за кражу лошадей? / К.А. Зарубина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 3. – С. 61–65.

176. Зарубина, К.А. Личность профессионального преступника в XIX – начале XX веков (по материалам Государственного архива Курской области) / К.А. Зарубина // Уголовному кодексу Российской Федерации 25 лет: история, проблемы, перспективы: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции: под редакцией А.Я. Гришко. – Рязань, 2022. – С. 154–156.

177. Зарубина, К.А. О некоторых особенностях развития профессиональной преступности в дореволюционной России / К.А. Зарубина // Вестник Сургутского государственного университета. – 2022. – № 3 (37). – С. 93–99.

178. Зарубина, К.А. О некоторых правовых мерах борьбы с профессиональной преступной деятельностью в России в XIX – начале XX вв. /

К.А. Зарубина // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33. – № 2. – С. 322–326.

179. Зарубина, К.А. О развитии криминальной субкультуры в России в дореволюционный период / К.А. Зарубина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2022. – № 6. – С. 77–83.

180. Зарубина, К.А. Понятия «профессиональная преступность» и «профессиональный преступник»: эволюция взглядов / К.А. Зарубина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2019. – Т. 9. – № 5. – С. 83–91.

181. Зарубина, К.А. Правовые меры противодействия профессиональной преступности в России в дореволюционный период / К.А. Зарубина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2024. – № 2 (70). – С. 70–80.

182. Зарубина, К.А. Признаки криминального профессионализма в нормах уголовного законодательства РФ как социокультурная угроза обществу / К.А. Зарубина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сборник научных статей по материалам XVII международной научно-практической конференции. – Москва, 2020. – С. 229–233.

183. Зарубина, К.А. Признаки профессиональной преступности / К.А. Зарубина // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 4 (51). – С. 39–44.

184. Зарубина, К.А. Профессиональный преступный мир в первые годы утверждения советской власти: особенности детерминации и условия развития / К.А. Зарубина // Актуальные проблемы государства и права. 2024. – Т. 8. – № 1 (29). – С. 24–31.

185. Зарубина, К.А. Проявления криминального профессионализма в деятельности разбойных шайк дореволюционной России / К.А. Зарубина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2024. – Т. 14. – № 1. – С. 104–112.

186. Зарубина, К.А. Связь индивида с криминальной средой как признак профессиональной преступности / К.А. Зарубина // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – Т. 26. – № 3 (78). – С. 11–15.

187. Зарубина, К.А. Современная профессиональная преступность в России: особенности развития / К.А. Зарубина // Юго-Западный юридический форум, посвященный 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции: под редакцией Е.В. Поздняковой. – Курск, 2021. – С. 162–165.

188. Зарубина, К.А. Татуировки как элемент криминальной субкультуры: история и современность / К.А. Зарубина // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – № 2 (99). – С. 28–35.

189. Зарубина, К.А. Трансформация криминальных профессий в России в постсоветский период / К.А. Зарубина // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29. – № 2. – С. 218–225.

190. Зарубина, К.А. Уголовно-правовой статус личности профессионального преступника / К.А. Зарубина // Права человека: история, теория, практика: сборник научных статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции: под редакцией В.В. Коровина. – Курск, 2019. – С. 176–178.

191. Зарубина, К.А. Уголовно-правовые основы борьбы с профессиональной преступностью в советской России в 1917-20-е годы / К.А. Зарубина // Юридическая наука и практика. – 2024. – Т. 20. – № 1. – С. 24–31.

192. Зарубина, К.А. Формирование и развитие уголовного жаргона в профессиональном преступном мире дореволюционной России / К.А. Зарубина // Вестник Сургутского государственного университета. – 2024. – Т. 12. – № 1. – С. 85–91.

193. Зарубина, К.А. Формирование профессиональной преступности в России в дореволюционный период / К.А. Зарубина // Союз криминалистов и криминологов. – 2021. – № 1. – С. 69–75.

194. Зарубина, К.А. Формирование профессионально-организованной преступности в России как современная тенденция трансформации криминального мира / К.А. Зарубина // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11. – № 4. – С. 94–101.

195. Захарчук, Д.В. Формирование духовно-нравственных ценностей личности в современном российском обществе / Д.В. Захарчук // Система ценностей современного общества. – 2011. – № 20. – С. 335–340.

196. Заурби, Л.Ш. О некоторых факторах, препятствующих эффективному раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых в киберпространстве / Л.Ш. Заурби // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 2. – С. 258–263.

197. Иванчин, А.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) – пример необоснованной криминализации / А.В. Иванчин // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общей ред. Н.А. Лопашенко; [ред. А.В. Голикова] – Саратов: Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – С.159–161.

198. Игнатов А. Н. Современные экстремизм и терроризм и их трансформации в условиях смены миропорядка / А. Н. Игнатов // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 4. – С. 71–76.

199. Игнатов А. Н. Преступность как система / А. Н. Игнатов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 9. – С. 97–104.

200. Игнатов А. Н. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации / А. Н. Игнатов, В. С. Соловьев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14 – № 1(51). – С. 59–66.

201. Илий, С.К. Концепция беловоротничковой преступности / С.К. Илий // Научный портал МВД России. – 2008. – № 4. – С. 102–106.

202. Ильницкий А.С. Добровольчество (волонтерство) в сфере предупреждения преступлений: теоретико-правовые основы и роль в антикриминальной практике / А.С. Ильницкий, В.С. Прохонов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2024. – № 4. – С. 186–191.

203. Ильницкий А.С. Технологии искусственного интеллекта в криминологической науке и предупреждении преступлений / А.С. Ильницкий // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 7. – С. 105–111.

204. Иншаков, С.М. Исследование криминальной латентности и парадоксы социального отрицания преступности / С.М. Иншаков // Всероссийский криминологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 5–10.

205. Ишигеев В.С., Романова Н.Л., Бондарь А.Я. Криминальный профессионализм в XXI в. как объект криминологического исследования / В.С. Ишигеев, Н.Л. Романова, А.Я. Бондарь // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – № 4 (37). – 2019. – С.134.

206. Ишигеев, В.С., Криминальный профессионализм в XXI в. как объект криминологического исследования / В.С. Ишигеев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – № 4(37). – 2019. – С.134.

207. Калганова, Е.А. Характеристика личности профессионального преступника / Е.А. Калганова // Збірник наукових праць Ірпінської фінансовоюридичної академії (право). – Вип. 2. – 2013. – С. 133–137.

208. Камедина, Л.В. Культурная картина Смуты 1605–1612 гг. Глазами русских писателей / Л.В. Камедина // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. – 2013. – № 4 (36). – С.53–58.

209. Каримов, А.М. Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект / А.М. Каримов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – № 1 (51). – С. 75–82.

210. Киселев, К.А. Восприятие ненадежности рабочего места (job insecurity) как фактор вовлечения личности в беловоротничковую преступность / К.А. Кисилёв // Изв. Саратов. Ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – № 3-1. – С. 76–82.

211. Клеймёнов М. П., Корнеев Д.В. Криминальные лидеры вчера и сегодня / М.П. Клеймёнов, Д.В. Корнеев // Вестник ОмГУ. – 2012. – № 3 (65). – С. 404–414.

212. Колесников, Р.В. Современное состояние преступности несовершеннолетних / Р.В. Колесников // Пенитенциарная наука. – 2022. – № 1 (57). – С. 47–56.

213. Колосов Н.Ф., Глебов В.Г., Слеженков В.В., Крутойров А.А. Актуальные проблемы судопроизводства по уголовным делам о мошенничестве / Н.Ф. Колосов, В.Г. Глебов, В.В. Слежников, А.А. Крутойров // МНИЖ. – 2023. – № 1 (127). – С. 118.

214. Кондратьева, С.Н. Меры предупреждения профессиональной преступности / С.Н. Кондратьева // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2011. – № 6 (223). – С.49–53.

215. Косьяненко Е.В., Кармановский М.С. Критический анализ положений ст. 210¹ УК РФ и практики ее применения / Е.В. Косьяненко, М.С. Кармановский // Научный портал МВД России. – 2022. – №2 (58). – С. 66–70.

216. Кравченко Л.Н., Ходоренко Е.О. Современное состояние и совершенствование системы безналичных расчетов в России / Л.Н. Кравченко, Е.О. Ходоренко // Вестник БГТУ имени В. Г. Шухова. – 2017. – № 8. – С. 233–239.

217. Крупейников, К.В. Понятие и криминологическая характеристика профессиональной преступности / К.В. Крупейников // Право и практика. – 2018. – № 3. – С. 111–115.
218. Кузнецова, Н.Ф. Мнение ученых о реформе УК (или *qui prodest*) / Н.Ф. Кузнецова // Уголовное право, 2004. – № 1. – С. 26–27.
219. Кузьмин, А.В. «Воры в законе» в СССР и России / А.В. Кузьмин // Научный компонент. – 2019. – № 3 (3). – С. 110–116.
220. Куликов, О.В. Уголовная неоднократность: отрицание отрицания / О.В. Куликов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 1. – С.127–135.
221. Куликов Ю.Г., Медведев С.С. Криминологические проблемы борьбы с киберпреступностью / Ю.Г. Куликов, С.С. Медведев // Отечественная юриспруденция. – 2019. – № 3 (35). – С. 17–19.
222. Кумачёва, Ю.Д. Особенности профилактики женской преступности в пенитенциарных учреждениях / Ю.Д. Кумачёва // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 4 [Электронный документ]. URL: <https://human.snauka.ru/2015/04/10353> (дата обращения 20.06.2021).
223. Курицына, Е.В. Преступность в советском обществе в 1953–1964 гг. (социально-криминологический аспект) / Е.В. Курицына // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2007. – № 7. – С.115–119.
224. Кутякин, С.А. Влияние «воров в законе» на криминологическую ситуацию в исправительных учреждениях / С.А. Кутякин // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 2 (18). – С.65–70.
225. Кутякин, С.А. Современная парадигма криминальной организации (самоорганизации) и криминального менеджмента в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России / С.А. Кутякин // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 4. – С. 9–12.
226. Лаврушкина, А.А. Проблемы применения статьи 159.6 УК РФ с позиции теории и практики / А.А. Лаврушкина // Контентус. – 2018. – № 3 (68). – С. 28–35

227. Лакомов, А.С. Киберпреступность: современные тенденции / А.С. Лакомов // Академическая мысль. – 2019. – № 2 (7). – С. 53–56.

228. Лампежев, А.С. Эффективность постпенитенциарного контроля в современной России / А.С. Лампежев // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – № 3. – С. 321–325.

229. Ларичев В.Д., Ильин И.В. Вопросы совершенствования уголовного законодательства о мошенничестве / В.Д. Ларичев, И.В. Ильин // Вестник экономической безопасности. – 2011. – № 3. – С. 77–83.

230. Лебедев, В.И. Словарь воровского языка / В.И. Лебедев // Вестник полиции. – 1909. – №22-24. – С. 10–15.

231. Лещов, М.А. Влияние применения информационных технологий в оперативно–розыскной деятельности на раскрытие преступлений / М.А. Лещов // Юридическая наука. – 2024. – № 7. – С. 243–247.

232. Лимарь А.С. Роль и взаимодействие биологических и социальных факторов в мотивации индивидуального преступного поведения / А. С. Лимарь, А. А. Коптев // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3(231). – С. 383–385.

233. Лобанов А.В., Кузнецов О.В. Борьба с преступностью в Нижнем Поволжье в конце XVI – начале XVII вв. / А.В. Лобанов, О.В. Кузнецов // Информационная безопасность регионов. – 2008. – № 2. – С.90–96.

234. Лозинский, И.В. К вопросу о направлениях совершенствования уголовного законодательства России, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности / И.В. Лозинский // Уголовная юстиция. – 2022. – № 19. – С.12–19.

235. Лядова, А.С. Противодействие распространению криминальной субкультуры в молодежной среде как составляющая профилактики экстремизма / А.С. Лядова // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 1. – С.43–48.

236. Майоров, А.В. Криминологический портрет личности преступника, совершающего карманные кражи / А.В. Майоров // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 3 (18). – С. 20–26.

237. Максименко А.В. Современные тенденции расширения схем отмывания доходов, полученных преступным путем / А. В. Максименко, Р. А. Лашенко // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2024. – № 3(68). – С. 74–79.

238. Максимов В.Ю., Пронская О.Н., Скляр И.Ю. Профессиональная корыстная преступность как угроза экономической безопасности / В.Ю. Максимов, О.Н. Пронская, И.Ю. Скляр // Исследование проблем экономики и финансов. – 2021. – № 1. – С.4–10.

239. Малинин, В.Б. История возникновения татуировок / В.Б. Малинин // Царскосельские чтения. – 2015. – № XIX. – С.55–59.

240. Мальчук, О.И. История развития феномена «вор в законе» / О.И. Мальчук // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 5. – С.109–110.

241. Маркова, Н.С. О влиянии криминальных традиций и обычаев на современную подростковую среду / Н.С. Маркова // Право и практика. – 2023. – № 2. – С. 79–83.

242. Маркова Н.С., Бычкова А.М. Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности / Н.С. Маркова, А.М. Бычкова // Пролог: журнал о праве. – 2020. – № 3 (27). – С. 43–53.

243. Маслов А.А., Бабушкин А.А. Формирование правовых основ оперативно–розыскного обеспечения коллективной безопасности / А.А. Маслов, А.А. Бабушкин // Общество и право. – 2020. – № 1 (71). – С.50–58.

244. Мацкевич, И.М. Профессиональная преступность / И.М. Мацкевич // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2008. – № 1. – С.127–135.

245. Мельникова, О.А. Преступники-рецидивисты третьего возраста в контексте профессиональной дифференциации / О.А. Мельникова // Вестник СГТУ. – 2008. – № 1. – С. 251.

246. Меняйло Д.В., Иванова Ю.А., Меняйло Л.Н. АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения / Д.В. Меняйло, Ю.А. Иванова, Л.Н. Меняйло // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С.107–111.

247. Меняйло Д.В., Иванова Ю.А., Меняйло Л.Н. Способы профилактики и противодействия криминальному молодежному движению АУЕ / Д.В. Меняйло, Ю.А. Иванова, Л.Н. Меняйло // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 3. – С.184–187.

248. Мещерякова Е.И., Панферкина И.С. Развитие инновационной культуры курсантов как основа формирования готовности к противодействию киберпреступности / Е.И. Мещерякова, И.С. Панферкина // Вестник УЮИ. – 2020. – № 3 (89). – С. 191–198.

249. Микаутадзе, С.Р. Институт множественности преступлений в свете тенденций реформирования уголовного законодательства / С.Р. Микаутадзе // Вестник ВИ МВД России. – 2012. – № 2. – С.129–132.

250. Михайлов Б.П., Воронцов А.В., Завьялов И.А. Особенности криминальной среды России / Б.П. Михайлов, А.В. Воронцов, И.А. Завьялов // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 6. – С.186–190.

251. Морозов А.С., Бабкина Е.В. Развитие норм криминальной субкультуры в России с начала XX века по настоящее время / А.С. Морозов, Е.В. Бабкина // Вестник Кузбасского института. – 2022. – № 2 (51). – С.73–89.

252. Навроцкая И. Н. Вопросы международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью / И. Н. Навроцкая // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 1. – С. 239–243.

253. Никитенко, И.В. Влияние миграции на состояние организованной преступности (по материалам Дальневосточного региона) / И.В. Никитенко // Научный портал МВД России. – 2011. – № 4. – С.47–50.

254. Никитенко, И.В. Влияние миграции на состояние организованной преступности (по материалам Дальневосточного региона) / И.В. Никитенко // Научный портал МВД России. – 2011. – № 4. – С.47–50.

255. Никифоров, Б.С. Основные вопросы развития советского уголовного права в связи с кодификацией уголовного законодательства / Б.С. Никифоров // Труды научной сессии, посвящённой сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. 21–23 октября 1957 года. Всесоюзный институт юридических наук. – Москва, 1958. – С.104.

256. Новоселов Н.Г. Некоторые аспекты совершенствования эффективности деятельности подразделений по борьбе с противоправным использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Н. Г. Новоселов, А. Н. Михайлов // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3(231). – С. 423–425.

257. Новосёлов Н.Г. Характеристика личности преступников, совершивших кражи с незаконным проникновением в жилище граждан (на примере Белгородской области за 9 месяцев 2023 года) / Н. Г. Новоселов, А. А. Жамборов, А. Н. Михайлов, Р. А. Лащенко // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 3(190). – С. 392–394.

258. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза / В.А. Номоконов, Т.Л. Тропина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 24. – С.45–55.

259. Олькова, О.А. Точное измерение латентной преступности. ответ профессора С.Г. Олькова Адольфу Кетле / О.А. Олькова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – № 4. – С. 388–432.

260. Панферчева, В.Е. Особенности уголовной ответственности за хищения с банковской карты / В.Е. Панферчева // Наука, общество, государство. – Т. 7. – № 1 (25). – 2019. – С.80–85.

261. Пихов А.Х., Чуткова Ю.Д. Транснационализация современной преступности и мировые глобализационные процессы / А.Х. Пихов, Ю.Д. Чуткова // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 4. – С.147–151.

262. Пляскина, К.С. Криминологический анализ латентности краж / К.С. Пляскина // Научные исследования. – 2017. – № 6 (17). – С.45–48.

263. Поцелуев, Е.Л. Амнистии временного правительства России в марте 1917 г. / Е.Л. Поцелуев // Вестник Ивановского государственного университета. – № 3. – 2017. – С. 25–30.

264. Право человека на жизнь и гарантии его реализации в сфере труда и социального обеспечения // Материалы Международной научно–практической конференции 01–03 февраля 2007 г. / редактор: Гусов К.Н. – М.: Издательство Проспект, 2008. – 488 с.

265. Прохорова М.Л., Горенко М.Г. Некоторые дискуссионные аспекты института множественности преступлений / М.Л. Прохорова, М.Г. Горенко // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 5. – С.121–123.

266. Пудовочкин, Ю.Е. Уголовно-политические риски и противоречия «сдерживания» суда / Ю.Е. Пудовочкин // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: отв. редакторы В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. – Краснодар, 2021. – С.120–130.

267. Пучков, Д.В. К вопросу взаимосвязи кибернетических технологий и уголовного права / Д.В. Пучков // Социально-политические науки. – 2017. – № 6. – С.130–135.

268. Разакова Ф.М., Асельдерова У.С. Платежная система: определение, структура, принципы организации / Ф.М. Разакова, У.С. Асельдерова // Наука и современность. – 2013. – № 25-2. – С. 137–142.

269. Рачкова, Н.М. Характеристика личности лиц, совершивших уличные преступления / Н.М. Рачкова // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 3. – С. 87–90.

270. Ревенков П.В., Тер-Аветисян Х.А. Возрастание правового риска в условиях дистанционного банковского обслуживания / П.В. Ревенков, Х.А. Тер-Аветисян // Финансы и кредит. – 2014. – № 18 (594). – С. 25–35.

271. Рязанов, Н.С. Проблемы квалификации преступлений по ст. 210 УК РФ / Н.С. Рязанов // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2014. – № 1 (38). – С.232–236.

272. Савченко, М.М. Квалификационные ошибки применения ст. 159.3 и п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса РФ / М.М. Савченко // Право и практика. – 2022. – № 3. – С. 138–141.

273. Самойлов, С.Ф. Критика криминальной идеологии как средство профилактики организованной преступности в молодежной среде / С.Ф. Самойлов // Вестник КРУ МВД России. – 2019. – № 2 (44). – С.99–103.

274. Семенов В.Р., Гришин Н.С. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, предусмотренного статьей 210¹ УК РФ / В.Р. Семенов, Н.С. Гришин // Закон и право. – 2019. – № 8. – С.75–76.

275. Скворцова, О.В. Анализ отдельных криминологических показателей экономической преступности в Российской Федерации / О.В. Скворцова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – № 1. – С.192–198.

276. Скляр, Л.А. Мошенники. Преступный мир Москвы / Л.А. Скляр // Сборник статей под ред. проф. М. Н. Гернета. – М.: Издательство «Право и жизнь», 1924. – С.163–173.

277. Скляров С.В., Евдокимов К.Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской

Федерации / С.В. Складов, К.Н. Евдокимов // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 2. – С. 322–330.

278. Скобликов, П.А. Первый приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии: освещение в СМИ и значение для правоприменительной практики / П.А. Скобликов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 4 (27). – С.43–51.

279. Стоянов, Р.В. Компьютерный фишинг – судебный приговор / Р.В. Стоянов // Право и кибербезопасность. – 2012. – № 1. – С.20.

280. Степанов, М.В. Оценка эффективности отдельных направлений уголовно–правовой политики противодействия преступлениям против собственности / М.В. Степанов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 1 (65). – С.309–311.

281. Степанов М.В., Самохвалов И.Ю., Скаков А.Б. Эффективность проведения расследования уголовных дел при использовании помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора, на территории воспитательной колонии / М.В. Степанов, И.Ю. Самохвалов, А.Б. Скаков // Пенитенциарная наука. – 2024. – Т. 18. – № 2 (66). – С.171–178.

282. Степанов М.В., Петрянин А.В., Летёлкин Н.В. Совершенствование уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием «виртуальной валюты» (криптовалюты) / М.В. Степанов, А.В. Петрянин, Н.В. Летёлкин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 237–242.

283. Степанов М.В., Петрянин А.В. Социально-правовая обусловленность криминализации противоправной деятельности, сопряженной с использованием цифровых финансовых активов / М.В. Степанов, А.В. Петрянин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – Т. 11. – № 2 (40). – С. 203–212.

284. Сухов, Н.А. Безопасность группы: антикриминальный и криминальный аспекты / Н.А. Сухов // Вестник Московского университета МВД России. 2021. – № 5. – С.314–318.

285. Сухов, С.В. Исторический аспект возникновения преступных лидеров / С.В. Сухов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – № 3 (50). – 2009. – С.63–70.

286. Тайбаков, А.А. Профессиональный преступник: опыт социологического исследования / А.А. Тайбаков // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С.84–87.

287. Тарновский, Е.Н. Конокрадство в настоящее время и в военную эпоху / Е.Н. Тарновский // Проблемы преступности – 1927. – Выпуск 2. – С.100–101.

288. Тарновский, Е.Н. Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. / Е.Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. – 1909. – № 9. – С. 57.

289. Твердюкова, Е.Д. Общество и преступный мир: некоторые аспекты взаимоотношений после Февральской революции / Е.Д. Твердюкова // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. – 2007. – № 2. – С. 29–34.

290. Телефонные мошенничества (предупреждает управление «К» МВД России) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 4. – С.74–76.

291. Тепляков, А.Г. Криминал и власть в эпоху становления советской государственности / А.Г. Тепляков // Новый исторический вестник. – 2015. – № 3 (45). – С.44–64.

292. Тирменов, А.Н. Современные проблемы фальшивомонетничества в России / А.Н. Тирменов // Экономика и социум. – 2016. – № 9 (28). – С.458–461.

293. Токторов А.Е., Келдибекова А.Б. Соотношение организованной преступности с профессиональной экономической преступностью в странах СНГ / А.Е. Токторов, А.Б. Келдибекова // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – № 10. – 2018. – С. 87–90.

294. Третьякова Е.И., Трубкина О.В. Правовые проблемы расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа / Е.И. Третьякова, О.В. Трубкина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2. – С. 7.

295. Тулегенов, В.В. Криминальная субкультура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями / В.В. Тулегенов // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. – 2005. – № 5. – С.220–226.

296. Упоров, И.В. Общественная психология правового нигилизма в России до и после революций 1917 г. / И.В. Упоров // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – № 10. – С.66–72.

297. Утевский, Б.С. Рецидив и профессиональная преступность / Б.С. Утевский // Проблемы преступности. Сборник. – М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1928. – Вып. 3. – С. 91–109.

298. Утевский, Б.С. Сколько у нас преступников-профессионалов и что с ними делать? / Б.С. Утевский // Административный вестник НКВД РСФСР. – 1929. – № 3. – С.12–20.

299. Учеватов, А. Московский бандитизм / А. Учеватов // Пролетарский суд. – 1925. – № 3. – С. 39–43.

300. Фадеев, В.Н. Нерегулируемый переход к рынку – угроза национальной безопасности России / В.Н. Фадеев // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – №2-2. – С. 267–271.

301. Фадеев, В.Н. Профессионально-организованная преступность / В.Н. Фадеев // Вестник Московского университета МВД России. –2018. – № 6. – С.167–173.

302. Фарышев, Е.В. Криминологические особенности личности профессионального преступника / Е.В. Фарышев // Общество и право. – 2018. – № 2 (64). – С.22–25.

303. Фарышев, Е.В. Современное понятие и содержание профессиональной преступности / Е.В. Фарышев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 3 (33). – С. 90–93.

304. Филимонов, С.А. Проблемы борьбы с компьютерным мошенничеством как потенциальной угрозой информационному сообществу / С.А. Филимонов // Современное право. – 2014. – № 9. – С. 123–127.

305. Хагуров Т.А., Чепелева Л.М. Социально–психологические причины распространения субкультуры «АУЕ» (неявные факторы актуальной проблемы) / Т.А. Хагуров, Л.М. Чепелева // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2021. – № 2. – С.322–339.

306. Хаджаева, Н.Х. Лингвокультурологический аспект возникновения в языке социальной лексики / Н.Х. Хаджаева // *Lingua mobilis*. – 2011. – № 6 (32). – С.66–70.

307. Халиуллина, А.Н. Личность преступника, совершающего противоправные деяния, предусмотренные ст. 186 УК РФ / А.Н. Халиуллина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5-3. – С.250–253.

308. Хисамова, З.И. Кардерство в современной России / З.И. Хисамова // Вестник КРУ МВД России. – 2012. – № 3 (17). – С.97–100.

309. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) / Ф.Р. хисамутдинов, А.Е. Шалагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – № 4 (18). – С.50–55.

310. Чудин, Н.М. О неформальных молодёжных объединениях асоциальной направленности / Н.М. Чудин // Вестник Прикамского социального института. – 2019. – № 3 (84). – С.49–56.

311. Чуканова Т.В. Жаргон преступников / Т.В. Чуканова // Вестник права. – 1916. – № 33. – С. 781–784.

312. Чукова Д.И., Медведев Д.А., Литвиненко М.В. Модель формирования компетенций специалиста в сфере расследования компьютерных преступлений / Д.И. Чукова, Д.А. Медведев // Вопросы кибербезопасности. – 2019. – № 3 (31). – С. 57–62.

313. Шабаль, В.С. Предупреждение профессиональной преступности в исправительных учреждениях Республики Беларусь / В.С. Шабаль // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 2 (47). – С.107–114.

314. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д., Шалагин И.А. / А.Е. Шалагин, А.Д. Идиятуллов, И.А. Шалагин // Деятельность государственных органов и общественных организаций по минимизации негативного воздействия криминальной субкультуры в отношении несовершеннолетних и молодежи // Столыпинский вестник. – 2022. – № 1. – С. 78–92.

315. Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Тюремный фольклор в контексте криминальной субкультуры / А.Е. Шалагин, О.Н. Хрусталева // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 4 (30). – С.46–52.

316. Шалагин, А.Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии / А.Е. Шалагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (26). – С.36–39.

317. Шаталов, А.С. Феноменология преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий / А.С. Шаталов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 2. – С. 68–83.

318. Шевелёва С.В., Химеденова Д.Н. Использование технологий системы распознавания лиц в вопросах предупреждения преступности отдельных категорий осужденных / С.В. Шевелёва, Д.Н. Химеденова // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 160–169.

319. Шиханов, В.Н. Криминализация АУЕ: подводные камни реализации политико-правового решения / В.Н. Шиханов // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 1 (92). – С. 68–73.

320. Эзрохин, П.В. Уголовно–правовые институты в оперативно-служебной деятельности подразделений уголовного розыска по противодействию организованной преступности: проблемы применения и пути решения / П.В. Эзрохин // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 3 (47). – С.34–41.

321. Южанин, В.Е. Ответственность за многократный рецидив преступлений (исторический аспект) / В.Е. Южанин // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2007. – № 17. – С.71–82.

322. Юнаковская, А.А. «Записки из Мертвого дома» и «Сибирская тетрадь» Ф. М. Достоевского как основа русской лингвокриминалистики / А.А. Юнаковская // Вестник ОмГУ. – 2012. – № 1 (63). – С. 279–285.

323. Яковлев, К.Л. К вопросу об участии органов центрального отраслевого управления в борьбе с фальшивомонетничеством в Российской империи / К.Л. Яковлев // Труды Академии управления МВД России. – 2013. – № 1 (25). – С.89–93.

324. Ярмольчук, В.Г. Динамика жизненного уровня населения в условиях рыночных реформ / В.Г. Ярмольчук // Социология власти. – 2006. – № 6. – С. 49–57

325. Яхонтова О.С., Трабо В.Н. Причинный комплекс и направления профилактики организованной преступности / О.С. Яхонтова, В.Н. Трабо // Вестник Санкт–Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 143–151.

Диссертации. Авторефераты диссертаций

326. Антонян, Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08 / Антонян Елена Александровна. – Москва. 2014. – 345 с.

327. Асланян, М.М. Рецидив преступлений как легальная форма профессиональной преступности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Асланян Маркос Мамякович. – Краснодар, 2008. – 241 с.

328. Гончарова, М.В. Рецидив корыстных преступлений и его предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Гончарова Мария Витальевна – Москва, 2014. – 457 с.

329. Гринберг, С.А. Криминологическая характеристика и противодействие организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Гринберг Станислав Аркадьевич. – Москва, 2023. – 257 с.

330. Дилоян, В.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организованной преступности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Дилоян Валерий Альбертович. – Ростов-на-Дону, 2002. – 224 с.

331. Забелич, А.А. Личность профессионального преступника, отбывающего наказание в местах лишения свободы, как объект криминологического исследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Забелич Антон Александрович. – Рязань, 2013 – 179 с.

332. Иванцов, С.В. Организованная преступность: системные свойства и связи: криминологическая оценка: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Иванцов Сергей Вячеславович. – Москва, 2009. – 446 с.

333. Иващенко, М.А. Новые формы организованной преступности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Иващенко Мария Алексеевна. – Москва, 2001. – 217 с.

334. Карпушина, М.В. Рецидивная преступность женщин, освободившихся из мест лишения свободы, и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Карпушина Марина Владимировна. – Рязань, 2013. – 25 с.

335. Микаутадзе, С.Р. Уголовно-правовые и криминологические признаки преступного профессионализма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Микаутадзе Сергей Романович. – Москва, 2006. – 203 с.

336. Мустафина, Л.Р. Конституционно-правовые средства защиты детства в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Мустафина Ляйсан Ренатовна. – Казань, 2024. – 29 с.

337. Репецкая, А.Л. Транснациональная организованная преступность: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Репецкая Анна Леонидовна. – Иркутск, 2001. – 388 с.

338. Рыжов, Д.С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью 1866–1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Рыжов Дмитрий Сергеевич. – Москва, 2000. – 212 с.

339. Серкова, Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Серкова Татьяна Валентиновна. – Нижний Новгород, 2016. – 223 с.

340. Третьяков, В.И. Организованная преступность и легализация криминальных доходов: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Третьяков Владимир Иванович. – Ростов-на-Дону, 2009. – 280 с.

341. Шакирьянов, М.М. Преступные традиции среди осужденных в исправительных учреждениях и борьба с ними: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шакирьянов Марат Мавлявиевич. – Санкт-Петербург, 2004. – 284 с.

342. Шигина, Н.В. Криминологические проблемы борьбы с профессиональной преступностью на современном этапе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шигина Наталья Валерьевна. – Москва, 2001. – 177 с.

343. Яценко, В.А. Транснациональная организованная преступность: Криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Яценко Вячеслав Александрович. – Ростов-на-Дону, 2003. – 194 с.

Электронные ресурсы

344. Global Digital 2022: вышел ежегодный отчёт об интернете [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html> (дата обращения 09.02.2023).

345. АУЕ – новая криминальная субкультура [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-vid.ru/obschestvo/240820/ae-novaya-kriminalnaya-subkultura-ili-mif> (дата обращения 24.09.2020).

346. Верховный суд РФ отменил приговор старейшему российскому вору в законе [Электронный ресурс]. URL: <https://legal.report/vs-rf-otmenil-prigovor-starejshemu-rossijskomu-voru-v-zakone/> (дата обращения 15.06.2024).

347. Воинский артикул 26 апреля 1715 г. [Электронный документ]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения 26.10.2019).

348. ВЦИК, Постановление от 1 июня 1922 г. о введении в действие Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. [Электронный документ]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=42602#09545321764657917> (дата обращения 10.01.2020).

349. ГУ МВД России по г. Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения 25.02.2023).

350. Десять схем кибермошенничества, о которых следует знать [Электронный ресурс]. URL: <https://club.dns-shop.ru/blog/t-57-tehnologii/20007-desyat-shem-kiber-moshennichestva-o-kotoryih-vam-sleduet-znat/> (дата обращения 02.02.2021).

351. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждённая указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 [Электронный документ]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460/page/2> (дата обращения 07.02.2023).

352. Доля пользователей мобильным банком выросла до 70% [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/dolya-polzovateley-mobilnym-bankom-vyroslo-do-70/> (дата обращения 09.04.2024).

353. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими [Электронный ресурс]. URL: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (дата обращения 24.10.2022).

354. Закон СССР об утверждении основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. [Электронный документ]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13877> (дата обращения 21.06.2024).

355. Законопроект № 1009841-7 о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации / Государственная Дума РФ [Электронный документ]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1009841-7> (дата обращения 10.06.2023).

356. Законопроект № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры» [Электронный документ]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/318286-7> (дата обращения 14.06.2023).

357. Интервью начальника ГУФСИН России по Кемеровской области В.С. Должанцева [Электронный ресурс]. URL: <https://42.fsin.gov.ru/press/intervyu-nachalnika-gufsin-rossii-po-kemerovskoy-oblasti-v-s-dolzhantseva-interfaks-sibir-12-aprelya.php> (дата обращения 01.02.2023).

358. Информационно-справочный материал об опыте работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, их трудоустройству, обеспечению жилой площадью, оказания социальной, медицинской и иной помощи [Электронный документ]. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_text/temp/__1432562743_110/ISM_po_polozhiteInomu_opytu_sotsialnoy_adaptatsii_lits_ranee_sudimykhn_GUOOOP_MVD_Rossii.pdf (дата обращения 09.04.2021).

359. Количество преступлений в России по годам и видам [Электронный ресурс]. URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/944-kolichestvo-prestuplenij-v-rossii> (дата обращения 01.06.2022).

360. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения 13.04.2023).

361. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения 13.04.2023).

362. Криминология рецидивной и профессиональной преступности [Электронный ресурс]. URL: [https://ставф.крду.мвд.рф/upload/site122/document_file/Lekciya_11\(4\).pdf](https://ставф.крду.мвд.рф/upload/site122/document_file/Lekciya_11(4).pdf) (дата обращения 13.10.2021).

363. МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/5/> (дата обращения 23.02.2023).

364. Международная конференция AntiFraud Russia – 2013 успешно завершила свою работу [Электронный ресурс]. URL: <http://npc.ru/ru/media/news/?id=931> (дата обращения 01.02.2021).

365. Методические рекомендации по профилактике распространения среди несовершеннолетних и молодежи криминальных субкультур, экстремистских и антиобщественных идей [Электронный документ]. URL: <https://minsoc18.ru/about/commissions/minors/methodical/4710/> (дата обращения 15.07.2023).

366. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г. [Электронный документ]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения 10.01.2020).

367. Образовательные учреждения МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 06.02.2023).

368. Организатор задержался в колонии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5926423> (дата обращения 03.06.2024).

369. Ответственность «воров в законе»: правоприменение [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/incident_publication/20231109/309369877.html (дата обращения 11.07.2023).

370. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения 24.09.2024).

371. Положение об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/mvd/structure1/Upravlenija/> (дата обращения 26.06.2024).

372. Постановление Народного Комиссариата Юстиции «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (временная Инструкция)» [Электронный документ]. URL: <https://istmat.org/node/30698> (дата обращения 21.06.2024).

373. Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость. ВЦИОМ России [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/postradavshie-ot-prestuplenij-v-nadezhde-na-spravedlivost-> (дата обращения 11.07.2023).

374. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)» от 14.02.2019 г. № Пр-206. Москва, Кремль. [Электронный документ]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения 21.03.2020).

375. Путин констатирует рост преступности в РФ с использованием информационных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax->

russia.ru/moscow/main/putin-konstatiruet-rost-prestupnosti-v-rf-s-ispolzovaniem-informacionnyh-tehnologiy (дата обращения 14.01.2024)

376. Раскрыты подробности убийства бывшего командира подлодки «Краснодар» [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/10/krasnodar/> (дата обращения 12.07.2023).

377. Россиянин лишился квартиры и денег из-за сектантов [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2020/02/21/evil_sect/ (дата обращения 21.05.2021).

378. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. [Электронный документ]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901870462> (дата обращения 10.01.2020).

379. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год № 11.2 [Электронный документ]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения 11.07.2023).

380. Семь самых богатых террористических группировок в мире [Электронный ресурс]. URL: <http://kavpolit.com/blogs/begehunter/5222/> (дата обращения 27.09.2021).

381. Система кибербезопасности в Китае (2021) [Электронный ресурс]. URL: http://factmil.com/publ/strana/kitaj/sistema_kiberbezopasnosti_v_kitae_2021/59-1-0-1833 (дата обращения 13.07.2023).

382. Соборное Уложение от 29 января 1649 г. [Электронный документ]. URL: <http://base.garant.ru/57791500/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe/> (дата обращения 22.10.2019).

383. Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [Электронный документ]. URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=28340> (дата обращения 10.02.2023).

384. Состояние преступности в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения 20.01.2025).

385. Состояние преступности в РФ за январь – декабрь 2016 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/9338947/> (дата обращения 07.02.2023).

386. Состояние преступности в РФ за январь – декабрь 2017 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987/> (дата обращения 07.02.2023).

387. Состояние преступности в РФ за январь – декабрь 2018 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения 07.02.2023).

388. Состояние преступности в РФ за январь – декабрь 2019 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения 07.02.2023).

389. Состояние преступности в РФ за январь – декабрь 2020 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения 07.02.2023).

390. Состояние преступности в РФ за январь – декабрь 2021 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения 07.02.2023).

391. Состояние преступности в РФ за январь – декабрь 2022 года [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/34307225/> (дата обращения 07.02.2023).

392. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 г. [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения 10.04.2024).

393. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 г. [Электронный документ]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения 20.01.2025).

394. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный документ]. URL:

<http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf>
(дата обращения 09.09.2021).

395. Страхи и опасения Россиян [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strakhi-i-opaseniya-rossiyan>
(дата обращения 11.07.2023).

396. Террористы и мотивы их действий [Электронный ресурс]. URL: <https://mo-izberbash.ru/99-articles/novosti/antiterror/1136-terroristy-i-motivy-ikh-dejstvij> (дата обращения 27.09.2021).

397. Указание от 30 июня 2022 года о введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный документ]. URL: <https://ukrfkod.ru/zakonodatelstvo/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-36111-mvd-rossii-n-1/> (дата обращения 07.02.2023).

398. Устав благочиния и полицейский 1782 г. [Электронный документ]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13635> (дата обращения 26.10.2019).

399. ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--11aeji.xn--b1aew.xn--p1ai/sveden/common> (дата обращения 15.02.2023).

400. ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1agajc0ayikbb.xn--b1aew.xn--p1ai/folder/19377678> (дата обращения 15.02.2023).

401. Энциклопедия бандитских татуировок [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=760&lvl=05>. (дата обращения 26.07.2021).